2439

О языкѣ

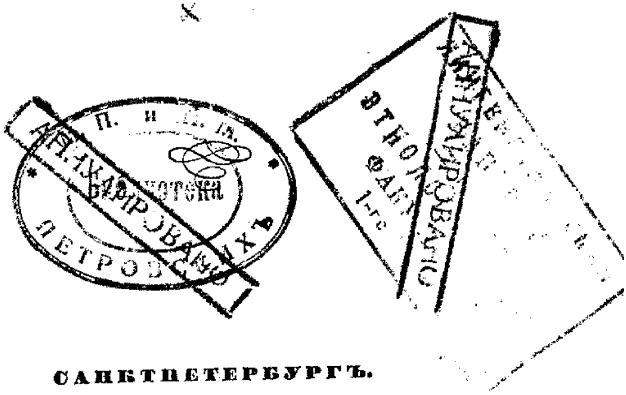
СѢВЕРНЫХЪ

РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

3801

СОЧИНЕНІЕ

ПЕТРА ЛАВРОВСКАГО.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1852.

1к

2-й экз.

ПРОВ. 1957

Ир.

Р6
2918
1853

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С. Петербургскаго Университета. 3 Ноября 1852 года.

Деканъ *И. Устряловъ.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
500
50

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе 4
Единство языка Русскаго до образованія Русскаго Государства . . 7
Обстоятельства, содѣйствовавшія отдѣленію сѣверной Руси отъ южной, а вмѣстѣ и нарѣчія Великорусскаго отъ Малорусскаго . . 11
Отсутствіе въ спискахъ Русскихъ лѣтописей XIV—XV столѣтія очевидныхъ признаковъ современнаго нарѣчія Малорусскаго . . 21
А Отличительныя свойства Русскаго языка древняго 24
I. Отличительныя черты звуковъ въ древнемъ языкѣ Русскомъ
1) Гласные звуки глухіе ъ и ь, ихъ постепенная потеря въ народѣ и случаи, когда употреблялись они въ древности 36
2) Гласные звуки носовые . 40
3) Звуки гортанные, ихъ первоначальная твердость и посредственная смягчаемость . . . 42
4) Звуки шипящіе *ж*, *ч*, *щ*, *ш* *щ* 43
5) Полногласіе Русскаго языка . . 46
II Отличительныя черты формъ грамматическихъ въ древнемъ языкѣ Русскомъ . . . 56
1) Въ именахъ существительныхъ . . . 63
2) Въ именахъ прилагательныхъ и причастіяхъ . . . 75
3) Въ мѣстоименіяхъ и числительныхъ . 81
4) Въ глаголѣ . 82
a) Неопредѣленное наклоненіе и достигательный видъ . . 84
b) Прошедшее время простое и сложное . 87
c) Прошедшее неопредѣленное и совершенное 89
d) Будущее время 91
e) Сослагательное наклоненіе . . . 94
III Синтаксическія особенности древняго языка Русскаго
1) Въ словосогласованіи . . . 99
2) Въ словоуправленіи 105
3) Въ словорасположеніи 107
4) Въ словоупотребленіи . . . 114
Б. Отличительныя черты стариннаго языка Русскаго
Въ формахъ грамматическихъ 120
Въ словосогласованіи 122
Въ словоуправленіи 125
Въ словоупотребленіи. 128

В. Мѣстныя особенности нарѣчія Новгородскаго:
Въ звукахъ 135
Въ формахъ грамматическихъ 136
Предѣлы области нарѣчія Новгородскаго и время, когда появились въ немъ мѣстныя особенности 141
Мнѣніе г. Шевырева о говорѣ горожанъ Кириллова и села Талицъ 144
Мнѣніе Мацѣевскаго о вліяніи языка Польскаго на нарѣчіе Новгородское ... 148
Заключеніе: 1) о древности списковъ сѣверныхъ лѣтописей и особенно списковъ первой Новгородской лѣтописи 157
2) Перемѣна въ характерѣ разсказа лѣтописнаго, какъ непосредственное слѣдствіе превращеній въ самомъ языкѣ 160

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

Русскій языкъ, какъ вѣтвь Славянскаго языка, составляетъ одно изъ огромныхъ и богатыхъ звѣньевъ той обширной круговой цѣпи, которая замыкаетъ собою великій міръ Славянскій. Плотно спаяны эти звѣнья, трудно оторвать ихъ одно отъ другаго; но ихъ взаимныя границы обозначились уже довольно рѣзко; наблюдателю стало уже довольно легко остановить взоръ свой на каждомъ изъ нихъ отдѣльно, разсмотрѣть каждое изъ нихъ порознь и опредѣлить тѣ точки, которыя взаимно связываютъ ихъ между собою. Не всегда была такая возможность: она явилась въ слѣдствіе многовѣковой жизни Славянъ на поприщѣ историческомъ, жизни отдѣльной и разнообразной. Было время, и современная наука Славянская окончательно убѣдилась въ томъ, что нѣкогда Славянскія нарѣчія представляли одно цѣлое, что всѣ составныя части обширной цѣпи сливались въ одно величественное и роскошное звѣно, которое, въ свою очередь, какъ одно цѣлое и нераздѣльное, входило въ составъ другой, болѣе обширной цѣпи, замыкавшей собою міръ Индо-Европейскій. Давно прошло это время, давно уже послѣдняя цѣпь распалась на составлявшія ее части, и каждая изъ нихъ образовала свою новую цѣпь; нѣсколько позже, тѣмъ не менѣе тоже давно, и въ каждой изъ новообразовавшихся цѣпей начало обнаруживаться распаденіе, имѣвшее то же слѣдствіе— развитіе изъ каждой составной части отдѣльныхъ круговъ; въ этихъ послѣднихъ нельзя опять не замѣтить стремленія къ новому и мельчайшему дробленію, неуспѣвшему, однакожь, развиться до рѣзкой отдѣльности.

Въ числѣ этихъ-то круговъ занимаетъ мѣсто и нашъ отечественный языкъ, богатый и обильный, какъ богата и обильна страна, на которой живетъ онъ, выразительный и сильный, какъ силенъ и могучъ народъ, владѣющій имъ. Раскрыть всѣ свойства этого языка, показать особенности отъ сплеменныхъ ему нарѣчій, опредѣлить то мѣсто, которое занимаетъ онъ въ настоящее время въ мірѣ Славянскомъ, и далѣе показать какимъ путемъ дошелъ онъ до современнаго состоянія, какія видоизмѣненія потерпѣлъ въ многовѣковой своей жизни—вотъ задача, которая имѣетъ неоспоримое право на вниманіе Русскаго Филолога. Рѣшеніе этой задачи не можетъ ограничиваться однимъ знаніемъ Русскаго языка, какъ бы ни было отчетливо и многообъемлюще это знаніе. Какъ одинъ изъ членовъ великой семьи Славянской, Русскій языкъ и можетъ быть понятъ во всѣхъ своихъ разнообразныхъ измѣненіяхъ только въ связи съ другими своими собратами. Если справедливо, что цѣлое становится вполнѣ понятнымъ и яснымъ лишь тогда, когда съ надлежащею полнотою и точностью изслѣдуются образующія его части, то не менѣе справедливо и то, что каждая изъ частей тогда только и представляется въ настоящемъ свѣтѣ вниманію наблюдателя, когда онъ видитъ ихъ на своихъ мѣстахъ въ цѣломъ. Филологъ Русскій необходимо долженъ быть филологомъ Славянскимъ. Славянскій языко-изслѣдователь, смотрящій на языкъ какъ на живой организмъ, живущій и измѣняющійся по своимъ опредѣленнымъ и твердымъ законамъ, недопускающій въ своемъ строѣ и составѣ слѣпой случайности и прихоти народа, не захочетъ и не долженъ отказаться отъ знанія и сплеменныхъ языковъ отрасли Индо-Европейской, если онъ не захочетъ, въ противномъ случаѣ, оставить въ немъ многое необъяснимымъ. Обще-сравнительное языкознаніе столь же необходимо для Славянскаго Филолога, сколько необходимо знаніе обще-Славянскаго языка для филолога Русскаго. Такъ и понята въ наше время Филологія Русская, въ такомъ смыслѣ и положено начало разработкѣ исторіи языка отечественнаго.

Признавая вполнѣ всю высокую важность подобнаго взгляда на изслѣдованіе языка, нельзя, однакожь, не смотрѣть съ признательностью на труды и тѣхъ ученыхъ, и Русскихъ и дру-

гихъ Славянскихъ, которые съуживаютъ предѣлы своей дѣятельности, ограничивая ее однимъ роднымъ языкомъ. Собрать, на основаніи памятниковъ или живой рѣчи, всѣ данныя языка, прослѣдить его видоизмѣненіе по всѣмъ вѣкамъ, на сколько дозволяютъ это сдѣлать источники, опредѣлить характеръ этихъ видоизмѣненій, отдѣлить то, что́ принадлежало и принадлежитъ языку искони отъ того, что явилось впослѣдствіи, смѣнивши новымъ забытое старое, — и такой трудъ не можетъ остаться безполезнымъ для науки, лишь бы составленъ онъ былъ добросовѣстно. Изъ него выйдетъ богатый матеріалъ, на которомъ, какъ на готовомъ, легче будетъ опытному и искусному уму продолжить и окончить только-что начатое зданіе сравнительной исторіи Русскаго языка. Тѣмъ основательнѣе, кажется, такая уступчивость, что подобные труды могутъ быть совершаемы и безъ того огромнаго запаса свѣдѣній въ языкахъ Индо-Европейскихъ, которыя бываютъ плодомъ и долголѣтнихъ усилій, и отсутствія немалыхъ препятствій, по большей части неразлучныхъ съ юнымъ поколѣніемъ, которое, однако, не захочетъ и не имѣетъ права отказаться отъ трудовъ на полѣ родной науки. Оно должно иногда невольно ограничиваться однимъ яснымъ сознаніемъ существенной пользы отъ тѣхъ свѣдѣній, — съ него пока и достаточно; придетъ время, когда живая любовь къ своему слову превратитъ это сознаніе и въ дѣйствительное знаніе.

Руководясь этимъ разсужденіемъ, въ справедливости котораго не могу сомнѣваться, представляю и я часть молодыхъ трудовъ своихъ по отечественному языку вниманію его знатоковъ и любителей. Цѣль настоящаго разсужденія состоитъ въ томъ, чтобы, на основаніи Русскихъ лѣтописей, обозрѣть черты древняго языка въ одной изъ половинъ великаго нашего отечества, именно въ сѣверной Россіи, и указать на то, когда и какимъ образомъ эти черты забылись и замѣнились новыми. Однимъ изъ главныхъ предметовъ при этомъ обозрѣніи было нарѣчіе Новгородское, столь распространенное на сѣверѣ въ періодъ господства Новгорода. Поэтому, вмѣстѣ съ общими чертами языка древняго Русскаго, я старался показать и тѣ особенности, которыя отличаютъ Новгородское нарѣчіе какъ

мѣстное. Предѣломъ разсужденія избралъ я конецъ XV в., когда сѣверныя области Россіи вышли изъ своего разрозненнаго состоянія, сосредоточившись подъ державою В. К. Московскаго, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ Московское нарѣчіе стало выступать уже какъ первенствующее на сѣверѣ Россіи. Подмѣтивъ паденіе древнихъ формъ, опредѣливъ время, когда обнаружилось и совершилось это паденіе, я считалъ неизлишнимъ охарактеризовать и особенныя черты образовавшагося чрезъ то языка стариннаго. Въ видѣ результатовъ предшествовавшихъ наблюденій надъ языкомъ древнимъ, представлены мною замѣчанія а) относительно древности сѣверныхъ Русскихъ лѣтописей, сравнительно съ дошедшими до насъ лѣтописями южной редакціи, и б) относительно постепеннаго измѣненія языка лѣтописнаго, становившагося тѣмъ болѣе искусственнымъ и натянутымъ, чѣмъ болѣе забывались въ народѣ черты языка Русскаго — древняго.

Такой трудъ, конечно, далекъ отъ того воззрѣнія на занятіе Русскимъ языкомъ, которое, и справедливо, считаетъ необходимымъ объяснять всѣ фазы его, иногда непонятные сами по себѣ, сличеніемъ съ сродными языками; которое смотритъ на него не только какъ на языкъ Славянскій, но и какъ на Индо-Европейскій. Авторъ отказывается и отъ притязаній на подобное языкоизслѣдованіе. Онъ имѣлъ въ виду единственно Русскій языкъ, и то одну половину его и притомъ въ опредѣленномъ пространствѣ времени; заботился только о возможно-подробномъ и вѣрномъ собраніи фактовъ языка, и останется совершенно доволенъ, если выполнитъ задачу свою какъ слѣдуетъ, будучи увѣренъ, что этимъ принесъ онъ не ничтожный матеріалъ для будущихъ, болѣе обширныхъ и важныхъ трудовъ.

Русскій языкъ въ настоящее время состоитъ изъ двухъ обширныхъ отдѣловъ, довольно рѣзкими чертами отличающихся одинъ отъ другаго. Эти отдѣлы — нарѣчіе Великорусское и нарѣчіе Малорусское. Отдѣленіе ихъ другъ отъ друга не есть явленіе незапамятныхъ временъ, эпохи доисторической. Подобнаго отдѣленія невозможно предполагать уже и по одному сравненію сплеменныхъ нарѣчій, которыя, при всей современной отдѣльности, такъ поразительно сходны между собою въ языкѣ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ. Тѣмъ скорѣе должно было быть то же сходство въ древности въ языкѣ Русскомъ, какъ достояніи одного народа, связаннаго одною вѣрою, одними законами, находившагося долгое время подъ властью одного монарха и бывшаго цѣлые три съ половиною вѣка въ непрерывномъ взаимномъ сношеніи. Исторія и древніе памятники обѣихъ половинъ Руси рѣшительно подтверждаютъ это положеніе.

Страна, извѣстная нынѣ подъ именемъ Малороссіи, еще задолго до образованія Россійскаго Государства. точно такъ, какъ и тѣ изъ странъ сѣверныхъ Славянскихъ, которыя первыя положили начало этому государству, была населена Славянами. Одинаковость Славянскаго происхожденія, однообразіе родоваго быта, одни преданія старины, которыя были такъ живы и свѣжи у всѣхъ Славянъ въ то отдаленное время, не давали и не могли подавать повода къ раздѣльности языка на югѣ и сѣверѣ. Правда, лѣтописецъ говоритъ, что разселившіеся въ нынѣшнихъ предѣлахъ Россіи Славяне, «имяху обычаи свои, и законъ отець своихъ, и преданье, кождо свой нравъ»[1]); такимъ образомъ, какъ будто прямо указываетъ на расторгнутое уже единство между

1) Полн. Собр. Руск. лѣтописей, Т. I, стр 6.

Славянами. Однако, изъ слѣдующихъ же строкъ Нестора, въ которыхъ онъ подтверждаетъ примѣрами высказанную имъ мысль, видно, что это различіе состояло лишь въ немногихъ обрядахъ чисто-семейныхъ, домашнихъ, обнаруживалось только въ различномъ взглядѣ на мѣстожительство, на бракъ и погребеніе, во взглядѣ, проистекавшемъ единственно отъ различнаго характера поколѣній Славянскихъ, и могло вовсе не касаться языка. Да, безъ сомнѣнія, оно и не касалось его; иначе лѣтописецъ не оставилъ бы безъ вниманія и языка точно такъ, какъ онъ считалъ нужнымъ упомянуть о различіи нѣкоторыхъ частныхъ обычаевъ. Къ тому же, если единство говора не существовало уже въ IX вѣкѣ, то, конечно, тѣмъ менѣе могло существовать оно во время Нестора, и ему тѣмъ легче и естественнѣе было сказать объ этомъ, что онъ, ежели по рожденію и не былъ Сѣверянином[2]), то, до поступленія своего въ монастырь, имѣлъ случай, можетъ быть и не разъ, странствовать по всему сѣверу своего отечества[3]), и слѣд. хорошо былъ знакомъ съ его языкомъ, какъ и съ языкомъ юга. Но лѣтописецъ, такъ вѣрно и подробно излагающій нерѣдко и незамѣчательныя обстоятельства, молчитъ рѣшительно о разнообразіи языка, и мы едва ли изъ приведеннаго выше мѣста имѣемъ право дѣлать такое заключеніе: «естественно было и въ языкѣ тѣхъ отдѣльныхъ обществъ (въ которыхъ хранились обычаи свои, и законъ отець своихъ, и преданья, кождо свой нравъ), образоваться бо́льшимъ или меньшимъ особенностямъ, которыя были главною внутреннею причиною мѣстныхъ разностей языка Русскаго, полнѣе развившихся въ послѣдующія времена»;[4]) другими словами, начало распаденія языка Русскаго на два нарѣчія восходитъ, по мнѣнію автора, къ временамъ почти доисторическимъ. Но эти разности, показавшіяся еще въ VIII—IX вв. и укрѣпившіяся въ народѣ еще болѣе въ послѣдующее время, развѣ не выразились бы въ произведеніяхъ словесности Русской? Развѣ тотъ же самый Несторъ не обнаружилъ бы хотя однажды

2) Истор. Россійск. Татищ. 1768 г. Ч. I. стр. 49—50.

3) Истор. Рус. Словесности Шевырева. Выпускъ II. стр. 70.

4) Историко критич. разсужд. о степени вліянія Польши на языкъ и устройство училищъ въ Россіи. Ст. Лебедева. 1848. стр. 7.

и хотя одного признака нарѣчія Малорус., подобно лѣтописцамъ Новгородскимъ, которые никакъ не могли удержаться, чтобы въ XIII—XIV столѣт., вмѣстѣ съ чертами языка обще-Русскаго древняго не включить особенностей своего говора мѣстнаго. Уклоненій въ языкѣ можно ожидать только съ уклоненіями въ самой жизни. Если эта жизнь идетъ неизмѣнно однимъ и тѣмъ же порядкомъ, если въ ней свято и непарушимо сохраняется все старое и устраняется всякая новизна: то нельзя предполагать измѣненій и въ языкѣ. А такою, конечно, и была жизнь Славянъ, и сѣверныхъ и южныхъ, до 862 года. Вотъ почему, чѣмъ болѣе приближаемся мы по уцѣлѣвшимъ памятникамъ Славянскимъ къ этой жизни, тѣмъ яснѣе высказывается сходство всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, такъ-что еще одинъ шагъ за предѣлы письменныхъ памятниковъ у Славянъ — и мы встрѣтили бы одинъ языкъ Славянскій, какъ и одинаковую жизнь для всѣхъ Славянъ [5]). Нѣтъ; если и было различіе между нарѣчіемъ сѣвернымъ и южнымъ до образованія Русскаго Государства, то оно было только лексическое, зависѣвшее отъ причинъ естественныхъ: различнаго мѣстоположенія страны, различнаго климата и различныхъ, въ слѣдствіе того, произведеній природы; разнообразія же въ строѣ языка, его фонетикѣ и формахъ грамматическихъ, разнообразія, которое давало бы право и въ эпоху образованія Русскаго Государства видѣть въ языкѣ Русскомъ два нарѣчія, не было и, по тогдашнему положенію Славянъ Русскихъ, быть не могло.

Эта нераздѣльность въ языкѣ Русскомъ, въ эпоху отдѣльной жизни поколѣній Славянскихъ, не имѣла причинъ рушиться и по соединеніи ихъ въ одну державу подъ владычествомъ первыхъ князей Русскихъ. Уже второй князь, Олегъ, покорилъ Кіевъ, а вмѣстѣ и сосѣдніе народцы Славянскіе, и сдѣлался единодержавнымъ правителемъ и сѣвера и юга. Взаимныя связи, начавшіяся съ того времени между обѣими половинами Русскаго Государства, не могли не поддерживать въ нихъ единства и въ жизни, и въ языкѣ. Сѣверныя страны, съ переселеніемъ

---

5) Šafařik. Počatkowe staročeské Mluwnice. Uwod k Wyb. z liter České, стр. 1, Jungman. Historie literat. ceské. Uwedeni. § 3.

князя на югъ, не освободились отъ его зависимости: онѣ имѣли у себя его посадниковъ, обязаны были платить ему дань, должны были принимать участіе въ непрерывныхъ военныхъ походахъ и высылать на югъ своихъ *верховныхъ воиновъ*. Чѣмъ чаще и огромнѣе были подобныя ополченія, тѣмъ сильнѣе и всестороннѣе могло скрѣпляться единство. Сами князья, хоть изрѣдка, являлись на сѣверѣ; такъ Игорь для сбора дани у Древлянъ, Ольга въ Новгородской области для установленія повозовъ, оброковъ и дани. Нимало не стѣснилось это общеніе между областями Русскими и въ первый періодъ браней удѣльныхъ. Въ удѣлахъ княжили младшіе братья, дѣти и племянники Великаго Князя Кіевскаго, обязанные повиновеніемъ ему и помощію военною при первой встрѣтившейся необходимости. Движеніе народонаселенія разныхъ странъ Руси не только не прекратилось съ удѣлами, а еще болѣе усилилось и сдѣлалось всестороннѣе. Неумолкаемыя распри, возбуждавшія непрерывныя войны, сближали тѣснѣе и тѣснѣе народъ во всѣхъ концахъ тогдашней Руси. Соединеніе княжествъ въ одно цѣлое противъ враждебнаго княжества, или тоже союза княжествъ, постоянные переходы войскъ изъ одной области въ другую, съ сѣвера на югъ, и наоборотъ—съ юга на сѣверъ, неминуемо должны были сглаживать всѣ особенности, еслибы онѣ и существовали, тѣмъ менѣе уже могли произвести ихъ сами. Удѣльные споры уничтожали всякое покушеніе на отдѣльность въ народѣ Русскомъ: ими поддерживалось прежнее единство Славянское, ими же совершалось и укрѣплялось единство и въ новыхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ народа. Это единство такъ было сильно, такъ многообъемлюще, общій Русскій типъ такъ глубоко врѣзался въ народъ Русскій, что впослѣдствіи ни время, ни обстоятельства не могли изгладить національнаго отпечатка[6]). Это единство не могло, конечно, миновать и того, въ чемъ болѣе всего высказывается оно, что сильнѣе всего связуетъ народъ— единства языка, въ которомъ по тому самому не могло быть различія и въ говорахъ областныхъ[7]).

---

6) Рус. Ист. Устрялова. Изд. 2-е, ч. I, стр. 131 — 132.

7) Ibid., стр. 177 — 179.

Обстоятельства значительно измѣнились, когда на сѣверѣ утвердилъ свое господство, а вмѣстѣ и великокняжескій престолъ, Андрей Боголюбскій. Его нерасположеніе къ югу обнаружилось еще при жизни отца, Юрія Долгорукаго, котораго неоднократно увѣщевалъ онъ оставить страну, необѣщавшую ничего, кромѣ усобицъ, и удалиться на сѣверъ [8]); еще разительнѣе выказалось оно въ его собственномъ удаленіи изъ Вышегорода въ Суздаль, вопреки волѣ отцовской [9]). Вся дѣятельность Андрея направлена была на любимую имъ область Суздальскую: въ ней, какъ въ странѣ новой, непроникнутой еще жаждою къ спорамъ и бранямъ междоусобнымъ, думалъ онъ всего легче положить начало новому порядку вещей и истребить въ конецъ стремленіе князей удѣльныхъ къ независимости. Отсюда постепенное сосредоточеніе княжествъ сѣверныхъ въ одно цѣлое, подъ властью одного Великаго Князя Суздальскаго. Какъ силенъ былъ на сѣверѣ Андрей Боголюбскій и какъ рѣзко выразилось отдѣленіе сѣвера отъ юга уже и въ его время, это видно изъ огромнаго войска, отправленнаго имъ противъ Мстислава, которое составляли исключительно жители сѣвера: Ростовцы, Суздальцы, Володимірцы, Переяславцы, Бѣлозерцы, Муромцы, Новогородцы и Рязанцы [10]). При преемникахъ Боголюбскаго продолжалось то же соединеніе сѣверныхъ областей и постепенное отдѣленіе ихъ отъ южныхъ [11]). Не прекратились, правда, совершенно старыя распри, не исчезли и враждебные походы князей сѣверныхъ и южныхъ другъ на друга: они продолжались нѣкоторое время и по смерти Боголюбскаго, но уже съ инымъ характеромъ, противоположнымъ прежнему. Здѣсь не было войнъ одного княжества противъ другаго; князья не спорили даже за первенство, которое неоспоримо принадлежало главѣ восточной Руси, Великому Князю Суздальскому и Владимірскому,—съ сихъ поръ «начинается борьба между сѣверной и южной Русью, представительницами новаго и стараго порядка ве-

8) Истор. отношеній между Рус. князьями Рюрикова Дома. Соловьева. 1847. Стр. 182.

9) Ипатьевская Лѣтопись, стр. 78.

10) Истор. отношеній. Солов. стр. 226.

11) Ист. Устрялова. Ч. I, стр. 171.

щей»[12]). Однимъ изъ дѣятельныхъ виновниковъ этой борьбы былъ Новгородъ.

Еще съ послѣднихъ лѣтъ XII вѣка прервались всѣ непосредственныя отношенія между сѣверомъ и югомъ. Нѣкогда первопрестольный градъ Кіевъ, мать городовъ русскихъ, забытъ былъ почти вовсе лѣтописцами сѣверными: они или рѣшительно не говорятъ о немъ ничего, или касаются мимоходомъ въ однихъ краткихъ намекахъ, когда неустройства Новгорода подадутъ случай, хоть изрѣдка, вмѣшаться сѣвернымъ князьямъ въ дѣла князей южныхъ, преимущественно Кіевскихъ и Черниговскихъ. Дѣйствительно, только одинъ Новгородъ, нежелавшій разстаться съ стариною и искавшій себѣ защиты противъ новаго направленія въ князьяхъ южной Руси, служилъ нѣкоторое время узломъ, удерживавшимъ отъ окончательнаго разрыва югъ и сѣверъ. Но и этотъ узелъ былъ непроченъ: вскорѣ разорванъ былъ и онъ новымъ непредвидѣннымъ событіемъ, окончательно расторгшимъ всѣ политическія связи двухъ половинъ Руси и уничтожившимъ для Новгорода всякую тѣнь надеждъ на помощь съ юга: «пришли Татары и довершили раздвоеніе Руси. Русь новая — сѣверовосточная, освободилась совершенно отъ вліянія старой, южной, стала жить своимъ собственнымъ обычаемъ, въ ней самой начало воспріявшимъ»[13]). Оставалось одно условіе, напоминавшее иногда сѣверу о единовѣрной странѣ южной, — это митрополія Кіевская, гдѣ продолжалъ еще жить, и послѣ разгрома татарскаго, митрополитъ земли Русской, и куда должны были ѣздить съ сѣвера епископы и архіепископы на поставленіе. Скоро не стало и этого напоминанія. Въ 1299 году скончался въ Новгородѣ архіепископъ Климентъ; на его мѣсто избранъ былъ Ѳеоктистъ; но ему долго пришлось ожидать своего поставленія, потому-что Новогородцы не знали, гдѣ митрополитъ[14]). Его уже не было въ Кіевѣ. «Не терпя насилья татарскаго», онъ удалился изъ первопрестольнаго града и,

---

12) Истор. Отнош. Предисл., стр. IX.

13) Объ отношеніяхъ Новгор. къ Вел. Князьямъ. Чтен. Общества Истор. и Древн. Іюнь. 1846. Стр. 62.

14) Новогород. первая лѣтоп. Стр. 67.

черезъ Брянскъ, отправился «въ суздальскую землю со всѣмъ своимъ житьемъ»[15]). Такимъ образомъ, въ самомъ концѣ XIII столѣтія не оставалось уже ничего болѣе на югѣ, что̀ бъ могло привлекать туда жителей сѣвера; вскорѣ сдѣлался тѣмъ же и сѣверъ для жителей юга. Въ 1320 году южная Русь должна была войти въ составъ Великаго Княжества Литовскаго, вмѣстѣ съ которымъ и черезъ которое принуждена была впослѣдствіи признать своимъ господиномъ иновѣрнаго короля Польскаго. Учрежденная Витольдомъ отдѣльная митрополія въ Кіевѣ (1416) присоединила къ отдѣленію политическому и разрывъ въ управленіи дѣлами Церкви. Такъ рушилась связь между двумя странами одной вѣры, одного языка, неразлучными въ продолженіе четырехъ столѣтій, дѣлившими вмѣстѣ счастіе и бѣдствія отечества!

Вотъ только съ котораго времени, со времени раздвоенія Государства Русскаго, начатаго Боголюбскимъ, усиленнаго Татарами и окончательно утвердившагося покореніемъ юга Литовцами, можно ожидать начала раздвоенію и въ языкѣ Русскомъ, все болѣе и болѣе развивавшемуся въ послѣдующее время. Съ XIII — XIV столѣтія южная Русь была покинута сѣверомъ; всякое сообщеніе прекратилось для нея и нетолько съ отдаленнымъ сѣверо-востокомъ, но и съ самымъ Новгородомъ[16]). Предоставленная себѣ самой, она должна была подвергнуться иной участи, испытать новую жизнь, совершенно отличную отъ прежней, общей и для сѣвера, должна была находиться подъ властью государей иноземныхъ, терпѣть гоненія за вѣру и нерѣдко спасать языкъ отъ усильныхъ вторженій чужеземщины. При такомъ положеніи дѣлъ могли появиться и особенности въ языкѣ, характеризующія говоръ южный, какъ отдѣльное нарѣчіе. А что онѣ появились не ранѣе этого времени, хотя и не тотчасъ послѣ отдѣленія политическаго, въ этомъ убѣждаетъ насъ филологическое разсмотрѣніе памятниковъ обѣихъ частей Руси, южной и сѣверной.

---

15) Лаврент., стр. 208.

16) Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи М. Погодина о Рус. Исторіи. Т. I., стр. 51 — 55.

Не имѣя въ виду подробно изслѣдовать вопросъ о языкѣ южнорусскомъ, какимъ представляется онъ въ древнихъ памятникахъ, вопросъ, который можетъ служить предметомъ особаго и обширнаго разсужденія, я ограничусь на этотъ разъ немногими словами о томъ: были ли замѣтны въ языкѣ произведеній словесности южной Русской особенныя черты до XIII—XIV столѣтія, которыя могли бы дать право филологу считать говоръ Малорусскій уже и до того времени отдѣльнымъ нарѣчіемъ языка Русскаго?

Всматриваясь въ особенности современнаго нарѣчія Малорусскаго [17]), мы легко отличаемъ въ нихъ два отдѣла: одни изъ этихъ особенностей являются остатками старины, принадлежавшими нѣкогда не только всему Русскому языку, но и всѣмъ нарѣчіямъ Славянскимъ, и забытыми впослѣдствіи Великоруссами. Сюда относятся: переходная смягчаемость звуковъ согласныхъ (бережись, на ярмарци, у пазуси, на берези), сохраненіе коренныхъ гласныхъ *ы* и *и*, перешедшихъ въ Великорусскомъ нарѣчіи въ *о* и *е* (крыть — крой, лить — лей), удержаніе особенной формы для звательнаго падежа и наконецъ употребленіе сложнаго будущаго съ *имати*, съ тѣмъ, однако, отличіемъ отъ древняго его употребленія, что вспомогательный глаголъ является позади (робитиму). Второй родъ особенностей есть уже явленіе мѣстное, развившееся преимущественно, а отчасти и исключительно, въ Малороссіи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ вовсе чуждое нарѣчію Великор. Такъ потеря различія между *ы* и *и*, частое употребленіе *у* вм. *ѧ*, всеобщее произношеніе *ѣ* какъ *и*, измѣненіе *о* въ *и* и наконецъ потеря окончанія *ть*, въ третьемъ лицѣ един. числа настоящаго времени. Понятно, что для нашего вопроса: принадлежали ли эти особенности говору южному до XIII — XIV столѣтія, важенъ только второй отдѣлъ, заключающій въ себѣ черты, отличающія нарѣчіе Малорусское не только отъ говоровъ сѣверныхъ, но и отъ древняго языка Русскаго. Что же касается до особенностей перваго рода, то онѣ, составляя нѣкогда неотъемлемую собственность всего языка общe-Славянскаго, стали отдѣлять южное нарѣчіе отъ сѣвернаго

17) Мысли объ Исторіи Русскаго языка, И. Срезневскаго, стр. 43—44.

не потому, чтобы происхожденіемъ своимъ обязаны были югу, а потому единственно, что, будучи въ старину въ равной степени принадлежностью и сѣвера, мало-по-малу вышли здѣсь изъ сознанія народнаго и замѣнились звуками и формами новыми. Но и въ этомъ отношеніи отдѣленіе произошло не ранѣе XIII—XIV вѣка [18]). Когда же обнаружились въ нарѣчіи Малорусскомъ особенности втораго рода, особенности болѣе-менѣе мѣстныя? Я говорю болѣе-менѣе на томъ основаніи, что и между ними не всѣ принадлежатъ исключительно нарѣчію южно-русскому: только смѣшеніе *ы* и *и*, и переходъ *о* въ *и* необыкновенны въ говорахъ Великороссійскихъ, между тѣмъ, какъ замѣна *ѣ* звукомъ *и*, опущеніе *ть* въ третьемъ лицѣ настоящаго времени, даже произношеніе *л* какъ *у* не рѣдкость и въ нихъ.

Обращаясь прежде всего къ лѣтописямъ, разумѣется, южнымъ, въ которыхъ всего естественнѣе могли сохраниться признаки произношенія мѣстнаго, къ Лаврентьевской и Ипатьевской, мы замѣчаемъ между упомянутыми особенностями присутствіе въ нихъ слѣдующихъ: 1) смѣшеніе буквъ *ѣ* и *и* (съ кимъ, по отци, видивше, матерѣ своей, шлѣ, истѣньны (Ипат.); къ стрыевѣ, воевалѣ (Лавр.) Такое смѣшеніе въ правописаніи прямо можетъ указывать и на смѣшеніе звуковъ въ выговорѣ; поэтому г. Максимовичъ, основываясь на подобныхъ случаяхъ, считаетъ себя въ правѣ дѣлать заключеніе, что буква *ѣ* была однимъ только знáкомъ безъ всякаго значенія въ выговорѣ не только для лѣтописцевъ болѣе-позднихъ, но и для самого Нестора; онъ писалъ *ѣ*, а произносилъ непремѣнно какъ *и* [19]). Но мы не можемъ при этомъ не обратить вниманія на слѣд. обстоятельства: а) такое смѣшеніе *ѣ* и *и* попадается чрезвычайно рѣдко, особенно въ лѣтописи Лаврентьевской; въ несравненно бóльшей части случаевъ употребленіе ихъ совершенно правильно. Кромѣ того, попадается оно преимущественно подъ конецъ лѣтописей, будучи слишкомъ рѣдко на первыхъ ихъ страницахъ. Изъ этого смѣло можно сдѣлать заключеніе: присутствіе взаимной замѣны буквъ *ѣ* и *и* въ лѣтописяхъ южныхъ обязано

18) Ibid., стр. 32 и 61—63.

19) Кіевлянинъ на 1841 г. О правописаніи Мал. Рус. языка, стр. 153—179.

позднѣйшимъ переписчикамъ, въ языкѣ которыхъ могло, въ самомъ дѣлѣ, существовать это смѣшеніе. Что его не было у прежнихъ лѣтописцевъ, это ясно изъ того, что на страницахъ, повѣствующихъ о древнѣйшихъ событіяхъ, перемѣна *ѣ* на *и*, и наоборотъ, или вовсе не видна, или чрезвычайная рѣдкость. Въ противномъ случаѣ, еслибы уже и самый Несторъ оставлялъ въ своей лѣтописи подобныя уклоненія, онѣ не только остались бы и въ позднѣйшихъ спискахъ южной редакціи, но еще болѣе увеличились бы въ количествѣ. Этого мало; малочисленность примѣровъ и въ концѣ упомянутыхъ лѣтописей свидѣтельствуетъ довольно сильно о слабой еще распространенности замѣны *ѣ* звукомъ *и* и во время послѣднихъ переписчиковъ, изъ которыхъ одинъ писалъ подъ конецъ XIV столѣтія [20]), а другой тогда же, или нѣсколькими годами позже [21]). б) Произношеніе *ѣ* какъ *и*, будучи всеобщимъ въ настоящее время въ нарѣчіи Малорусскомъ, значительно распространено и въ губерніяхъ Великороссійскихъ; оно существовало и въ древности, сколько можно судить по лѣтописямъ и актамъ правительственнымъ сѣвера [22]). Слѣдовательно, еслибы даже и дѣйствительно превращеніе *ѣ* въ *и* въ говорѣ южномъ появилось прежде указанной нами эпохи, то все-таки оно не могло и не можетъ давать повода считать этотъ говоръ за отдѣльное нарѣчіе, потому-что признакъ сей равно принадлежалъ и сѣвернымъ областямъ. Наконецъ, всматриваясь въ другія особенности лѣтописей южныхъ, рѣшительно указывающихъ на черты языка сѣвернаго, нельзя не подумать и того, не сохранились ли до насъ эти лѣтописи въ спискахъ переписчиковъ сѣверныхъ, и не имъ ли должно приписать и самое смѣшеніе буквъ *ѣ* и *и*? Относительно Лаврентьевской лѣтописи сомнѣнія быть не можетъ: иниxъ Лаврентій, какъ говоритъ самъ въ своемъ послѣсловіи, писалъ съ благословенія Діонисія, епископа Новгородскаго, Суздальскаго и Городецкаго, котораго называетъ нашимъ; писалъ въ правленіе Суздальскою землею

---

20) Лавр. лѣтоп. стр. 209.

21) Ипат. лѣт. предислов. стр. V.

22) См. объ этомъ ниже, стр. 124 и Мысли объ Истор. Руск. языка, стр. 204.

Димитрія Константиновича и ему въ подарокъ. Ясно, что если онъ не былъ изъ самаго Суздаля, то непремѣнно изъ Суздальской области. Это подтверждается описаніемъ событій и языкомъ. Лаврентьевская лѣтопись, со времени Боголюбскаго, переносится на сѣверъ, повѣствуя о югѣ весьма мало, какъ-бы мимоходомъ, и то до нашествія Монголовъ. Отсюда Кіевъ для лѣтописца, Лаврентія, исчезаетъ со всѣмъ югомъ: все описаніе до 1305 года ограничивается событіями Новгородскими, Владимірскими, Суздальскими, Переяславскими и др. городовъ сѣверныхъ. Южанинъ не выбросилъ бы изъ памяти своего отечества и не остановился бы на одномъ отдаленномъ сѣверѣ. Что до языка, то употребленіе *ѣ* вмѣсто *и* (къ стрыевѣ, воевалѣ) принадлежитъ равно лѣтописямъ Новгородскимъ и лѣтописцу Переяславля Суздальскаго; а смѣшеніе *ц* и *ч*, хоть и довольно-рѣдкое, прямо и рѣшительно указываетъ на говоръ сѣверный, гдѣ оно вполнѣ обыкновенно. Касательно Ипатьевской лѣтописи можно сказать совсѣмъ другое относительно описанія событій и то же самое о языкѣ, что и о Лаврентьевской. До исхода XII вѣка она повѣствуетъ равно о югѣ и о сѣверѣ, касаясь послѣдняго со времени Андрея Боголюбскаго преимущественно по дѣламъ Новгорода. Когда же дѣла Новгородскія установились, когда Великій Новгородъ сталъ въ бо́льшую зависимость отъ князей Владимірскихъ и когда послѣдніе рѣшительно прекратили свое стремленіе на югъ, всѣ событія и въ Ипатьевской лѣтописи начали ограничиваться однимъ югомъ. Съ 1200 года прекращаются извѣстія и о восточной части юга, переносясь на одинъ западъ, на княжества Волынское и Галицкое. Только при нашествіи Батыя и разореніи имъ первопрестольнаго града, лѣтописецъ возвратился снова къ Кіеву, чтобы разсказать о его паденіи и потомъ замолчать о немъ вовсе. Несмотря, однако, на эту отдѣльность отъ сѣвера, языкъ Ипатьевской лѣтописи до самаго конца (1305) не представляетъ въ формальномъ отношеніи никакой разницы съ лѣтописями сѣверными. Если и есть уклоненія въ фонетикѣ отъ древняго языка, то эти же самыя особенности въ одинаковой степени принадлежатъ и сѣверу. Совсѣмъ другое видимъ въ слогѣ, въ складѣ рѣчи. Онъ такъ близокъ къ слову о Полку

Игоревомъ, такъ сильно дышетъ поэтическою настроенностью юга, разсказъ столь драматиченъ, что по этому одному невольно принужденъ считать лѣтопись произведеніемъ южной страны. И въ этомъ отношеніи вполнѣ справедливъ отзывъ редактора лѣтописей Арх. Ком.; но только въ этомъ, не болѣе. Всѣ черты языка, въ фонетикѣ и въ формахъ, не даютъ никакого права отдѣлять Ипатьевскую лѣтопись въ особый разрядъ, сравнительно съ другими, писанными не позже XIV вѣка, когда не отдѣлились еще рѣзко оба Русскія нарѣчія. Ипатьевская лѣтопись и здѣсь служитъ превосходнымъ доказательствомъ: писецъ или переписчикъ измѣнялъ нѣкоторые звуки древніе на новые, вошедшіе въ жизнь современнаго ему народа (у=в, и=ы, и=*ѣ*, ц=ч), но не касался ничего другаго; значитъ, этого другаго еще и не было. Но кому принадлежатъ эти особенности въ правописаніи, а вмѣстѣ и въ языкѣ? Кто былъ послѣдній переписчикъ? И этотъ вопросъ едва ли не должно рѣшить такъ же, какъ мы рѣшили вопросъ о спискѣ Лаврентьевскомъ. По-крайней-мѣрѣ одинаковость фонетическихъ особенностей Ипатьевской лѣтописи съ сѣверными, еще болѣе, смѣшеніе *ц* и *ч* (исполциста, половцина, отцина, сконца, вѣнцашася, отлуцивше, цюжій, въ ручѣ, конець, чѣпь), и наконецъ мѣсто нахожденія рукописи въ монастырѣ Ипатьевскомъ, область котораго входила въ составъ Великаго Княжества Владимірскаго, могутъ и должны служить не безсильными доказательствами сѣвернаго происхожденія переписчика. Такимъ образомъ этотъ признакъ, смѣшеніе *ѣ* съ *и*, не даетъ ни малѣйшаго права, вопреки мнѣнію г. Максимовича, считать его особенностью нарѣчія Малорусскаго, будто бы высказавшагося въ лѣтописяхъ еще во времена Нестора. Онъ въ той же степени принадлежитъ и памятникамъ сѣвернымъ и, несомнѣнно, появился въ лѣтописяхъ южныхъ вслѣдствіе вліянія послѣднихъ переписчиковъ, которые, по всей вѣроятности, были жителями сѣвера. 2) Гораздо важнѣе попадающееся смѣшеніе *ы* и *и*, составляющее исключительную особенность въ современномъ языкѣ Русскомъ нарѣчія Малорусскаго. Это смѣшеніе принадлежитъ одной Ипатьевской лѣтописи: тисяча, шлы бяхутъ; въ Лаврент. его нѣтъ. Но, съ одной стороны, чрезвычайная рѣдкость взаимной замѣны этихъ буквъ, съ другой —

почти совершенное отсутствіе ея въ началѣ лѣтописи приводятъ къ заключенію, подобно высказанному нами о буквахъ *ѣ* и *и*, т. е. что она появилась подъ рукой позднѣйшихъ переписчиковъ и продолжателей лѣтописи, и была чуждой въ языкѣ древнемъ. Иначе невозможно объяснить рѣдкое употребленіе *ы* вмѣсто *и*, и обратно. Если бы это свойство было распространено въ народѣ еще при жизни Нестора и первыхъ его продолжателей, то трудно, даже невозможно предположить, чтобы она не прокрадывалась чаще при составленіи ими лѣтописей, какъ бы ни старались они держаться ближе фонетики языка книжнаго— церковнаго. Вспомнимъ при этомъ случаѣ лѣтописцевъ Новгородскихъ, которые, при всей вѣрности соблюденія формъ и звуковъ древняго языка Русскаго, общаго и лѣтописямъ южнымъ, никакъ не могли уберечься, да, безъ сомнѣнія, и не думали уберегаться отъ употребленія особенностей, развившихся въ ихъ родномъ, мѣстномъ говорѣ. Такъ замѣна *ц* и *ч* распространена повсюду, во всѣхъ лѣтописяхъ сѣверныхъ: и Новгородскихъ, и Псковскихъ, и Переяславля Суздальскаго. То же должно бы непремѣнно быть и съ буквами *ы* и *и* въ памятникахъ южной письменности, еслибъ смѣшеніе ихъ въ южномъ народѣ было въ такомъ же ходу, какъ смѣшеніе *ц* и *ч* у Новгородцевъ и Псковичей. 3) Въ Ипатьевской лѣтописи, болѣе всего съ XII столѣтія, встрѣчается довольно-частое смѣшеніе *у* и *в* — особенность тоже Малорусскаго нарѣчія (вже= уже, улизъ = влѣзъ, укупѣ, въ Всеволода на сѣнехъ, узвратишася и т. под.). Но эта особенность, принадлежа въ равной степени говору Бѣлорусскому и значительной части губерній Великорусскихъ[23]), есть явленіе весьма обыкновенное и въ сѣверномъ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго (невпредивѣ, у = въ, въмиривъся, мира прося в него, узялъ еси, уринуша, у темници и др.). Вотъ что́ не дало мнѣ права включить этотъ признакъ въ число отличій Малорусскаго нарѣчія современнаго, и еще менѣе даетъ права изъ присутствія его въ Ипатьевской лѣтописи дѣлать заключеніе объ отдѣльности сѣвернаго и южнаго нарѣчій до XIV столѣтія. Болѣе отличій въ языкѣ лѣтописей южныхъ отъ сѣверныхъ, отличій, которыя бы указывали на особенности, развившіяся ис-

23) Мысли объ Ист. Рус. Языка. Стр. 43.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИСТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

ключительно въ послѣдующее время въ Малороссіи, нѣтъ рѣшительно. Итакъ, держась однѣхъ лѣтописей, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что въ нихъ до XIV вѣка не только не видно никакого отдѣленія въ языкѣ Русскомъ на два нарѣчія, а напротивъ, при строѣ языка древняго, обще-Русскаго, самыя отступленія отъ этого строя являются общими и для южныхъ, и для сѣверныхъ лѣтописей. Но не выразились ли особенности нарѣчія южно-русскаго въ произведеніи болѣе-свѣтскомъ, носящемъ на себѣ характеръ болѣе-народный, въ которомъ, потому самомому, автору, кто бы онъ ни былъ, гораздо труднѣе было отвлечься отъ своего роднаго говора? Я разумѣю при этомъ Слово о Полку Игоревомъ, мнѣніе о неподдѣльности котораго окончательно утверждено современною наукою. Изъ внимательнаго пересмотра фонетики и формъ этого памятника оказывается въ немъ однажды замѣна *ѣ* буквою *и* (красною дивицею) и тоже однажды употребленіе *ы* вмѣсто *и* (на кроваты). И та и другая особенности не имѣютъ уже и потому большаго значенія, что встрѣчаются только по одному разу, тогда-какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ употребленіе обѣихъ буквъ совершенно правильно. Это не можетъ не навести на ту мысль, что появленіе ихъ принадлежитъ списку позднѣйшаго времени, когда, быть можетъ, въ-самомъ-дѣлѣ, исчезло рѣзкое отличеніе *ѣ* отъ *и* и *ы* отъ *и*, хотя, къ сожалѣнію, мы и не въ состояніи опредѣлить точнѣе это время, потому-что списокъ Слова о Полку Игоревѣ потерянъ невозвратно. Но что переписчикъ и того списка, который послужилъ оригиналомъ для многочисленныхъ изданій пѣсни объ Игорѣ, еще ясно отличалъ *ѣ* отъ *и*, это видно изъ замѣненія *ѣ* буквою *е* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ свойство Малороссійскаго нарѣчія требовало бы непремѣнно *и;* такъ: въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ; въ жестоцемъ харалузѣ; коли соколъ въ мытехъ бываетъ[24]). Послѣ этого можно было бы прослѣдить письменность южно-Русскую въ первые годы соединенія южной Руси съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и показать, что въ этой письменности, несмотря на совершенное отдѣленіе обѣихъ половинъ Государства Русскаго, не обнаружилось никакихъ слѣдовъ нарѣчія Малорусскаго, по-крайней-

24) Русск я Достопамятности. Час. III, стр. 94, 142, 244.

мѣрѣ до конца XIV столѣтія, и что отдѣленіе его отъ Великорусскаго нарѣчія началось пріемомъ полонизмовъ. Но предметъ этотъ достаточно уже изслѣдованъ, и мы можемъ воспользоваться однимъ результатомъ этого изслѣдованія, съ которымъ соглашаемся вполнѣ. Результатъ состоитъ въ томъ, что «по-крайней-мѣрѣ съ XIV столѣтія Русскій языкъ въ письменности должно разсматривать отдѣльно отъ юго-западнаго»[25]), что до этого времени онъ представлялъ одно цѣлое. Отъ письменности же мы можемъ прямо заключать, въ настоящемъ случаѣ, и о разговорномъ языкѣ. Возраженіе, что письменный языкъ Русскій въ древнее время былъ церковно-Славянскій, что народный языкъ не могъ быть такимъ, какимъ встрѣчаемъ его въ памятникахъ и духовныхъ и свѣтскихъ до XIII вѣка, уже опровергнуто, какъ неимѣющее основанія[26]). Если народный языкъ, въ эпоху значительнаго уклоненія отъ церковно-Славянскаго, прорывался неоднократно своими особенностями въ памятникахъ церковно-Славянскихъ, за чистотой языка которыхъ постоянно сторожило духовенство Русское, то тѣмъ легче, тѣмъ естественнѣе и тѣмъ несравненно въ бо́льшемъ количествѣ должны были отразиться особенности южно-русскаго нарѣчія въ произведеніяхъ свѣтскихъ, писанныхъ нерѣдко рукою мірянъ, излагающихъ событія, заимствованныя часто изъ жизни чисто-народной. Но ихъ не видно въ этихъ произведеніяхъ, значитъ, ихъ не было еще и въ языкѣ; когда же появились онѣ въ послѣднемъ, то неизбѣжно стали выказываться и въ письменности. Итакъ, смѣло можемъ повторить слова автора «Мыслей объ Исторіи Русскаго Языка»: «давни, но не неспокойны черты, отдѣляющія одно отъ другаго нарѣчія сѣверное и южное — Великорусское и Малорусское»[27]; и если трудно опредѣлить точно и положительно время перваго появленія этихъ чертъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно не восходитъ выше XIII — XIV столѣтія, что оно близко къ политическому отдѣленію южной Руси отъ сѣверной и, всеконечно, не мало зависитъ отъ послѣдняго.

---

25) Истор. крит. изслѣд. о степ. вліянія Польши на языкъ и устройства училищъ въ Россіи. Лебедевъ. 1848. Стр. 47.

26) Мысли объ Ист. Рус. Языка, стр. 95—96.

27) Ibid. Стр. 40.

Естественно было возникнуть особенностямъ въ языкѣ юга, когда началась и особенная жизнь государственная, отрѣзанная надолго отъ роднаго сѣвера[28]. Мысль и слово такъ тѣсно связаны между собою, что послѣднее всегда можетъ быть названо первоначальною ея сущностью; а мысль, съ отторженіемъ народа подъ чуждую власть, должна была измѣниться во многомъ; не могло остаться безъ измѣненія и слово. Коренныя убѣжденія Русскія, съ которыми росъ Русскій народъ въ продолженіе слишкомъ четырехъ вѣковъ до соединенія съ Литвою, въ которыхъ возмужалъ и укрѣпился, не могли изгладиться изъ его памяти; остался въ главномъ цѣлымъ и строй языка Русскаго, несмотря на господство иноземное и иновѣрное, несмотря и на нерѣдкія усилія послѣдняго поколебать основаніе и остатней связи двухъ единокровныхъ братьевъ, связи посредствомъ вѣры и языка.

Руководясь такимъ образомъ мыслью, что Русскій языкъ до XIII—XIV вѣка былъ одинъ нераздѣльный, что, кромѣ мѣстныхъ отличій, въ немъ вовсе не было замѣтно распаденія на два отдѣльныя нарѣчія, я обращаюсь къ опредѣленію характеристическихъ чертъ этого обще-Русскаго языка, заимствуя ихъ въ настоящемъ случаѣ пока изъ однѣхъ лѣтописей сѣверныхъ (Новгородскихъ и Псковскихъ) и подмѣчая ихъ постепенное паденіе, образовавшее собою новый переходъ въ развитіи языка Русскаго—языкъ старинный *). Но какъ, при всемъ единствѣ

28) Отдѣленіе высказалось и въ самомъ названіи. Подъ Русью, Русскою землею, во время Рюрика, разумѣлась страна, первая образовавшая Русское Государство, слѣд. сѣверная: отъ тѣхъ (трехъ братьевъ) прозвася Русская земля Новугородци (Лавр. лѣт. стр. 3). Съ конца XI вѣка, еще болѣе съ Боголюбскаго, названіе Руси перенеслось на одинъ югъ. Такъ въ лѣтописяхъ сѣверныхъ Новогородскихъ, Псковскихъ, лѣтописцѣ Переяславскомъ — Русь, Русская земля, Русскій князь всегда относятся къ южной Руси (См. Нов. I гг. 6611, 6642, 6643, 6653, 6654, 6657, 6673, 6675, 6685, 6688, 6689, 6692, 6709, 6722, 6729 6738, 6740, 6741; лѣт. Пер. стр. 68, 69, 71, 82, 95, 92, 106, 107). Переяславль южный Русскимъ (лѣт. Пер. стр. 108, 112). Области сѣверныя стали именоваться отдѣльно. земля Суждальская, Новогородьская, Муромская (ib. стр. 110), Низовьская (Нов. I, 6323, 6833). Съ усиленіемъ Княжества Московскаго названіе Руси перешло на Москву (Новог. I. 6823, 6834, 6835).

*) Такъ-какъ лѣтописи писаны лицами духовными, невсегда неуклонно слѣдовавшими въ своемъ изложеніи говору народному, иногда строго придерживавшимися знакомаго имъ языка книгъ церковныхъ, то, для опредѣленія отличительныхъ свойствъ языка чисто-Русскаго, я подкрѣплялъ выводы свои о немъ изъ лѣтописей произведеніями людей свѣтскихъ, актами правительственными: грамотами и договорами.

языка отечественнаго, общаго, до указанной эпохи, и для сѣвера и для юга, нельзя, однакожь, не отличить въ немъ, уже и въ древности, оттѣнковъ, болѣе или менѣе отступающихъ отъ чертъ языка общаго и свидѣтельствующихъ о существованіи и въ древнее время говоровъ мѣстныхъ, областныхъ, то, разсмотрѣвъ общія черты, я остановился и на особенностяхъ мѣстныхъ, имѣя при этомъ въ виду нарѣчіе Новгородское, коснуться котораго тѣмъ было для меня легче и естественнѣе, что для рѣшенія и первой задачи я пользовался преимущественно лѣтописями Новгородскими. Разсмотрѣніе историческаго развитія мѣстныхъ особенностей тѣмъ болѣе считаю важнымъ, что говоры областные обратили на себя въ настоящее время особенное вниманіе науки, плодомъ котораго явился недавно и превосходный трудъ—«Словарь областныхъ словъ», издан. Академіею Наукъ. Такимъ образомъ вопросъ объ языкѣ сѣверныхъ Русскихъ лѣтописей распадается на три отдѣла: А) показать отличительныя свойства языка Русскаго въ его древнемъ строѣ, равно принадлежащія всѣмъ областямъ Государства Русскаго; Б) охарактеризовать въ краткихъ чертахъ старинный языкъ Русскій, образовавшійся послѣ забвенія древнихъ формъ изъ замѣны ихъ новыми, и наконецъ В) опредѣлить тѣ особенности языка лѣтописей сѣверныхъ, которыя отличаютъ его какъ нарѣчіе мѣстное.

А. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ СВОЙСТВА РУССКАГО ЯЗЫКА ДРЕВНЯГО.

Около девяти сотъ съ половиною лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ впервые языкъ Русскій облекся въ письменность; не менѣе семи сотъ съ половиною лѣтъ прошло и съ того времени, какъ положено было первое начало Русскому лѣтописанію преподобнымъ Несторомъ, и, не смотря на столь отдаленное начало письменности Русской, мы не имѣемъ оригиналовъ не только этихъ начатковъ, но и произведеній болѣе позднихъ. До насъ дошли лишь немногіе остатки изъ XII столѣтія, болѣе изъ XIII и уже достаточное количество списковъ XIV; имѣя же

подъ руками одни эти списки, мы можемъ судить безошибочно и положительно о языкѣ только имъ современномъ, и то съ значительнымъ ограниченіемъ, не выходя ни на одну черту изъ предѣловъ, указанныхъ данными языка рукописей. Слѣдовательно, тѣмъ менѣе имѣемъ права сказать что-либо рѣшительное и окончательное о языкѣ того или другаго столѣтія, чѣмъ менѣе данныхъ, другими словами—чѣмъ менѣе уцѣлѣло памятниковъ. Отсюда само собою понятно, что, будучи стѣсненъ въ рѣшительномъ приговорѣ о языкѣ XII столѣтія, по малочисленности изъ него памятниковъ, филологъ долженъ быть еще болѣе стѣсненъ при опредѣленіи свойствъ языка IX—XI вѣковъ, неоставившихъ по себѣ ни одного оригинальнаго списка. Принимать же за мѣрило языка, современнаго первому появленію памятника, языкъ списковъ позднѣйшихъ, не всегда возможно, а если иногда и возможно, то не всегда удачно. Языкъ подверженъ тоже измѣненіямъ, какъ и народъ, и позднѣйшій переписчикъ, какъ бы ни былъ внимателенъ онъ къ своему оригиналу, не въ состояніи удержаться, чтобы гдѣ-нибудь не измѣнить древней, забытой въ его время, формѣ и не вставить вмѣсто нея новой. Представимъ теперь, что такія переписыванья случались не одинъ и не два раза прежде, чѣмъ послѣдній списокъ дошелъ до нашего времени, и мы согласимся въ трудности судить по этому списку о языкѣ того времени, когда появился первый его оригиналъ. Этимъ, однакоже, не хотимъ мы сказать, чтобы филологъ лишенъ былъ уже и всякой возможности проникать въ состояніе языка тѣхъ отдаленныхъ временъ; для него остаются другія средства, довольно обильныя, чтобы, вооружившись ими, искать и въ мрачной эпохѣ свѣтлыхъ точекъ, и довольно сильныя, чтобы надѣяться чрезъ эти поиски дойти до важныхъ и вѣрныхъ результатовъ. Русскій языкъ есть членъ обширной семьи Славянской; какъ членъ, онъ естественно долженъ былъ удержать въ себѣ много общаго съ своими родичами; это общее должно быть въ немъ тѣмъ многостороннѣе и тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ ближе былъ онъ къ своему младенчеству. Какъ въ мірѣ нравственномъ, общія понятія и убѣжденія людей одного происхожденія, одной крови, начинаютъ затемняться, сглаживаться и замѣняться новыми,

болѣе и болѣе расходящимися отъ прежняго единства лишь съ достиженіемъ зрѣлаго возраста, когда каждый изъ членовъ семьи или рода дѣлается самостоятельнымъ членомъ общества, избираетъ для себя свой опредѣленный кругъ, въ которомъ и дѣйствуетъ независимо; такъ точно и въ языкѣ одного племени возможны рѣзкія особенности только съ раздѣленіемъ племени на отдѣльныя вѣтви, когда каждая изъ этихъ вѣтвей начинаетъ свою особенную жизнь, вступаетъ въ новый міръ понятій и дѣйствій, или вовсе отрѣзанный отъ міра стараго, общаго, или имѣющій съ нимъ слишкомъ мало столкновенія. И чѣмъ медленнѣе происходитъ этотъ переходъ, чѣмъ постепеннѣе совершается разобщеніе, чѣмъ спокойнѣе, наконецъ, прокрадывается новизна, тѣмъ продолжительнѣе и крѣпче удерживается старое, переживая цѣлые вѣка и послѣ разъединенія племени. Эта медленность и постепенность отразились и на нашихъ предкахъ, Славянахъ Русскихъ; доказательствомъ тому исторія первыхъ вѣковъ нашего Отечества; на нихъ же должны были оправдаться и слѣдствія медленности и постепенности переворотовъ, и продолжительное сбереженіе того, что̀ вынесено ими изъ общаго источника Славянскаго: основныя понятія и убѣжденія, а вмѣстѣ съ ними и языкъ. Но у насъ не осталось, какъ замѣтили мы, памятниковъ—оригиналовъ отъ первыхъ временъ Государства Русскаго, чтобы судить о языкѣ Славянъ Русскихъ тотчасъ или вскорѣ послѣ того, какъ они вступили въ новую жизнь и отдѣлились отъ своихъ соплеменниковъ. Зато остались они у другихъ Славянъ, и вотъ одно изъ самыхъ крѣпкихъ и надежныхъ средствъ для филолога — доходить на этомъ основаніи до непогрѣшительныхъ выводовъ объ отличительныхъ чертахъ языка отечественнаго въ древнѣйшемъ его состояніи. Позднѣйшіе наши списки (XII, XIII, XIV вв.) могутъ служить въ этомъ случаѣ превосходнымъ пробнымъ камнемъ, на которомъ онъ можетъ и долженъ справлять свои заключенія. Если позднѣйшій писецъ, или переписчикъ удерживалъ ту или другую форму, тотъ или другой оборотъ рѣчи, если эта же самая форма, этотъ же самый оборотъ одинаково принадлежатъ и памятникамъ IX—X столѣтій другихъ Славянскихъ народовъ, не значитъ ли это, что та форма и оборотъ исконные Славянскіе, что

изъ общаго источника они перешли въ отдѣлившіяся поколѣнія Славянъ, продолжали жить у нихъ и оставили слѣды своей жизни въ произведеніяхъ письменности? Такимъ образомъ знакомство съ развитіемъ соплеменныхъ нарѣчій съ одной стороны, съ другой — сравненіе древнѣйшихъ памятниковъ ихъ письменности съ уцѣлѣвшими остатками письменности нашей, вотъ средства, отъ которыхъ не захочетъ отказаться филологъ при опредѣленіи древнѣйшихъ чертъ языка отечественнаго, и на которыя можетъ считать себя въ правѣ положиться, какъ на имѣющія твердое и законное основаніе. Руководясь этими мыслями, обращаюсь и я къ рѣшенію своего вопроса, раздѣляя его на три части: I) на опредѣленіе отличительныхъ свойствъ древняго языка Русскаго въ фонетикѣ; II) въ формахъ грамматическихъ и въ III) въ синтаксисѣ.

I. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ ЧЕРТЫ ЗВУКОВЪ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ЯЗЫКѢ РУССКОМЪ.

Удерживая звуки и характеръ звуковъ языка общеславянскаго, Славяне Русскіе, со времени отдѣленія своего отъ остальныхъ собратьевъ, съ занятіемъ новой страны, съ пріобрѣтеніемъ новыхъ сосѣдей, естественно, не могли не принимать и въ языкъ свой чего-либо новаго, такъ точно, какъ не могли они не подчиняться и въ жизни своей новымъ условіямъ климата, почвы и произведеній природы. Пусть это подчиненіе въ жизни, это принятіе новаго въ языкъ было слишкомъ медленно, происходило почти незамѣтно, все же оно происходило, и чрезъ нѣсколько вѣковъ могло образовать значительныя разности. Эти разности, дѣйствительно, мы и находимъ уже и въ то время, когда поколѣнія Славянскія, обитавшія въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, только-что соединились въ одно цѣлое, подъ властью одного монарха. Поэтому, при обозрѣніи каждой части древняго языка, слѣд. и фонетики, мы укажемъ на черты, общія всѣмъ Славянамъ въ древности, и на особенныя, развившіяся у Славянъ Русскихъ, независимо отъ другихъ соплеменниковъ. Къ первымъ принадлежатъ звуки гласные глухіе, носовые, особенное свойство звуковъ гортанныхъ и т. д.

1) Звуки ъ и ь до сихъ поръ представляютъ собою вопросъ, еще не вполнѣ рѣшенный наукою Славянской, хотя, благодаря сравнительному языкоизслѣдованію отчасти нарѣчій Славянскихъ, отчасти языковъ соплеменныхъ, и далеко уже подвинутъ къ окончательному рѣшенію. Во всякомъ случаѣ, ихъ правильное употребленіе въ языкѣ древнемъ Славянскомъ, разумѣя при этомъ нарѣчіе и церковное, и Русское и другія Славянскія, ихъ помѣщеніе въ случаяхъ извѣстныхъ, опредѣленныхъ, отнимаетъ всякое право у филолога считать эти звуки одними пустыми знаками, неимѣвшими своего, имъ исключительно принадлежавшаго значенія, и видѣть въ нихъ только другой видъ гласныхъ *о* и *е*. Не говоря уже о томъ, что подобное заключеніе возможно для одного Русскаго нарѣчія (въ которомъ, дѣйствительно, древній ъ замѣняется буквою *о*, а ь буквою *е*), нисколько не объясняя характера этихъ звуковъ общеславянскаго, который въ другихъ родственныхъ нарѣчіяхъ измѣнился въ другія гласныя (напр. въ Польск. почти во всѣ); достаточно обратить вниманіе на одну правильность размѣщенія ъ и ь и въ Русскихъ древнихъ произведеніяхъ, чтобы считать такой взглядъ на упомянутыя буквы ложнымъ и для отечественнаго языка древняго. Въ самомъ дѣлѣ, ежели ъ и ь были не чѣмъ другимъ, какъ только варіаціею правописанія *о* и *е*, то почему же внесены они въ алфавитъ Русскій, будучи вовсе лишними при существованіи совершенно имъ равныхъ *о* и *е*, почему не всегда встрѣчаемъ мы первые вмѣсто послѣднихъ, и наконецъ, почему употребленіе ихъ принадлежитъ извѣстнымъ только случаямъ, будучи очевидною неправильностью въ другихъ, хотя бы они и въ нихъ занимали также мѣста *о* и *е*? Послѣднее обстоятельство болѣе всего заставляетъ видѣть въ ъ и ь особенное значеніе. Какое же это значеніе? въ какой изъ двухъ разрядовъ буквъ, гласныхъ или согласныхъ, должны войти они? не должны ли они составить собою особеннаго, третьяго? и если такъ, то каково его свойство? Гг. Востоковъ и Гречъ даютъ имъ названіе полугласныхъ, отдѣляя такимъ образомъ ъ—ь и отъ гласныхъ, и отъ согласныхъ. Такое названіе ни сколько не объясняетъ характера ъ—ь; не даетъ ни малѣйшаго намека на значеніе звуковъ, принадлежавшихъ обѣимъ буквамъ, а только сбли-

жаетъ ихъ болѣе съ гласными; кромѣ того, нельзя не остановиться съ сомнѣніемъ и на самомъ словѣ *полугласный*. Если полугласный, слѣд. въ основаніи все-таки гласный, а ежели гласный, слѣдов. звукъ, не придыханіе. Раздѣлять же звукъ на половины, трети, четверти возможно только по отношенію ко времени, какъ и въ музыкѣ, что производитъ долготу или краткость звука, и ни въ какомъ случаѣ не должно относиться къ самому свойству звука. Звукъ по природѣ своей всегда остается звукомъ, будетъ ли онъ продолжителенъ или кратокъ во времени, и половины, трети и т. д. звука также не можетъ существовать въ языкѣ, какъ не можетъ ихъ быть и на струнахъ инструмента, если произведено въ нихъ потрясеніе, достаточно сильное, чтобы образовать звукъ. Другое дѣло, отличать въ свойствѣ звука бо́льшую или меньшую степень ясности, опредѣленности, звучности, или неясности, неопредѣленности, глухоты звука. Ударъ въ дерево производитъ столь же цѣльный звукъ, какъ и ударъ въ струну; различіе состоитъ только въ томъ, что послѣдній ясенъ и звонокъ, тогда какъ первый глухъ и неопредѣленъ. Здѣсь должно, кажется, искать болѣе точнаго опредѣленія и для ъ и ь. Во всякомъ случаѣ, названіе полугласныхъ, какъ ни мало недающее понятія о свойствѣ и степени звуковъ ъ и ь, притомъ какъ противорѣчащее самому существу звука, всегда цѣльному и никогда нераздѣляющемуся на части, не можетъ быть терпимо и въ терминологіи. Протоіерей Павскій даетъ другое названіе буквамъ ъ и ь: названіе придыханій, совершенно отдѣляя этимъ ихъ отъ гласныхъ звуковъ, какъ дыханій, проходящихъ изъ груди чрезъ болѣе или менѣе открытыя уста [29]). Что же ъ и ь, по мнѣнію автора Филологическихъ наблюденій? Вникая въ его опредѣленіе придыханій и согласныхъ буквъ, видно, что тѣ и другія различаются только по степени, оставаясь по природѣ своей однимъ и тѣмъ же. Въ самомъ дѣлѣ, подъ придыханіемъ понимаетъ Прот. Павскій звукъ, происшедшій отъ приражения дыханія къ устамъ, если онъ слабъ и едва примѣтенъ; подъ согласными буквами тоже самое, если только звукъ ихъ твердъ и совершенно ясенъ [30]).

29) Филолог. наблюд. Разсужд. I. перваго изд. стр. 40.

30) Ibidem, стр. 41.

Очевидно, различіе въ одной степени, природа же ъ и ь, по такому объясненію, есть природа звуковъ согласныхъ. Подобное отожествленіе двухъ противоположныхъ родовъ звуковъ замѣтно и въ отзывѣ автора о названіи «полугласныій». Оно несправедливо, по словамъ автора наблюденій, уже и потому, что изъ него можно вывести заключеніе о бо́льшемъ сродствѣ ъ и ь съ звуками гласными, чѣмъ съ согласными [31]). Остался ли же вѣренъ этому объясненію Прот. Павскій далѣе? дальнѣйшія его положенія подтверждаютъ ли подобный взглядъ на знаки ъ и ь? На страницѣ 75 (§ 62 Перваго разсужденія) читаемъ: «первый установитель Славенскаго правописанія, по принятому имъ правилу, поставивъ при согласныхъ постоянныя гласныя, гдѣ онѣ требовались, при прочихъ согласныхъ буквахъ, неимѣвшихъ при себѣ постоянной гласной и требовавшихъ, однакожь, бѣглой гласной *о* или *е*, писалъ придыханіе ъ или ь въ знакъ твердости или мягкости той согласной буквы, при которой они стояли, или въ знакъ отсутствія гласной твердой или мягкой». Отсюда ясно видно, что ъ и ь, по этому опредѣленію, вовсе не имѣютъ самостоятельнаго значенія, какъ особенныя буквы, а употреблялись съ самыхъ первыхъ временъ письменности Славянской только какъ одни значки, для смягченія или твердости согласныхъ и для замѣны бѣглыхъ гласныхъ. Такимъ образомъ у нихъ отнято и значеніе согласныхъ, которое дано было имъ авторомъ въ началѣ разсужденія. Противъ этого ничего нельзя было бы сказать, если бы это воззрѣніе на буквы ъ и ь относилось единственно къ современному языку отечественному, и если бы въ послѣднемъ до-сихъ-поръ употреблялись оба знака въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ присутствуютъ выпускаемыя *о* и *е*. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время, въ Русскомъ языкѣ ъ—ь не болѣе какъ значки, поставляемые въ концѣ словъ, или въ срединѣ послѣ предлоговъ, въ словахъ сложныхъ съ ними, только для указанія твердости или мягкости находящихся передъ ними согласныхъ. Въ такомъ смыслѣ употребляются они и въ приведенныхъ Прот. Павскимъ словахъ: съѣлъ, князья [32]). Но воз-

31) Ibidem. стр. 43.

32) Простое и основательное объясненіе ъ и ь въ этихъ словахъ, какъ значковъ, находится въ Beitrage zur Russisch. Gram. v. Boehtlingk. См. Mélang Rus. tirés du Bullet. hist. philol. de l'Acad. Imp. des Scienc. de S. Petersb. T. II. 1 Livraison. 1851. стр. 69.

можно ли заключать подобнымъ образомъ и о языкѣ древнемъ Русскомъ, еще болѣе древнемъ обще-Славянскомъ? Зачѣмъ напр. стоитъ ъ въ словахъ: както, кънязь, мъногъ и т. д.? Для указанія твердости звуковъ *к* и *м*? Но мы же не пишемъ въ этихъ случаяхъ ъ, тѣмъ менѣе имѣлъ нужду писать его послѣ *г*. *к*, *х* древній Славянинъ, кто бы онъ ни былъ, у котораго никогда онѣ не были буквами мягкими. Или въ словахъ: сьрдьцьмь, дьньсь, дълъжникомъ и т. п. какое значеніе имѣютъ ъ—ь? Значковъ выброшенныхъ буквъ *о* и *е*? Самъ же Прот. Павскій утверждаетъ, что съ этимъ едва ли кто согласится[33]). Что́ же послѣ этого ъ—ь въ приведенныхъ примѣрахъ, если они не значки для твердости и мягкости согласныхъ и не замѣняютъ мѣста *о* и *е*? Отвѣта у Прот. Павскаго нѣтъ, хотя и очевидно значеніе придыханій въ этихъ и подобныхъ случаяхъ прямо противорѣчитъ его опредѣленію буквъ ъ—ь. Всматриваясь же, напротивъ, въ употребленіе ихъ какъ въ словахъ упомянутыхъ, такъ и во множествѣ другихъ, вникая въ ту особенность, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ древности необходимы были эти буквы, въ современныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ являются всѣ почти гласные звуки, а въ нѣкоторыхъ, какъ въ Болгар., Серб., Чешск. и особенно Хорутанскомъ удержались онѣ и до сихъ поръ, какъ самостоятельныя, имѣющія свой собственный звукъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что приведенныя слова такъ должно и читать, какъ они написаны, что ъ—ь не замѣняютъ гласныхъ, а сами по себѣ гласныя въ той же степени, въ какой гласныя а, и, у, е, о; что отличаются онѣ отъ послѣднихъ единственно своею неопредѣленностью, глухостью, и что появленіе ихъ въ древнемъ алфавитѣ Славянскомъ не только не было излишнею роскошью, а, напротивъ, существенно-необходимою его принадлежностью для выраженія звуковъ глухихъ, дѣйствительно распространенныхъ въ древнемъ языкѣ Славянскомъ. Если эти буквы были одною только замѣною гласныхъ бѣглыхъ (не говорю *о* и *е*, потому-что въ другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ также употреблялись ъ—ь, хотя впослѣдствіи вмѣсто ихъ явились и не *о* — *е*, а

33) Ibid. § 62, стр. 76.

другія гласныя, напр. въ Болгарскомъ, Сербскомъ), то спрашивается, почему же столь послѣдовательно, неуклонно-правильно размѣщеніе ихъ въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности (X—XII столѣт.), и наоборотъ, ошибочность, явныя погрѣшности въ употребленіи ихъ въ памятникахъ позднѣйшихъ? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: доколѣ сохранялись еще въ народѣ особые оттѣнки звуковъ, соединенныхъ съ буквами ъ—ь, дотолѣ поддерживалась и правильность въ ихъ правописаніи; съ забвеніемъ же звуковъ, необходимо смѣшивались и самыя буквы, терялось сознаніе правильнаго употребленія ихъ и на письмѣ. Отсюда понятно, почему чѣмъ позднѣе памятникъ, тѣмъ болѣе встрѣчаешь погрѣшностей въ правописаніи ъ—ь, пока, наконецъ, они совершенно не были изгнаны изъ корней словъ, оставшись въ отечественномъ языкѣ исключительно какъ значки въ концѣ словъ, для указанія твердости или мягкости произношенія конечныхъ буквъ согласныхъ.

Въ числѣ доказательствъ гласности ъ—ь въ древнемъ языкѣ Славянскомъ нельзя не привести и народныхъ пѣсенъ Сербовъ, эпическаго размѣра, и современнаго нарѣчія Хорутанскаго. Въ первыхъ, при неизмѣнно одинаковомъ количествѣ слоговъ, всегда 10, во всѣхъ пѣсняхъ эпическихъ, какъ бы ни были онѣ длинны, попадаются иногда стихи съ девятью чистыми гласными. Такое наружное отступленіе единственно только тѣмъ и объясняется, что десятая гласная скрывается въ глухомъ звукѣ ъ, нерѣдко выпускаемомъ на письмѣ Сербами, и при всемъ томъ, однакожь, живущемъ до-сихъ-поръ въ устахъ народа. Такъ напр. въ одной изъ пѣсенъ [34]), состоящей слишкомъ изъ 1200 стиховъ, всегда десятисложныхъ, читаемъ: «преко мора четр-ест конака», или: «а ти 'рѣу тражи према тебе» и т. п. Несомнѣнно, что тр и 'рѣ принимаются за особенный слогъ, столь же самостоятельный, какъ самостоятельны слоги и съ другими гласными. Изъ всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, Хорутанское не только не потеряло глухихъ звуковъ, а, напротивъ, распространило ихъ и распространяетъ все болѣе и болѣе, замѣняя ими едва не всѣ звуки гласные [35]) чистые.

34) Српске народне пiесме. Караджич. 1845. Ч. 2, стр. 524.

35) Мысли объ Ист. Рус. языка. И. Срезневскаго, стр. 49. Его же Журн. М. Н. Пр. Ч. XVIII. Отд. II. 154.

Отсюда видно, что явленіе въ языкѣ древне-Славянскомъ звуковъ ъ—ь не есть что-либо необыкновенное, необъяснимое позднѣйшимъ развитіемъ языковъ Славянскихъ: какъ остатки, притомъ принявшіе еще бо́льшій объемъ, чѣмъ въ древности, ъ—ь остались до нашего времени въ цѣломъ народѣ Славянскомъ, обнаруживаясь, хотя не столь рѣзко и часто, и у другихъ поколѣній Славянскихъ. Гласность звуковъ ъ — ь еще рѣшительнѣе выказывается въ тѣхъ древнихъ произведеніяхъ, которыя перелагались на ноты и были пѣты при Богослуженіи. Такъ въ одномъ изъ стихирареи, XIV—XV столѣтій, вмѣстѣ съ другими гласными, и ъ — ь имѣютъ надъ собой крюковыя ноты, «изъ чего (говоритъ г. Востоковъ) ясно видно, что и эти буквы въ старину слышимы были въ произношеніи, а въ пѣньѣ протягивались тоже, какъ у Французовъ *e muet*» [36]). Въ эпоху позднѣйшую, по мѣрѣ того, какъ забываемъ былъ въ народѣ характеръ этихъ звуковъ, и въ пѣвческихъ книгахъ стали замѣняться онѣ гласными чистыми, и чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ дѣлалось это чаще и чаще, когда, наконецъ, вовсе изгнали ихъ и замѣстили звуками *о — е* уже и въ такихъ случаяхъ, гдѣ и современный языкъ Русскій не можетъ отказаться отъ ъ—ь. Напримѣръ, въ XVI вѣкѣ пѣли: помолимося, сомиритеся (=съмириться), предо Богоме, мытарескы постоме возывающе [37]). При столь очевидныхъ и положительныхъ признакахъ гласной природы ъ — ь къ чему же придумывать и новый терминъ для ихъ обозначенія, тѣмъ болѣе, когда этотъ терминъ, съ одной стороны, неестественъ, съ другой — прямо противорѣчитъ свойству опредѣляемыхъ имъ звуковъ? Не полугласныя и не придыханія были ь — ъ въ древнемъ языкѣ Славянскомъ, а чисто-гласные звуки, съ тѣмъ только отличіемъ отъ другихъ, что они лишены были ясности и опредѣленности послѣднихъ, оставаясь звуками глухими. Къ этому заключенію приводятъ насъ современныя нарѣчія Славянскія; это же заключеніе подтверждаетъ и прямой, внимательный взглядъ на памятники древней письменности Славянской и, наконецъ, рѣшительно убѣждаетъ въ непогрѣшимости его терминологія старинныхъ нашихъ грамма-

36) Описан. рукопис. Румянц. Муз., стр. 650.
37) Ibid., стр. 651.

тиковъ, справедливо относившихъ ъ—ь къ разряду буквъ гласныхъ [38]). Вопросъ о нихъ въ настоящее время можетъ касаться только того, съ какими гласными болѣе имѣли сходства, сродство въ произношеніи звуки глухіе, и сравнительная филологія рѣшаетъ его, сближая ъ съ звукомъ *у*, ь съ звукомъ *и* [39]).

Составляя неотъемлемую принадлежность древняго общеСлавянскаго языка, глухія гласныя въ той же степени принадлежали и древнему языку отечественному. Ихъ присутствіе обнаруживается не только въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя болѣе-менѣе подчинялись вліянію нарѣчія церковно-Славянскаго, какъ въ лѣтописяхъ, но и въ произведеніяхъ чисто-мірскихъ, писанныхъ людьми свѣтскими, заключающихъ въ себѣ событія изъ жизни общественной, обыденной, и потому самому языкомъ жизни, народнымъ. Отъ первыхъ памятниковъ гражданской письменности, отъ грамотъ Мстислава (1128—1132) и преподобнаго Варлаама (1192), до самаго конца XIII столѣтія и первыхъ годовъ XIV, до грамотъ Новгорода съ Княземъ Тверскимъ, Михаиломъ Ярославичемъ (1305 — 1307), употребленіе ъ—ь представляется столь же правильнымъ, столь же необходимымъ и почти постояннымъ, какъ и употребленіе другихъ буквъ Русскаго алфавита; и тѣмъ обыкновеннѣе эта правильность и постоянство, чѣмъ древнѣе памятникъ, чѣмъ болѣе удаляется онъ вверхъ отъ указаннаго времени, такъ-что, слѣдя непрерывно за знаками ъ — ь, наблюдатель безъ особеннаго труда можетъ съ

38) Описан. рук. Румянц. Муз. № 2, стр. 5.

39) Рецензія на Филол. Наблюденія. Буслаевъ. Отеч. Зап. 1852. № 4.— Сродство ъ съ *у*, ь съ *и* высказываемо было неоднократно филологами Славянскими. Такъ Копитаръ въ Glag. Cloz. стр. 48—51; Катковъ въ разсужденіи «Объ элементахъ и формахъ Слав. Рус. Языка», стр. 25 примѣчаніе; Миклошичъ въ Lautlehre d. Alt. Slow. Spr. § 31; Буслаевъ въ рецензіи на Филол. Наблюден. Отеч. Зап. 1852. № 4, и др. Каждый изъ упомянутыхъ филологовъ основывалъ сближеніе свое на сравненіи съ другими языками: Санскритскимъ, Латинскимъ, Готскимъ и Литовскимъ, въ которыхъ славянскимъ ъ-ру ь-рю соотвѣтствуютъ *у*— *и*. Сколь ни многочисленны примѣры, подтверждающіе это мнѣніе, при всемъ томъ далеко не объемлютъ всѣхъ случаевъ. Весьма много словъ, гдѣ Славянскому ъ-ру ь-рю соотвѣтствуютъ другія гласныя въ сродныхъ языкахъ, весьма нерѣдко *а—е*, какъ въ срединѣ, такъ и въ окончаніяхъ словъ (срав. Formenlere d. Kirch. Slaw. Spr. Schleicher, стр. 39—42). Такое разнообразіе гласныхъ звуковъ въ другихъ языкахъ, замѣняемыхъ въ Славян. ъ-мъ ь-мъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ неопредѣленности звуковъ ъ—ь, какъ звуковъ глухихъ. Эта неопредѣленность замѣтна и въ нов. Болгар. нарѣчіи, гдѣ ъ произносится какъ глухое *а* или *у*.

точностью опредѣлить то время, когда эти знаки вполнѣ сознавались народомъ, были его собственностью наравнѣ съ остальными звуками, и когда обнаружилось начало забвенія этой собственности, когда и какимъ образомъ мало-по-малу стала выходить она изъ употребленія и, наконецъ, сдѣлалась совершеннымъ анахронизмомъ въ письменности отечественной. Въ первыхъ годахъ XIV вѣка (1305—1307) *ъ—ь* почти не смѣшиваются еще съ гласными *о—е;* правда, иногда выбрасываются, но этимъ ни мало не уничтожается ихъ свойство въ выговорѣ, какъ въ словахъ: всь, тржекъ и т. п.; напротивъ, еще очевиднѣе высказывается ихъ самостоятельное значеніе, какъ звуковъ гласныхъ самихъ по себѣ, неимѣющихъ ничего общаго съ замѣнившими ихъ впослѣдствіи *о—е.* Переходя послѣдовательно въ позднѣйшее время, отъ одной грамоты къ другой, мы постоянно будемъ замѣчать, какъ съ каждымъ десятилѣтіемъ употребленіе ихъ становится рѣже и рѣже, и наконецъ, подъ исходъ XIV вѣка, исчезаетъ уже вовсе. Такъ въ грамотахъ 1375 года (Собр. Госуд. Грам. и Догов. Т. I. №№ 16, 17) о буквахъ *ъ—ь* нѣтъ и помину; во всѣхъ случаяхъ, гдѣ, по требованію фонетики древне-Славянской, должны онѣ находиться, встрѣчаемъ гласныя чистыя *о—е.* Такимъ образомъ съ началомъ второй половины XIV столѣтія можно положить приблизительно періодъ окончательной потери характера *ъ—ь* въ сознаніи народа Русскаго; и если попадаются обѣ буквы и послѣ, даже и въ XV вѣкѣ, то это одна слѣпая подражательность орѳографіи древней, анахронизмъ, прямо противорѣчащій огромнѣйшему большинству фактовъ, изъ которыхъ яснѣйшимъ образомъ видно, что *ъ—ь* не существуютъ болѣе въ языкѣ Русскомъ съ своимъ собственнымъ звукомъ, а составляютъ лишь орѳографическій знакъ, безъ всякаго отличія въ произношеніи отъ *о—е.*

Опредѣлить въ подробности всѣ случаи, когда въ древнемъ языкѣ отечественномъ необходимы были глухіе звуки, конечно, довольно-трудно, тѣмъ не менѣе можно представить нѣсколько болѣе или менѣе точныхъ правилъ ихъ употребленія, принимая въ соображеніе современный языкъ Русскій. а) Общее правило, недопускающее ни одного исключенія, принадлежитъ предлогамъ, съ одною согласною: въ, съ, къ, всегда удерживавшимъ

конечное ъ какъ въ томъ случаѣ, когда употреблялись они отдѣльно, такъ и при соединеніи ихъ съ другими словами: въспріясте, съшьствье, съсудъ. б) Не менѣе общее правило и для тѣхъ словъ, существительныхъ и прилагательныхъ, которыя въ первоначальной своей формѣ, въ именительномъ падежѣ, въ языкѣ современномъ, принимаютъ бѣглую гласную *о — е* (*лоб = древ.* лъбъ, день = дьнь), выбрасываемую обыкновенно въ падежахъ косвенныхъ (лба = древ. лъба, дня = дьня), гдѣ она оказывается уже лишнею при появленіи гласной падежнаго окончанія; въ этихъ словахъ въ древнемъ языкѣ никогда ъ — ь не замѣнялись гласными чистыми: ръжь, мъхъ, избытъкъ, пятъкъ, зълъ, вьсь, дьнь, коньць, пьсъ, купьць, самдрьжьць и т. п. в.) При сліяніи двухъ согласныхъ, изъ которыхъ вторая есть *л* или *р*, и между которыми въ нынѣшнемъ нашемъ языкѣ непремѣнно ставятся *о—е*: дълго, пълнъ, мълвити, вълга, стълпникъ, хълмъ, небързо, търгъ, кърма, цьркы, помьрче, дьржати, съмьрть и др. (См. Нов. I, стр. 5, 9, 10, 11, 14, 18, 21, 22, 34). При этомъ нельзя не остановиться на мѣстѣ, которое занимаетъ буква ъ—ь относительно *л* и *р*. Въ приведенныхъ примѣрахъ ъ — ь всюду стоятъ послѣ первой согласной передъ *л* и *р*; но не мало можно привести примѣровъ и на тотъ случай, когда ъ—ь занимаютъ мѣсто послѣ обѣихъ согласныхъ, какъ въ словахъ: яблъковъ, плъть, дръва, плътьникъ и вообще тогда, когда въ современномъ Русскомъ стоятъ *о — е* послѣ двухъ согласныхъ съ *р* или *л*: брѣня, кръвь, прибрьде, трьхъ. Изъ этого, на первый разъ, можно сдѣлать заключеніе, что ъ — ь ставились вообще только тамъ, при стеченіи съ согласными *л — р*, гдѣ въ наше время употребляются *о* или *е*. Такимъ образомъ какъ-будто подтверждается мнѣніе Прот. Павскаго о тожествѣ глухихъ гласныхъ съ чистыми *о—е*; но это только кажется, не болѣе. Вмѣстѣ съ подобными случаями весьма часто встрѣчаются въ памятникахъ Русскихъ, лѣтописяхъ и грамотахъ, примѣры, которые прямо ведутъ къ обратному заключенію; такъ: дрьжати, самодрьжьць, смрьть, плънъ, длъготрьпить (Нов. I, 65) и другіе, гдѣ ъ — ь стоятъ послѣ *л—р*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этихъ примѣрахъ нельзя сравнивать ихъ никакимъ образомъ съ буквами *о — е*, потому-что ни одинъ Русскій никогда не произнесетъ:

дрежать, смреть, плонъ и другіе; напротивъ, отсюда, изъ подобнаго разнообразія въ правописаніи: дьржати и дръжати съмьрть и съмрьть, пълкъ и плъкъ, попадающагося нерѣдко на одной и той же страницѣ, возможно лишь одно заключеніе, что произношеніе обоихъ родовъ правописанія должно быть одинаково; а это могло и можетъ случиться только при глухихъ звукахъ, лишенныхъ ясной опредѣленности остальныхъ гласныхъ — чистыхъ. Отъ этого-то *ь — ъ* ставятся иногда вдвойнѣ, послѣ первой согласной и послѣ *л* или *р*: мълъвити, стълъпникъ, дьрьжати, пьрьмь, вьрьбница. г) При словахъ производныхъ удерживается неизмѣннымъ правописаніе корней; поэтому глухіе звуки послѣднихъ остаются всегда и въ первыхъ, такъ: тьма— тьмница, любъі (= любы) — любъвьникъ. Буква *ь* необходима передъ окончаніями именъ существительныхъ на *ць* и *ство*, и прилагательныхъ на *ный* и *скый*: мьртвьць, чьрньць, вѣньць, купьць, рожьство, цьстьный, вѣрьный, серебрьный, грьчьскый, новотързьскый. д) Наконецъ, буквы *ъ — ь* присутствовали въ древности на письмѣ постоянно и въ тѣхъ словахъ и ихъ формахъ, гдѣ нынѣче являются *о—е*, хоть въ одной формѣ иногда выбрасываемыя: пожьгьше — пожегши (пожгу), пошьлъ — пошелъ (пошли), льгъкъ — легокъ (легкій). Сюда должно отнести и слова, которыя въ языкѣ литературномъ хотя и потеряли глухія гласныя, замѣнивъ ихъ звуками *о—е*, но сохранили ихъ въ различныхъ говорахъ народныхъ, напримѣръ тьсть — тесть (у тстя) рьль — рель (на рли), дьчи — дочь (у дчи), дъска — доска (на дскахъ). Сравненіе съ другими Славянскими нарѣчіями также можетъ служить средствомъ для опредѣленія случаевъ, гдѣ въ языкѣ старо-Славянскомъ необходимы были глухія *ъ — ь*. Выше замѣтили мы, что глухія гласныя древне-Славянскаго языка въ современныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ переходятъ въ различные гласные звуки, лишь иногда оставаясь глухими, при *р* въ Сербскомъ, при *л—р* въ Чешскомъ и Болгарскомъ. Поэтому стóитъ только прослѣдить слово во всѣхъ нарѣчіяхъ, чтобы открыть мѣсто *ъ* и *ь* въ древности, какъ въ отечественномъ языкѣ, такъ и въ другихъ нарѣчіяхъ родственныхъ.

Старо-Славян. ъ — ь

Русское *о—е*, Болгар. *ъ*, Серб. *а*, Хорват. *а—е*, Чешск. *е—ъ*,

Польск. *ъ*, *е*, *ы* (въ перв. лицѣ множ.), Хорут. *ъ—ь*, Лужиц. *о—е—і—а**). Такъ наши слова: доска, песокъ, день, левъ въ Болг. также, въ Серб. даска, песак, дан, лав, въ Хорв. ден, лев, въ Чешск. дска, писек, ден, лев, въ Пол. деска, пясек, dzień, лев, въ Луж. деска, песекъ, дан, лав. Отсюда безошибочно можно заключить и о старо-Слав. формѣ: дъска, пѣсъкъ, дьнь, львъ.

Между всѣми случаями употребленія глухихъ звуковъ у Славянъ, въ древности самый обильнѣйшій принадлежитъ буквамъ *л — р*. И въ памятникахъ церковно-Славянскихъ, и Русскихъ, равно и другихъ Славянскихъ, писанныхъ буквами Кирилловскими, *ъ—ь* неразлучны съ *р—л*, когда при нихъ находится какая-либо другая согласная; онѣ очевидны и въ произведеніяхъ Латино-Славянской письменности, если не на письмѣ, по-крайней-мѣрѣ при чтеніи написаннаго. Это несомнѣнно изъ того, что и до-сихъ-поръ еще у нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ живутъ эти звуки, и только съ р — *л*, будучи потеряны почти во всѣхъ другихъ случаяхъ. Гораздо продолжительнѣе сохранялись глухіе при *р — л* и на Руси. Съ послѣднихъ годовъ XIII вѣка, въ письменности отечественной *ъ—ь* пропали почти вовсе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надобно было бы ожидать ихъ, по требованію древней ороографіи, и гдѣ дѣйствительно находились онѣ въ памятникахъ XI—XII столѣтій; при *л — р* онѣ продолжали еще писаться, и притомъ постоянно и правильно до второй половины XIV вѣка. Такое преимущество этихъ буквъ (*л—р*) передъ другими объясняется легче всего особеннымъ ихъ свойствомъ, приближающимся къ звукамъ гласнымъ. При всемъ томъ, признавать ихъ за чисто-гласные звуки[40]) и отвергать этимъ доказательство гласности древнихъ *ъ — ь*, основанное на буквахъ *р — л*, мы не имѣемъ права въ нашемъ отечественномъ

*) Слова, въ которыхъ глухія соединяются съ *л—р*, мы не имѣемъ здѣсь въ виду, потому-что мѣсто для *ъ—ь* въ подобныхъ случаяхъ очевидно и изъ одного отечественнаго языка. Болгарское *ъ*, по мнѣнію Миклошича, произносится какъ глухое *у*.

40) Lautlehre der alt. Slowen. Sprache. Miklosich. § 18, стр. 10. — Превосходное опроверженіе гласности *л—р* въ Славянскомъ языкѣ встрѣчаемъ въ недавно-появившемся сочиненіи Шлейхера: Die Formenlere d. Kirch. Slaw. Spr. Bonn. 1852, стр. 49—50. Неосновательность сравненія нашихъ *л — р* съ санскритскими гласными *l — r* указана въ Beiträge zur Russisch. Gram. v. Boehtlingk, стр. 77 — 78.

языкѣ, въ которомъ и при *л*—*р* глухіе звуки перешли также въ *о*—*е*, какъ и въ остальныхъ случаяхъ.

Результатъ разбора буквъ *ъ*—*ь* будетъ тотъ, что въ древне-Славянскомъ языкѣ онѣ были звуками гласными, отличавшимися отъ другихъ гласныхъ только своею неясностью, глухостью; съ этимъ же характеромъ жили онѣ въ устахъ и въ письменности народа Русскаго приблизительно до второй половины XIV столѣтія, оставаясь въ послѣдніе годы своей жизни преимущественно, а подъ конецъ и исключительно при звукахъ *л* и *р*, какъ имѣющихъ сродство, болѣе другихъ согласныхъ, съ звуками гласными. Съ остатней четвертью XIV вѣка, *ъ*—*ь* въ гражданской письменности потеряли совершенно свое гласное мѣсто, уступивъ его буквамъ *о* и *е*, и удержавшись сами единственно какъ значки для твердости и мягкости согласныхъ.

Примѣчаніе. Глухіе звуки до того были развиты въ древнемъ языкѣ Русскомъ, что нельзя не отличить въ немъ стремленія замѣнять ими и другія гласныя буквы. Такъ буква *е* нерѣдко уступала мѣсто *ь*, какъ: шьи, свье, Марьмьяна, змьи и т. под. (Перв. Нов. лѣт. 14, 32 и др.); напротивъ, *ъ* употребляется вмѣсто *о* и *ы*: къзма, тъбе, търма, избътъкъ, стръи (стръемъ), кръящеся (ibid. 17, 25, 27, 31). Хоть рѣдко, но попадаются случаи замѣны *ь*-мъ и *ъ*-мъ буквы *и*: Дъмитръ, пьсати, гньющема (—очима) (ibid. 17, 22). Древне-Болгарское *ѫ* вмѣсто позднѣйшаго нашего *ю* было столь же и древне-Русскимъ: въ Синодальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи нѣтъ ни одного случая, до 1234 года, употребленія *ю*; тоже и въ древнѣйшихъ грамотахъ (Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. I, № 1). Подобнымъ образомъ перешло и мѣстоименіе указательное средняго рода *то* въ *тъ* (Новог. I, 24, 29, 43).

2) Между особенностями въ звукахъ языка старо-Славянскаго, такъ рѣзко характеризующими его богатство и разнообразіе, являются и носовые звуки, съ совершенною послѣдовательностью и правильностью развитыя въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности церковной. Принадлежали ли эти звуки и нашему отечественному языку въ древности? Остались ли слѣды господства ихъ на произведеніяхъ древней литературы Русской? Не сохранились ли хоть темные и отрывочные признаки существо-

ванія ихъ когда-то на Руси въ современномъ языкѣ Русскомъ?— вопросы, заслуживающіе тѣмъ бо́льшаго вниманія, что не разъ уже были высказываемы сомнѣнія насчетъ древняго происхожденія этихъ звуковъ не только въ современномъ Польскомъ нарѣчіи, но даже и въ старо-Славянскомъ. Еще въ 1809 году, Добровскій, основываясь на томъ, что самая большая часть Славянъ не знаетъ въ настоящее время ринезма, выразилъ мысль, что и «der polnische (Rhinesmus) scheint neuern Ursprungs zu sein»[41]). Это мнѣніе было повторено Копитаромъ (1836) и распространено на нарѣчіе церковно-Славянское, въ которомъ одинъ изъ юсовъ (ѫ) сравненъ имъ съ о, другой (ѧ) съ французскимъ e muet[42]). Останавливаться на этомъ мнѣніи и опровергать его неосновательность—излишне; несомнѣнность ринезма въ старо-Славянскомъ нарѣчіи имѣетъ за себя твердою порукою «Разсужденіе» Востокова, а ложность взгляда на позднее происхожденіе юсовъ въ Польскомъ нарѣчіи опровергается позднѣйшими наблюденіями надъ этимъ нарѣчіемъ, результатъ которыхъ—замѣтная утрата наоборотъ въ современномъ говорѣ Поляковъ носовыхъ звуковъ—не опущенъ изъ виду въ «Мысляхъ объ Исторіи Рус. Языка»[43]). Но не одно Польское нарѣчіе удержало эту черту богатства фонетики первобытнаго языка Славянъ: носовые звуки, въ устахъ хоть и небольшаго количества народа, продолжаютъ еще существовать у Хорутанъ[44]), и притомъ, что́ для насъ замѣчательнѣе, у Хорутанъ нагорныхъ, менѣе участвовавшихъ въ переворотахъ политическихъ, менѣе испытавшихъ вліянія иноземцевъ, чѣмъ остальные ихъ собратья — жители мѣстъ открытыхъ,—гораздо болѣе сохранившихъ у себя древняго Славянскаго какъ въ языкѣ, такъ въ жизни и понятіяхъ[45]). Носовые

41) Entwurf zu einem allgemeinen Etymologikon, Prag. 1833, стр. 49.

42) Glagolita Clozianus, стр. 49—50.

43) Стр. 48.

44) Kolo. Загребъ, кн. I. 1842, стр. 44, Прим. 3.— Г. Григоровичъ утверждаетъ (См. Путешеств. по Европ. Турціи, стр. 166), что близъ Битоля ему удалось подмѣтить носовые звуки и въ нынѣшнемъ Болгарскомъ нарѣчіи. Къ сожалѣнію, ученый путешественникъ по Европейской Турціи упомянулъ мимоходомъ объ этой замѣчательной особенности; недавняя же статья г. Миклошича о звукахъ въ нарѣчіи новомъ Болгар. (См. Slawische Biblioth. Wien. 1851, стр. 50) ничего не говоритъ о присутствіи въ немъ ринезма. Вслѣдствіе такого разногласія ученыхъ филологовъ, я и не рѣшился помѣстить Болгарскаго нарѣчія въ числѣ тѣхъ нарѣчій, которыя донынѣ сохраняютъ гласныя носовыя.

45) Денница Дубровскаго. Годъ II. 1843. Изъ письма И. Срезнев., стр. 191—205.

звуки господствуютъ въ полной силѣ и у Кашебовъ, и не въ двухъ видахъ, какъ въ старо-Славянскомъ, Польскомъ и Хорутанскомъ, а для всѣхъ буквъ гласныхъ: ą, ę, į, ų[46]. Всѣ эти ринезмы существуютъ и доселѣ въ нарѣчіи Лужицкомъ[47]). Обращаясь къ древнимъ памятникамъ различныхъ поколѣній Славянскихъ, мы легко замѣчаемъ присутствіе носовыхъ звуковъ и у тѣхъ Славянъ, которые въ настоящее время сознаютъ ихъ ни сколько не болѣе насъ, Русскихъ. Такъ у Сербовъ существованіе ринезма подтверждается всѣми древнѣйшими памятниками, и духовными и свѣтскими, и, что̀ важнѣе, словами и выраженіями Сербскими, писанными буквами Латинскими и Греческими[48]). Такимъ-образомъ почти всѣ нарѣчія Славянскія, отчасти современнымъ употребленіемъ ринезма, еще болѣе древнѣйшими и древними произведеніями своей литературы, рѣшительно подтверждаютъ то положеніе, что носовые звуки составляли столь же существенную принадлежность всего древняго языка Славянскаго, какъ составляли они ее въ нарѣчіи старо-Славянскомъ и составляютъ донынѣ въ нарѣчіи Польскомъ. Принимая же въ соображеніе мысль, что нашъ отечественный языкъ въ первыхъ памятникахъ письменности не только не обнаруживаетъ рѣзкаго отличія отъ другихъ соплеменныхъ нарѣчій, а, напротивъ, заключаетъ въ себѣ всѣ основныя и характеристическія черты общаго языка Славянскаго, мы не имѣемъ никакого основанія, не стѣсняя здравой и умѣренной аналогіи, отвергать и въ немъ присутствія носовыхъ звуковъ, если не въ эпоху появленія этихъ памятниковъ, по-крайней-мѣрѣ въ эпоху полнаго развитія формъ и фонетики у Славянъ, въ эпоху доисторическую. До насъ не дошло, правда, ни одного положительнаго на это свидѣтельства: самые древніе списки чисто-Русскихъ произведеній не даютъ и намека на существованіе юсовъ въ говорѣ народа, тѣмъ не менѣе и въ тѣхъ чрезвычайно бѣдныхъ оттѣнкахъ языка современнаго, которые, съ одной стороны, указываютъ на постепенную утрату носоваго отзвука, съ другой, до-сихъ-поръ еще продолжаютъ быть слышимы съ нимъ

46) Извѣстія II-го Отд. Имп. Акад. Наукъ.
47) Изъ рукописной статьи И. И. Срезневскаго: О нарѣчіяхъ Лужицкихъ.
48) Serbische Lesekorner. §§ 9, 10.

на западѣ Малороссіи, нельзя не видѣть скудныхъ остатковъ ринезма, нѣкогда обогащавшаго языкъ Славянъ Русскихъ наравнѣ съ остальными ихъ соплеменниками. Я говорю объ окончаніи *мя* (= древ-мѧ), въ именахъ существительныхъ средняго рода, и о довольно-частомъ переходѣ древняго ѧ-са въ *ьн* въ нѣкоторыхъ поднарѣчіяхъ нарѣчія южно-Русскаго. Первое все болѣе и болѣе утрачиваетъ нарощеніе *н* въ косвенныхъ падежахъ, слышимое въ глубокую старину и въ именительномъ (имѧ = имен); въ настоящее время оно сохранилось въ говорѣ народномъ почти только для родительнаго падежа, тогда какъ въ другихъ склоняется безъ всякаго нароста (въ плами, пламемъ). Такъ постепенно, мало-по-малу, сглаживаются и послѣдніе остатки носовыхъ звуковъ въ языкѣ отечественномъ. Что касается до перехода ѧ въ *ьи*, напримѣръ, выма=вымья, има=имья, мясо=мьнясо и другіе, то онъ такъ естественъ, такъ согласенъ съ свойствомъ этой буквы и въ древнемъ языкѣ Славянскомъ, что нельзя и сомнѣваться въ справедливости взгляда на подобное явленіе въ нарѣчіи южно-Русскомъ, какъ на очевидный слѣдъ бывшаго господства носовыхъ звуковъ. Носовой звукъ въ нарѣчіи старо-Славянскомъ, ударяясь, въ извѣстныхъ формахъ, въ гласную букву, всегда разлагается на составныя свои части, и именно: ѫ въ *ъм*, ѧ въ *ьм* или *ьн*; такъ, дѫти—*дъмѫ*, жати—*жьмѫ*, начати—*начьнѫ*. Такое же разложеніе совершилось и уцѣлѣло до нашего времени въ западныхъ говорахъ Малороссіи. Какъ на остатокъ носоваго звука, нельзя не смотрѣть и на нарощеніе *ен* въ названіяхъ молодыхъ животныхъ: поросенокъ, куренокъ, теленокъ, цыпленокъ и т. д.; всѣ эти слова образовались, какъ уменьшительныя, изъ первоначальныхъ формъ на *я* (куря, порося, цыпля, теля и т. д.), которыя живутъ и теперь въ народѣ и которыя въ старо-Славянскомъ удерживали постоянно окончаніе ѧ = ен (курѧ = курен). Такимъ образомъ и аналогія со всѣми Славянскими нарѣчіями, и живущіе бѣдные остатки ринезма въ нынѣшнемъ языкѣ Русскомъ, едва ли не даютъ права положительно утверждать, что онъ въ одинаковой степени былъ собственностью нашего языка, какъ былъ ею и для другихъ Славянъ. Различіе состоитъ только во времени потери этой собственности: въ остальныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ

ринезмъ держался долго, оставшись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и донынѣ; на Руси онъ сталъ неизвѣстенъ съ-тѣхъ-поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ Русское Государство.

3) Къ числу отличительныхъ чертъ древняго языка Русскаго, общихъ церковно-Славянскому и другимъ нарѣчіямъ Славянскимъ, въ періодъ до XIV вѣка, принадлежитъ и твердость звуковъ гортанныхъ, совершенно измѣнившихъ характеръ свой въ современномъ нашемъ языкѣ. Звуки: *г*, *к*, *х*, постоянно требовали за собою гласныхъ широкихъ, отступая отъ этого правила только для словъ иноземныхъ, и то не всегда. Въ памятникахъ древнихъ, писанныхъ лицами, какъ духовными, такъ и свѣтскими, какъ съ характеромъ религіознымъ, такъ и мірскимъ, мы не найдемъ рѣшительно отступленій, если только списокъ этихъ памятниковъ не позднѣе XIII вѣка. Считать эту особенность за вліяніе языка церковнаго нѣтъ никакого основанія уже и потому, что она въ одинаковой степени принадлежитъ всей древней письменности отечественной, и притомъ такъ постоянно, что до указанной эпохи не встрѣчаются и погрѣшности противъ ея употребленія, чего не можетъ быть, да чего и не было въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительно какая-либо особенность была заимствована не изъ роднаго источника. Естественная и прирожденная привычка употреблять широкія гласныя послѣ гортанныхъ производила скорѣе неправильности, обнаруживаясь, правда, изрѣдка, и тогда, когда и въ самомъ церковномъ языкѣ ставились необходимо узкія гласныя, какъ въ словахъ иноземныхъ, Греческихъ. [49]) Въ первой Новгородской лѣтописи читаемъ, напр., Никыфоръ, Никыта (стр. 19. 86). Это свойство древняго языка отечественнаго не пережило, однако, другихъ свойствъ, ему современныхъ, какъ ни сильно было развито въ народѣ Русскомъ; въ эпоху общаго переворота въ формахъ поколебалось и оно, хотя нельзя не замѣтить, что колебаніе его было гораздо медленнѣе; прошло цѣлыя сто лѣтъ прежде, чѣмъ звуки гортанные пріобрѣли прямо противоположный характеръ. Въ 1305 (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. I. №№ 7. 8) мы читаемъ еще постоянно: Новогородь-

49) Разсужденіе о Славян. Языкѣ Востокова. — Труды Общества Любителей Русской Словесности. Часть 17. 1820 г., стр. 16—17.

скыхъ, поручникы, хытрости, и только два раза Княгини, тоже въ 1317 и почти тоже въ 1327 годахъ (ibid. №№ 12. 15), но въ послѣднемъ уже на половину неправильностей. Подъ годомъ 1375 (ibid. №№ 16. 17) большинство на сторонѣ гласныхъ узкихъ; подъ годами 1426 и 1431 (ibid. №№ 18. 19) соединеніе *г*, *к*, *х* съ *ы* представляетъ поразительную рѣдкость и наконецъ въ грамотѣ 1471 (ibid. № 20) нѣтъ болѣе ни одного примѣра: широкое *ы* замѣнено всюду узкимъ *и* (посадники, владыки, хитростью и т. п.). Такъ, только подъ самый конецъ XV столѣтія, въ правописаніи исчезло окончательно старобытное свойство звуковъ гортанныхъ, и какъ прежде могло и должно было казаться самою грубою неправильностью сочетаніе *г*, *к*, *х* съ *и*, такъ съ-сихъ-поръ, наоборотъ, сдѣлалось противоестественнымъ употребленіе послѣ нихъ *ы* вмѣсто *и*. Эти же самые звуки, такъ рѣзко отдѣляя своимъ характеромъ древній періодъ языка отечественнаго отъ позднѣйшаго, въ первоначальномъ своемъ видѣ, не менѣе разительно отдѣляли его и своимъ переходомъ въ другія согласныя передъ гласными мягкими; но какъ это происходило въ различныхъ формахъ грамматическихъ, то мы и скажемъ объ этой особенности, равно и о постепенной потерѣ ея, при обозрѣніи древняго склоненія и спряженія. Здѣсь же упомянемъ только объ одномъ замѣчательномъ переходѣ звука *с* въ *х*, въ словѣ *вху* вмѣсто *всю* (Дополн. къ Акт. Истор. Т. I. № 5), который такъ рѣшительно указываетъ на взаимное сродство обоихъ звуковъ. Въ приведенномъ примѣрѣ нѣтъ видимой причины подобной замѣны; она произошла единственно только въ силу этого сродства, которое, судя по слову *вху* и по открытому въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-Славянскихъ окончанію *съ* вмѣсто общеупотребительнаго *хъ*, въ простомъ прошедшемъ, должно было быть гораздо живѣе и сильнѣе въ древнѣйшую эпоху [50]). Слѣды такого сродства живутъ еще и доселѣ въ нашемъ языкѣ, въ формахъ родит. пад. *насъ*, *васъ*, вмѣсто нахъ, вахъ, и въ областномъ говорѣ жахъ, ужахаться вмѣсто жасъ (=ужасъ), ужасаться [51]).

50) Срв. вѣса вм. вѣша (=вѣдоша), пропаса вм. паша, пріѩса вм. ѩша. — Slawische Bibliothek. Wien. 1851. Glagolit. Fragment. S. 261—263.

51) Опытъ Обще-сравнител. Граммат. Рус. языка. СПб. 1852. § 178 стр. 133.

4) Совершенно противоположный характеръ представляли въ древности звуки шипящіе: *ж*. *ц*, *ч*, *ш* и *щ*. Будучи по самой природѣ своей согласными мягкими, онѣ въ первыхъ памятникахъ письменности никогда не соединялись съ гласными широкими, требуя послѣ себя постоянно звуковъ *и*, *я*, *ю*, *ь* (въспріяшя, большюю, чюдный, чяетъ, жяляху, чяродѣицю, отця, рубежю, купьць и т. д.). Такой характеръ шипящихъ, совершенно оправдываясь ихъ природою, далеко невполнѣ былъ выдержанъ и въ самомъ правильномъ, по фонетикѣ и формамъ, языкѣ старо-Славянскомъ. Въ немъ эти согласныя не терпѣли послѣ себя только гласныхъ *о*, *ы* и *ъ* [52]), легко сочетаваясь съ *ы* и *у*. Такимъ образомъ особенность въ свойствѣ шипящихъ звуковъ въ Русскихъ древнихъ памятникахъ есть своебытная; она со всею точностью сохранилась въ лѣтописяхъ и въ актахъ правительственныхъ. Понятно, что въ лѣтописяхъ, съ того времени, какъ началось довольно-замѣтное отступленіе въ формахъ языка Русскаго отъ формъ языка Церкви, стала пропадать и эта особенность вмѣстѣ съ другими характеристическими чертами языка Русскаго; уже и въ первой Новгородской лѣтописи по Синодальному списку попадаются промахи, количество которыхъ значительно увеличилось къ концу списка, и совершенно подавило правильность сочетанія въ спискахъ Академическомъ и Толстовскомъ, точно такъ, какъ и въ остальныхъ лѣтописяхъ Новгородскихъ и Псковскихъ, писанныхъ не ранѣе конца XIV или начала XV столѣтія. Что это не было слѣдствіемъ измѣненія природы звуковъ шипящихъ въ самомъ народѣ, очевидно изъ письменности гражданской, въ которой продолжалось еще соединеніе *ж*, *ч*, *ц*, *ш* и *щ* съ гласными мягкими и въ XIII—XIV столѣт., отчасти и въ XV. Въ то время, какъ въ первой Новгородской лѣтописи (XIII—XIV) читаемъ: чюжаше, дружыны, сулицами, часть, поча и т. п. (стр. 25. 28), въ Государ. Грамотахъ и Договорахъ: чясть, отця (1265 г. № 1), дьржячи (1305), рубежю (1375). Въ XV, однако, вѣкѣ произошло превращеніе въ свойствѣ шипящихъ звуковъ и въ народѣ; прежде всего обнаружилось оно на *ж*, *ш* и *щ*, а потомъ перешло и къ

52) Разсуж. Востокова. Стр. 16—17.

остальнымъ двумъ: *ч* и *ц*. Въ концѣ XIV вѣка попадаются уже: Торжокъ, рубежа, большую, а черезъ сто лѣтъ (1471 г. Собр. Госуд. Грам. и Дог. № 20): вашихъ, отцу, бѣжычахъ. Впрочемъ, хоть и не постоянно, *ч* и *ц* долгое время и послѣ писались съ *я* и *ю*, удержавши этотъ характеръ и до-сихъ-поръ въ говорѣ Новгородскомъ, а *ц* и въ нарѣчіи Малорусскомъ.

5) Къ фонетическимъ особенностямъ древняго языка Русскаго, какимъ представляется онъ въ древнѣйшемъ спискѣ Русскихъ лѣтописей, нельзя не отнести и слѣдующихъ двухъ: а) предлоги, оканчивающіеся на ъ, при соединеніи съ глаголами, начинающимися съ гласной мягкой (*я*, *и*, *ѣ*), обыкновенно отбрасываютъ ъ, образуя такимъ образомъ изъ конечной гласной предлога и начальной гласной глагола одинъ мягкій слогъ, напр. отити, отяти, изискати, изѣдати, изяти и т. п. (Новг. I. стр. 30. 33. 46. 48). Принять подобный способъ словообразованія за руссизмъ довольно трудно, потому-что, сколько извѣстно, онъ не повторяется въ тѣхъ произведеніяхъ отечественной древней литературы, которыя рѣшительно не обнаруживаютъ вліянія нарѣчія церковно-Славянскаго. Въ послѣднемъ же такое явленіе совершенно правильно и обыкновенно; столь же обыкновенно оно и въ нашихъ лѣтописяхъ, продолжаясь до конца XV столѣтія. Остатокъ этого сложенія хранится и до нашего времени въ словѣ *изящный*, столь извѣстномъ въ языкѣ людей образованныхъ и малоупотребительномъ въ простомъ народѣ. Его форма и значеніе извѣстны были еще въ XV вѣкѣ, и не только въ письменности (Новг. III. стр. 255), но, безъ сомнѣнія, и въ разговорѣ, что̀ видно изъ прозвища Новгородскаго Игумена Антонія: и велѣлъ (Архіепископъ) игумену Антонію *изящному* общину засѣдати (Новг. II. стр. 156). Какъ слово техническое, оно легко могло перейти отъ нашихъ предковъ, слѣд. изъ роднаго источника, въ томъ же видѣ и къ намъ, безъ измѣненія его въ форму Русскую *изъящный*. б) Вторая особенность относится скорѣе къ правописанію, чѣмъ къ живому языку, хотя и не могла не зависѣть отъ послѣдняго. Подобно древнимъ переписчикамъ книгъ церковныхъ, и писцы лѣтописей, при стеченіи двухъ одинакихъ согласныхъ въ концѣ предлога и въ началѣ стоящаго рядомъ съ нимъ слова, даже и соединен-

наго съ нимъ въ одно, выбрасывали одну согласную; такимъ образомъ вмѣсто изъ заморья читаемъ изаморья (Нов. I. 9). То же самое происходило и въ томъ случаѣ, когда слѣдующее за предлогомъ слово начиналось и не съ той же согласной, какой оканчивался предлогъ, но съ сродною съ нею, отзвучною; напр. и своею руку, исѣкоша, расѣкоша, ишедъ и т. п., вмѣсто: изъ своею руку, изсѣкоша и т. д. (ibid. стр. 16. 28. 42). Эта особенность принадлежитъ почти одному Синодальному списку первой лѣтописи Новгородской, не встрѣчаясь въ двухъ остальныхъ, почему и въ изданіи Археогр. Коммиссіи употреблено чтеніе Академич. и Толстов. списковъ, равно и всѣхъ другихъ лѣтописей сѣверныхъ.

При всемъ поразительномъ сходствѣ фонетики языка Русскаго въ древнее время съ нарѣчіемъ старо-Славянскимъ, въ немъ нельзя, однакожь, не отмѣтить и особенностей, указывающихъ на то, что въ глубокой древности онъ имѣлъ уже свои личныя черты, какъ отдѣльное нарѣчіе, развившее я при особенныхъ условіяхъ, чуждыхъ для другихъ Славянъ. Изъ того, что эти черты представляются вполнѣ развитыми и укоренившимися въ народѣ Русскомъ уже и въ самыхъ древнихъ памятникахъ, можно заключать прямо объ отдаленной эпохѣ, въ которую образовались эти особенныя условія для Славянъ Русскихъ. Къ этимъ чертамъ принадлежитъ полногласіе въ языкѣ Русскомъ, замѣна *и* передъ гласною звукомъ *ь*, переходъ *д*, при смягченіи въ *ж*, *т* въ *ч*, и наконецъ употребленіе въ началѣ словъ *о* вмѣсто старо-Славянскаго *е*.

Полногласіе въ Русскомъ языкѣ, т. е. употребленіе двухъ гласныхъ вмѣсто одной въ другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, именно двухъ *о* или *е* вмѣсто одного *а* или *ѣ*, составляетъ принадлежность нашего языка, искони утвердившагося и развившагося въ немъ, независимо ни отъ какого посторонняго вліянія. Мнѣніе, будто его породило или сосѣдство съ Финнами [53]), или вліяніе сѣвернаго климата [54]), лишено всякаго основанія и опровергается весьма легко повсюдною распространенностію полногласія на всемъ обширномъ пространствѣ Россіи, на сѣверѣ и

53) Dobrowsky's Entwurf, стр. 74.

54) Труды Общ. Люб. Рус. Слов. при Москов. Унив. Ч. 17, стр. 42.

югѣ, востокѣ и западѣ. На югѣ оно такъ обыкновенно, распространено на столь огромную массу словъ, что и его можно считать въ такой же степени родиною Русскаго полногласія, какъ и сѣверъ. То же было и въ древности. Всѣ памятники Русскіе, чѣмъ далѣе отстоятъ отъ нашего времени, тѣмъ болѣе заключаютъ въ себѣ формъ полногласныхъ. Именно, два *о* Русскаго нарѣчія, раздѣленныя звукомъ *р*, въ старо-Славянскомъ удерживаютъ одно *а* послѣ *р* (борода — брада); два *о* раздѣленные звукомъ *л* — одно *ъ* послѣ *л* (молоко — млѣко); одна *ъ* послѣ *р* являются въ старо-Славянскомъ и тогда, когда въ Русскомъ *р* стоитъ между двумя *е* (брѣгъ — берегъ). Любовь къ гласнымъ въ народѣ Русскомъ столь сильна, что онъ прибѣгалъ къ удвоенію *о* при *р* и въ такихъ словахъ, въ которыхъ, по требованію древней фонетики обще-Славянской, *р* соединенъ былъ съ глухимъ звукомъ *ъ*; такъ и въ лѣтописяхъ, и въ грамотахъ въ XIII столѣтіи вмѣсто тържекъ, новотържьци, читаемъ: Торожокъ, Новоторожци (Новог. I, стр. 45; Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. I, № 1). Это полногласіе, господствующее во всей силѣ и донынѣ въ говорѣ простаго народа, не всегда въ одинаковой степени поддерживалось и въ отечественной письменности. Въ самыхъ древнихъ спискахъ лѣтописей, равно и въ актахъ правительственныхъ, оно употреблялось и въ такихъ словахъ, которыя не допускаютъ полногласія и въ нашемъ литературномъ языкѣ. Въ грамотахъ и актахъ оставалось это до самаго конца XV вѣка, осталось и послѣ; но въ лѣтописяхъ становилось тѣмъ рѣже, чѣмъ былъ позднѣе списокъ, такъ-что въ XV столѣтіи прежнее полногласіе почти совершенно уступило мѣсто одной гласной *а* или *ъ*. Это явленіе объясняется одною причиной, укоренившейся въ духовныхъ лицахъ подражательностью языку церковному. Столь же своебытными Русскими представляются намъ и остальныя четыре особенности: замѣна старо-Славянскаго *е*, въ началѣ словъ, звукомъ *о*, переходъ *и* передъ гласною въ *ь*, смягченіе *д* и *т* посредствомъ одного *ж* и *ч*. Въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописей отечественныхъ, не говоря уже объ актахъ правительственныхъ, неизмѣнно встрѣчаемъ звуки чисто-Русскіе: одва, оже, оесень, одинъ, одинодушно (Новогород. I, стр. 33); людье, помочье,

пролья; нужа, неврежени, повѣжь, побѣжени, побѣжають, позолоченъ, просяче и т. под. Такъ въ первой Новгород. лѣтописи, по списку Синодальному, въ Лаврентьевской лѣтописи, въ грамотахъ и договорахъ. Но лишь только списокъ позднѣе XIV столѣтія, то и подобные случаи становятся уже рѣдкостью; и эта рѣдкость тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ памятникъ, по происхожденію своему, ближе къ нашему времени. Поэтому въ Академическомъ и Толстовскомъ спискахъ первой Новгородской лѣтописи (XIV — XV вѣкахъ), несмотря на очевидные признаки того, что писцы ихъ имѣли у себя подъ руками списокъ Синодальный, упомянутые руссизмы попадаются какъ исключенія; тоже во второй, третей и четвертой Новгородскихъ лѣтописяхъ. Но какъ языкъ правительственный, дѣловой, продолжалъ идти попрежнему своимъ путемъ, независимымъ отъ вліянія посторонняго, не отбрасывалъ отъ себя того, что́ составляло врожденную собственность народа, и не принималъ формъ и оборотовъ совершенно ему чуждыхъ, то и употребленіе *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *щ*, *о* вм. *е* и *ь* вм. *и* осталось въ немъ также неприкосновеннымъ, по-крайней-мѣрѣ, до конца XV столѣтія.

Различіе между *ъ* и *е* исчезло въ древнемъ Русскомъ языкѣ очень рано; уже въ первой половинѣ XIII столѣтія мы встрѣчаемъ несоблюденіе правильнаго употребленія *ъ*: оно попадается часто тамъ, гдѣ необходимо *е*, и наоборотъ, послѣднее нерѣдко замѣняетъ *ъ*. Такъ, въ одной и той же грамотѣ (1239) читаемъ: отъ тѣхъ волостей, вьременьмъ, будьте, дьржати, пьрвое и множество другихъ примѣровъ (Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. II, № 1). Замѣна *ъ* посредствомъ *е* всего очевиднѣе обнаруживается въ замѣнѣ древняго ѧ-са, переходившаго въ отечественныхъ древнихъ памятникахъ то въ *я*, то въ *е*; это послѣднее весьма часто обращалось въ *ъ*: оноѣ, сеѣ, коньцѣ (род. ед. см. склоненія). Не такъ скоро совершился переходъ *ы* въ *о* и *и* въ *е*: оба звука поддерживались правильно и долго въ древности (тако и тый товаръ взялѣ. Допол. къ Акт. Ист. Т. I, № 7; а кто купилъ, а тый знаетъ своего истьця, (Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. I, № 6). Для удержанія *и* можно видѣть много примѣровъ въ склоненіи: волостии не раздавати (ibid.).

II. отличительныя черты формъ грамматическихъ въ древнемъ языкѣ русскомъ.

Въ словоизмѣненіи, въ склоненіи и спряженіи древній языкъ Русскій представляетъ еще болѣе чертъ, отдаляющихъ его отъ языка позднѣйшаго и сближающихъ съ нарѣчіемъ старо-Славянскимъ. Всѣ главныя свойства послѣдняго существуютъ и въ первомъ: та же полнота, то же богатство, то же разнообразіе въ формахъ и та же свобода въ пользованіи этимъ разнообразіемъ принадлежали нѣкогда языку отечественному, которыя сохранились доселѣ въ книгахъ церковныхъ. Были, конечно, и особенности; онѣ и должны были быть въ языкѣ народа, живущаго своею жизнью, развивающагося при своихъ мѣстныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе эти особенности не выходили изъ предѣловъ существенныхъ свойствъ всего языка древне-Славянскаго, ограничиваясь лишь немногими отступленіями, характеризующими мѣстность Русской націи, отдѣльную отъ другихъ ея соплеменниковъ. Важность мысли о близости древняго языка Русскаго къ нарѣчію старо-Славянскому несомнѣнна. Языкъ есть существенный органъ литературы; отъ различнаго взгляда на первый необходимо долженъ измѣниться взглядъ и на послѣднюю; и если было время, когда всѣ произведенія древней Русской письменности считались писанными по церковно-Славянски, то понятно, почему оно было и должно быть временемъ, когда и исторія литературы отечественной не восходила выше XVII, даже XVIII столѣтія. Взглядъ на языкъ измѣнился; измѣнилось воззрѣніе и на объемъ литературы, поднявшейся въ нашу пору до X вѣка. Такое важное значеніе языка требуетъ тѣмъ внимательнѣйшаго его разсмотрѣнія, что и теперь, во второй половинѣ XIX столѣтія, не всѣ и не съ полнымъ убѣжденіемъ рѣшаются признать языкъ древнихъ Русскихъ памятниковъ за языкъ чисто или почти чисто-Русскій. Мы указали уже на тѣ изъ фонетическихъ особенностей древняго языка, которыя, будучи общи съ нарѣчіемъ церковно-Славянскимъ и потеряны въ наше время. существовали, однако, въ свое время въ народѣ Русскомъ. Къ тому же результату приводитъ насъ и разсмотрѣніе формъ грамматическихъ. Я разсмотрю прежде измѣненіе словъ въ склоненіи, и въ немъ прежде всего свойства общія для всѣхъ словъ

склоняемыхъ, въ одинаковой степени принадлежащія и нарѣчію старо-Славянскому. Между этими свойствами болѣе всего заслуживаютъ вниманія a) строгое соблюденіе двойственнаго числа; b) отличеніе семи падежей въ единственномъ числѣ, шести во множественномъ и трехъ въ двойственномъ; c) употребленіе посредственнаго смягченія согласныхъ гортанныхъ и d) сохраненіе нарощенія въ существительныхъ и преимущественно женскаго рода. Мысль, будто двойственное число занесено въ старо-Славянское нарѣчіе съ Греческаго языка первыми переводчиками Св. Писанія, какъ ни на чемъ неосновавная, высказавшаяся безъ сравнительнаго знанія другихъ нарѣчій Славянскихъ, справедливо считается анахронизмомъ. Съ одной стороны, присутствіе этого числа у всѣхъ Славянъ въ древности, съ другой — употребленіе до-сихъ-поръ формъ двойственнаго числа, хоть не всегда и сознательное, Хорутанами и Лужичанами, наконецъ сохраненіе его и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ нашего времени, рѣшительно заставляютъ признать двойственное число въ языкѣ Славянскомъ столь же своебытнымъ, какъ своебытно оно въ языкѣ Греческомъ или Санскритскомъ. Существованіе его въ отечественномъ языкѣ въ древности подтверждается положительно тѣми произведеніями древней литературы, которыя не могли быть писаны подъ вліяніемъ нарѣчія церковнаго, которыя, напротивъ, отзываются языкомъ чисто-народнымъ, со всѣми его характеристическими признаками и въ фонетическомъ, и въ формальномъ отношеніяхъ. И въ «Собр. Госуд. Грам. и Дог.», и въ «Актахъ Истор.» оно столь же обыкновенно, столь же правильно до извѣстной эпохи, какъ правильно оно въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописей или въ памятникахъ церковно-Славянскихъ. Въ нихъ замѣчаемъ тоже строгое отличеніе трехъ падежей, для всѣхъ трехъ родовъ, особенныя окончанія въ именит. винит. и дат. твор., для женскаго и мужскаго родовъ, и одна для родит. и предложнаго: два сына, двѣ векшѣ, кунѣ, въ дву насаду, дву тысячю, братома, рукама (Собр. Грам. и Догов., т. I). Постоянство и правильность въ употребленіи двойственнаго числа въ древнѣйшихъ грамотахъ тѣмъ бо́льшее даетъ право заключать съ несомнѣнностью о господствѣ этой формы и въ современномъ имъ говорѣ народа, что малѣйшія измѣненія

въ послѣднемъ неминуемо и во всемъ отражались на письменности. Это случилось и съ двойственнымъ числомъ, и не только въ гражданской письменности, но и лѣтописной. Такъ въ первыхъ годахъ XIV столѣтія, еще болѣе въ XIII, оно употреблялось еще правильно: по двѣ дългѣи, по двѣ векшѣ, двема стома, двѣ стѣ, безъ дву сту, двою послуху (Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. I, №№ 8 (1305), 12 (1317); idid. т. II, № 1 (1239); отъ двою капию, по двѣ лукшѣ (ib., т. II, №№ 1, 6); но подъ конецъ XIV вѣка, хотя и замѣтно сознаніе необходимости двойственнаго числа, забылись, однако, различныя формы его, правильнѣе, смѣшались другъ съ другомъ. Отсюда встрѣчаются примѣры, въ которыхъ правильно употреблено двойственное вмѣсто множественнаго, но ошибочна форма падежная, напр. съ обѣ половинѣ (ib., т. I, № 17, 1375 г.). Въ XV вѣкѣ двойственное осталось въ одиихъ числительныхъ именахъ, уступивши въ существит. и прилагат. свое мѣсто множественному: по двѣ куны (ib. № 20. 1471), обѣма великимъ княземъ (ibid). То же явленіе произошло и въ лѣтописяхъ. При всей правильности и постоянствѣ въ нихъ двойственнаго числа, при описаніи первыхъ событій въ нашемъ отечествѣ, вообще въ началѣ древнѣйшихъ списковъ лѣтописей, мы встрѣчаемъ тѣмъ болѣе погрѣшностей и тѣмъ становятся поразительнѣе онѣ, чѣмъ позже жилъ переписчикъ или лѣтописецъ событій позднѣйшихъ. Въ спискахъ XIII — XIV вѣковъ попадаются уже довольно-рѣзкіе промахи, хотя они и очень рѣдки, наприм. два мужь, 2 церкви камяны, съ обѣ стороны, съ обою страпъ, съ ступившимся обѣма полкома. Не совсѣмъ, однако, пропали слѣды двойственнаго числа и послѣ XIII—XIV столѣтія; они сохранились отчасти и донынѣ въ языкѣ и словесности народной. Я имѣю въ виду два окончанія, одно для именит. двойственнаго словъ мужескаго рода, другое для дател. и творительнаго. Къ первому принадлежитъ управленіе числительнымъ *два*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдующихъ *три* и *четыре*. Что форма на *а* (= я) въ существительныхъ мужеск. рода на *ъ* и *ь* послѣ *два* не есть родител. падежъ единств. числа, какъ полагали нѣкогда, это вполнѣ удовлетворительно изложено въ послѣднихъ ученыхъ трудахъ на-

шихъ филологовъ [55]); равно убѣдительно объяснено и то, какимъ образомъ требованіе двойственнаго числа отъ слова *два* перешло и къ слѣдующимъ числительнымъ: *три* и *четыре*, хотя такое требованіе совершенно и несогласно съ понятіемъ двойственности и значеніемъ этихъ числительныхъ. Но что дѣйствительно подобное явленіе въ Русскомъ языкѣ есть только подражательное и притомъ далеко не исконное, въ этомъ убѣждаютъ древніе памятники и, между ними, преимущественно лѣтописи. Доколѣ сознавалось истинное значеніе двойственнаго числа, дотолѣ и числительныя *три* и *четыре*, какъ безусловно противорѣчащія этому значенію, требовали послѣ себя существ. постоянно во множественномъ числѣ, хотя *два* и продолжало попрежнему соединяться только съ двойственнымъ. Такъ: три человѣки, четыре дворы, 4 старци, три образы (Новог. II, стр. 150, 152, 156, 160), четыре мужи, 4 посадники (Псков. I, 198, 235), три браты (Псков. II, 6) и др. До такой степени было въ ходу это словоуправленіе, что когда вышли уже изъ сознанія народнаго формы двойственнаго, то и числит. *два*, по примѣру слѣдующихъ за нимъ *три* и *четыре*, начало-было соединяться съ множественнымъ, наприм., два роги, два дворы (Новог. II, 143); впрочемъ, такихъ примѣровъ чрезвычайно мало: *два* удержало за собою двойственное число до настоящаго времени, подчинивъ тому же словоуправленію и числительныя *три*, *четыре*. Такимъ образомъ только съ-тѣхъ-поръ, когда погибло значеніе двойственнаго числа, произошло это неестественное сочетаніе числительныхъ *три* и *четыре*, явившись единственно по аналогіи съ предшествующимъ — *два*, которое, какъ прежде, такъ и впослѣдствіи до позднѣйшихъ временъ удержало свойственное ему сочетаніе съ двойственнымъ. Хоть рѣдко, однако народъ Русскій и теперь еще соединяетъ числительныя, слѣдующія за *два*, съ множественнымъ, наприм., по три годы (Сказан. Рус. Народа, Сахарова, Пѣсни Истор., стр. 257, т. I). Въ произведеніяхъ народной словесности живетъ до-сихъ-поръ и другое окончаніе двойственнаго — *ма*, принадлежавшее дательному и творительному падежамъ:

55) Мысли объ Исторіи Русскаго языка, стр. 72. Рецензія на нихъ г. Буслаева. Отеч. Зап. № 2, Отд. V. Филологич. Наблюд. Павскаго. Разсужд. 2, отд. 2.

И всѣ гости то по мѣстамъ сидятъ
За столами да за дубовыма,
За скатертьми то да за шитобранныма,
За яствами за сахарныма,
За питьями за разнолицьныма; или:

Пущай съ има (= съ ними) красуется
Со бѣлыма со лебедушкима[56]).

Конечно, въ приведенныхъ примѣрахъ нѣтъ никакой двойственности, и окончаніе *ма* стоитъ вмѣсто творит. множ. *ми*, тѣмъ не менѣе, хотя и безсознательный, даже неправильный, все-таки оно есть признакъ двойственнаго, когда-то жившаго и употреблявшагося правильнѣе народомъ.

Въ количествѣ падежей древній языкъ Русскій также превосходилъ современный, строго отличая окончанія для всѣхъ падежей и сближаясь въ употребленіи ихъ съ богатымъ нарѣчіемъ старо-Славянскимъ. Въ существител. звательный единств. имѣлъ особую форму, какъ въ словахъ мужескаго, такъ и женск. родовъ; винител. множеств. муж. рода отличался рѣзко отъ именительнаго того же числа и т. д. Въ именахъ прилагательныхъ постоянно поддерживалось различіе въ склоненіи опредѣленной и неопредѣленной формъ, въ одинаковой степени употребительныхъ въ древнемъ языкѣ Русскомъ; въ падежахъ не было смѣшенія для родительнаго и дательнаго единств. женск. рода, именит. и винит. множеств. мужескаго. Подробности склоненія разсмотримъ на своемъ мѣстѣ.

Къ числу характеристическихъ чертъ языка древне-Русскаго принадлежитъ и посредственное смягченіе звуковъ гортанныхъ, уцѣлѣвшее въ значительной части Славянскихъ нарѣчій до настоящаго времени, и совершенно погибшее въ современномъ нарѣчіи Велико-Русскомъ. Говоря объ особенностяхъ древней фонетики, мы упомянули, между прочимъ, и о свойствѣ звуковъ *г*, *к*, *х*, постоянно требовавшихъ послѣ себя гласныхъ широкихъ. Но въ измѣненіи словъ по падежамъ не всегда можно было избѣжать сочетанія съ гласными узкими, поэтому сами

56) Москов. Вѣдом. 1852 г., № 49. Свадебные обряды въ Шенкурскомъ Уѣздѣ Архангел. Губерніи, Н. Борисова.

гортанныя, уклоняясь отъ несвойственнаго ихъ природѣ сочетанія, переходили въ другіе, сродные имъ звуки, именно или въ свистящіе *з*, *ц*, *с*, или въ шипящіе *ж*, *ч*, *ш*. Тотъ и другой родъ перехода имѣлъ свои опредѣленные законы, несмѣшивавшіеся другъ съ другомъ. Въ свистящіе измѣнялись гортанные передъ *и* и *ѣ*, въ шипящіе передъ *е*. Отсюда сами собой выводятся и случаи, въ какихъ долженъ быть подобный переходъ въ склоненіи. Въ словахъ мужеск. рода онъ необходимъ въ звательномъ и предложномъ пад. единств., именит. и предл. множест., во всѣхъ этихъ формахъ гортанные измѣняются въ свистящіе, кромѣ зват. единств., оканчивавшагося на *е* и, слѣдовательно, требовавшаго шипящихъ вмѣсто гортанныхъ: Боже, человѣче, послуше; пред. един.: порозѣ, волоцѣ, доспѣсѣ; имен. множ. прузи, плътници, вьрси; пред.: порозѣхъ, человѣцѣхъ, доспѣсѣхъ. Въ женскомъ измѣненіе гортанныхъ происходило въ одни только свистящіе, въ дател. и предлож. единственнаго, въ именит., винит. и звател. двойственнаго чиселъ: волзѣ, владыцѣ, сносѣ. Переходное свойство гортанныхъ продолжалось довольно долго въ языкѣ отечественномъ; первые признаки потери его обнаружились не ранѣе начала XIV столѣтія, и то въ небольшемъ количествѣ, которое, однако, увеличивалось съ быстротою все болѣе и болѣе. Такъ въ послѣднихъ годахъ XIII вѣка, въ грамотахъ 1270 и 1295 годовъ (Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. I, №№ 3, 5) еще не видно погрѣшностей противъ правильнаго смягченія гортанныхъ, какъ и противъ употребленія послѣднихъ гласныхъ широкихъ. Въ грамотѣ 1305 г. (ibid. № 7) уже два раза попадается отсутствіе смягченія тамъ, гдѣ оно необходимо: Новогородьскыи (имен. множ.), по дългѣи (двойств. жен.). Въ 1317 году такихъ неправильностей еще болѣе: недругы (имен.), на городкѣ (ib. № 12); во второй половинѣ XIV вѣка, тѣмъ болѣе въ концѣ его, трудно уже и встрѣтить посредственную смягчаемость гортанныхъ (срав. ibid. №№ 16, 17 и Допол. къ Акт. Истор. т. I, № 7). Въ XV столѣтіи нашелъ я только два примѣра на переходъ *к* въ *ц* передъ *ѣ*: бельце, владыцѣ (Собр. Гос. Грам. и Догов., т. I, № 19, 20). Сравнивая постепенную потерю посредственной смягчаемости гортанныхъ съ потерею основнаго характера ихъ—всегда оставаться въ первоначальномъ

своемъ видѣ твердыми, нельзя не замѣтить, что то и другое произошло почти одновременно: начало и конецъ XIV столѣтія — приблизительный періодъ, въ который началось и совершилось въ народѣ забвеніе звуковъ *г*, *к*, *х*. При всемъ томъ, сохраненіе послѣ нихъ твердыхъ гласныхъ оставалось еще нѣсколько времени и послѣ окончательной потери смягчаемости. Это всего яснѣе обнаруживается изъ тѣхъ примѣровъ, въ которыхъ необходимъ, по требованію древней фонетики, переходъ въ свистящіе гортанные, и котораго, однако, часто не было съ половины XIV вѣка. Въ подобныхъ случаяхъ довольно-долго, вопреки правильности формы, употреблялись гласныя широкія вмѣсто узкихъ; такъ, наприм., въ именит. множест.: Новогородьскыи, недругы, полкы; только въ самыхъ послѣднихъ годахъ XIV и въ XV явилось уже окончаніе *и* вмѣсто *ы* послѣ *г*, *к*, *х*: должники, поручники, посадники (Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. I, №№ 16, 20).

Что касается до нарощенія въ склоненіяхъ древняго языка Русскаго, то и въ этомъ онъ сближался съ нарѣчіемъ старо-Славянскимъ, обнаруживая несомнѣнные слѣды нарощенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ какихъ было необходимо оно въ послѣднемъ. Нарощеніе принадлежало именамъ существительнымъ, попреимуществу словамъ женскаго рода, сравнительной степени прилагательныхъ и причастіямъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что формы: мати, дчи, свекры, церкы (= црькы) и т. д., принадлежали въ такой же степени древнему Русскому языку, въ какой постоянно встрѣчаются онѣ въ памятникахъ нарѣчія старо-Славянскаго. Это доказывается отчасти современнымъ говоромъ простаго народа, удерживающаго донынѣ въ именит. падежѣ формы: мати, дчи, свекры, еще болѣе подтверждается постоянствомъ употребленія ихъ въ отечественныхъ лѣтописяхъ, грамотахъ и актахъ, и наконецъ рѣшительно убѣждаетъ въ самобытности такихъ формъ въ Русскомъ языкѣ сравненіе съ другими сплеменными нарѣчіями, сохранившими ихъ до-сихъ-поръ, хотя онѣ или нисколько, или слишкомъ слабо подчинялись вліянію нарѣчія старо-Славянскаго. Господство этихъ укороченныхъ формъ продолжалось очень долго и въ письменности; по-крайней-мѣрѣ въ XV столѣтіи, не ранѣе, появилась замѣна ихъ

полными, другими словами, нарощеніе отъ косвенныхъ падежей перешло и на именительный. Такъ было въ отечественномъ языкѣ, такъ было и въ старо-Славянскомъ, или, правильнѣе, въ послѣднемъ никогда и не происходило измѣненія, а только измѣненная форма народная прокралась современемъ въ памятники церковно-Славянскіе такъ точно, какъ прокрадывались и многія другія формы и звуки, совершенно несвойственные древнѣйшему языку книгъ священныхъ. Отюда понятно, что форма, наприм., *церкви*, попадающаяся въ церковной письменности XV, XVI и т. д. вѣковъ, до настоящаго времени, вмѣсто древней *црькы*, есть слѣдствіе вліянія говора писца, ни мало не будучи чрезъ то принадлежностью нарѣчія старо-Славянскаго, потерявшаго издавна всякую жизнь и измѣнявшагося только подъ перомъ писцовъ и переписчиковъ.

Примѣчаніе. Противъ нашего воззрѣнія на формы *црькы* и *церкви* сильно возстаетъ замѣчаніе г. Ф., дважды напечатанное въ «Москвитянинѣ» за 1852 г. (№ 4, отд. V, стр. 131 и № 5 Смѣсь, стр. 37). По мнѣнію г. Ф., высказанному противъ мысли А. Х. Востокова, что «црькви и смокви есть ужь позднѣйшее измѣненіе вмѣсто древняго црькы, смокы», слѣдуетъ, что «формы црькви и смокви принадлежатъ весьма древнему времени; онѣ восходятъ по-крайней-мѣрѣ къ XII столѣтію; онѣ современны съ формами црькы, смокы и совершенно имъ равны въ этимологическомъ отношеніи». Въ оправданіе своихъ словъ и въ опроверженіе г. Ф. мы можемъ представить слѣдующее. Форма *церкви* не только не встрѣчается въ XII вѣкѣ въ памятникахъ письменности церковной, но и въ лѣтописяхъ Русскихъ, и не только въ XII, но и въ XIII столѣтіи (наприм. въ Евангеліи XIII столѣтія. См. Описаніе рукоп. Рум. Муз., № CIV, стр. 171). Весьма жалко, что г. Ф., говоря такъ положительно, не представилъ ни одного примѣра для скрѣпленія словъ своихъ; а примѣръ необходимъ уже и потому, что онъ могъ бы показать, какъ г. Ф. смотритъ вообще на письменность. Все дѣло состоитъ въ томъ, брать ли во вниманіе подлинныя рукописи XII вѣка, или одни позднѣйшіе съ нихъ списки. Въ первыхъ, утвердительно можно сказать, не найдется ни разу формы *церкви* вм. *црькы*; въ послѣднихъ встрѣтится оно только въ томъ случаѣ, если спи-

сокъ не древнѣе XIV вѣка, и тѣмъ чаще будетъ встрѣчаться, чѣмъ позднѣе списокъ. Такимъ образомъ въ Лаврентьевской лѣтописи (я не говорю уже о Синодальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи) неизмѣнно сохраняется форма *церкы*, и никогда *церкви*. Если бы современники мниха Лаврентія потеряли эту форму окончательно, замѣнивъ ее позднѣйшею на *ви*, то хоть однажды, особенно при описаніи событій первыхъ годовъ XIV столѣтія, онъ измѣнилъ бы своему познанію языка церковнаго или древне-Русскаго. Совсѣмъ иное въ лѣтописи Троицкой (XV вѣка). Переписчикъ этой лѣтописи, несмотря на то, что описывалъ событія первыхъ годовъ XIV вѣка (1327), когда въ оригиналѣ, по всей вѣроятности, была форма *церкы*, измѣнилъ ее въ современную себѣ *церкви*. Въ Ипатьевской лѣтописи это измѣненіе простерлось даже и на XII (1144); но это, однакожь, нисколько не даетъ права думать, чтобы въ XII вѣкѣ дѣйствительно форма *церкви* была въ одинаковомъ употребленіи съ формою *црькы*; въ противномъ случаѣ, г. Ф. долженъ признать и позднѣйшую форму *церква* за одновременную съ *црькы* и *церкви*, потому-что и она встрѣчается въ *XII* столѣтіи (подъ 1115 г.), во второй Новог. лѣтописи, спискѣ самаго конца XVI или начала XVII вѣка, такъ точно, какъ встрѣчается она и въ XVI вѣкѣ (ibid. стр. 151). Г. Ф. основалъ заключеніе свое объ одновременномъ употребленіи обѣихъ формъ на равенствѣ той и другой въ этимологическомъ отношеніи (церкы = церкви, потому-что ы=ъ+и, ъ=у, у=в, слѣдовательно ы=ви); однако, равенство далеко отъ тожества; еще менѣе можетъ служить оно твердымъ ручательствомъ въ томъ, что обѣ формы и одинаково древни. И другія формы позднѣйшія равны древнимъ, равны потому, что ихъ сравняли милліоны народа, которые не допускаютъ скачковъ въ языкѣ. Форма имѣетъ также свою жизнь: она также подвержена старости, измѣненію, замѣнамъ и, однако, всегда по опредѣленнымъ законамъ. Изъ того же, что измѣненіе одной формы въ другую законно, что оно легко объясняется *формулами* фонетики, нельзя еще заключить, чтобы онѣ постоянно и жили вмѣстѣ. Напримѣръ, форма *домой* тоже равна формѣ *домовь*, а эта формѣ *домови;* при всемъ томъ и та, и другая, и третья являлись поперемѣнно въ языкѣ народа, а не существовали искони

совмѣстно. Въ XIII вѣкѣ древнѣйшая форма *домови* уже не встрѣчается: вмѣсто нея явилась *домовь*, а въ XV нѣтъ и послѣдней, замѣненной позднѣйшею *домой*. Гораздо справедливѣе Прот. Павскій, который, ни мало не сомнѣваясь, слово *церкы* и другія ему подобныя по формѣ прямо называетъ старинными Русскими, въ отличіе отъ позднѣйшихъ церкви, смокви и другихъ. (Филолог. Наблюд. Разсужд. II, Отд. II, стр. 81). Перехожу къ подробностямъ въ склоненіи: 1) существительныхъ, 2) прилагательныхъ и причастій, 3) мѣстоименій и числительныхъ.

1) Въ именахъ существительныхъ муж. рода останавливаютъ на себѣ вниманіе слѣдующія особенности въ древнемъ языкѣ Русскомъ. *Родит. пад.* един. числа, вмѣстѣ съ окончаніемъ *а* и *я* столь же часто имѣетъ и *у*: пълку, търгу, году, мосту. Опредѣлить въ точности случаи, когда именно употреблялось окончаніе *у* и когда *а*, не только трудно, но и не возможно. Оно такъ обыкновенно въ памятникахъ древнихъ, и Русскихъ, и ц. Славянскихъ, такъ часто попадается вмѣстѣ совершенно при одинакихъ условіяхъ съ окончаніемъ *а*, что едва ли не справедливѣе будетъ считать его столь же обыкновеннымъ, какъ и послѣднее. Ограниченіе можно сдѣлать для однихъ словъ одушевленныхъ, которыя никогда не встрѣчаются въ родительномъ на *у*. Что же касается до старинныхъ правилъ, будто окончаніе род. *у* употребляется для выраженія части (песку, сахару), или въ словахъ, которыя сохраняютъ въ родит. удареніе именит. падежа, то неполнота ихъ обнаруживается на каждой страницѣ при чтеніи памятниковъ. Въ приведенныхъ примѣрахъ изъ лѣтописей и госуд. грамотъ не видно никакого дѣленія на части, а въ словѣ *пълкꙋ* удареніе, конечно, принадлежитъ послѣднему слогу, а не первому, какъ въ падежѣ именительн. Это окончаніе родит. падежа весьма обыкновенно и въ Остр. Ев. Въ *дател пад.* нарощенія *ов, ев* очень обыкновенны въ лѣтописяхъ отечественныхъ; по внимательнымъ наблюденіямъ, онѣ употребляются исключительно въ именахъ одушевленныхъ, и притомъ весьма рѣдко неразумныхъ. Большинство примѣровъ дател. съ нарощеніемъ принадлежитъ именамъ собственнымъ, названіямъ лицъ. Рагуилови, Андреева, Филиппови и т. д.; изъ нарицательныхъ: сыно-

ви, цареви, отцеви, и одинъ только примѣръ для животныхъ: коневи. Принимая въ соображеніе распространенность обоихъ окончаній (ови, еви) въ отечеств. лѣтописяхъ и рѣдкость употребленія ихъ въ письменности правительственной, можно безошибочно, кажется, заключать, что эти окончанія издавна потерялись уже въ народѣ Русскомъ и являлись на письмѣ или по вліянію языка Церкви, или какъ отрывочные остатки старины [57]). За такіе остатки должно считать и три примѣра въ древнѣйшихъ спискахъ грамотъ и договоровъ: гостеви (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 2, № 1), Иванкови (ibid. Т. 1, № 1), Георгіеви (Доп. къ Акт. Истор. Т. 1, № 2, стр. 2). Другое окончаніе дат. падежа (у—ю) ни мало не отличается въ употребленіи своемъ отъ современнаго языка Русскаго. Долѣе держалось сходство древняго языка отечественнаго съ церк. Славянскимъ въ винительномъ падежѣ. Какъ въ послѣднемъ, такъ и въ первомъ можно принять за общее правило, что винит. падежъ какъ въ словахъ одушевленныхъ предметовъ, такъ и неодушевленныхъ имѣлъ одну форму, первоначально всегда сходную съ именительнымъ. Что это не есть уже подражательность церковному языку, а самобытное свойство, одинаково принадлежащее въ древности и другимъ нарѣчіямъ Славянскимъ, въ томъ убѣждаютъ памятники письменности государственной, гдѣ также видимъ сходство винит. съ именительнымъ, и тѣмъ чаще и постояннѣе оно, чѣмъ древнѣе списокъ: и въда имъ своякъ свои (Нов. 1, 18), тивунъ свой держати (Соб. Гос. Гр. и Дог. Т. 1, № 1), князь велитъ проводити сии гость (Доп. къ Акт. Ист. Том. 1, № 6). Только впослѣдствіи, мало-помалу стало входить въ употребленіе для винительнаго падежа одушевленныхъ предметовъ окончаніе родительнаго, сдѣлавшись наконецъ общимъ правиломъ для современнаго языка. Начало этого смѣшенія съ родительнымъ произошло не позже и не раньше первыхъ годовъ XIV в. Еще въ 1327 г. въ одной изъ грамотъ читаемъ: слати осетрьникъ и медовара (Собр. Гос.

57) Но что онѣ нѣкогда принадлежали Славянамъ Русскимъ, это видно отчасти изъ сравненія съ др. нарѣчіями Слав., удерживающими ов—ев донынѣ, отчасти изъ род. множ. на *овъ, евъ*, гдѣ, какъ и въ дат. ед., ов—ев произошли изъ разложенія первоначальнаго у=ъ (сынъ скр. sûnu-s).

Гр. и Дог. Т. 1, № 15). Звательный падежъ съ окончаніемъ *е* имѣетъ и другое, также употреблявшееся и въ церк.-Славянскомъ, *у*, впрочемъ, только для одного слова *сынъ*: княже, господине, сыну. Особенность творит. падежа въ древности заключалась въ удержаніи глухихъ звуковъ передъ признакомъ падежа *мь*: архіепископъмь, братъмь, князьмь. Но эта особенность продолжалась весьма недолго, и въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописей и актовъ *ъ — ь* замѣняются часто чистыми гласными *о — е*. Предложный отличался одной смягчаемостью гортанныхъ передъ окончаніемъ *ѣ*, о которой сказано выше. Окончаніе *у* также не рѣдкость въ немъ, какъ и въ наше время: търгу, пълку и др. Въ предлож. падежѣ, впрочемъ, оно было распространено на большую массу словъ, чѣмъ въ родительномъ, потому-что встрѣчаются примѣры на *у* и для словъ одушевленныхъ предметовъ: о сыну своемъ (Новог. 1). Въ двойственномъ для всѣхъ падежей окончанія тѣ же самыя, какія находимъ и въ старо-Славянскомъ. Имен., винит. и зват. *а—я*; родит. и предл. *у—ю*; дател. и твор. *ома—ема* (ьма) попа, князя; насаду, царю; братома, князема (князьма). Для имен. множеств. было два окончанія: *и*, *е*; изъ нихъ послѣднее принимало впереди слоги *ан* (*ян*), *ов* (*ев*), или звукъ *ь*. Окончаніе *и*, смягчавшее предшествующія согласныя, было общимъ въ имен. множеств. въ древнемъ языкѣ Русскомъ, какъ было оно имъ и въ старо-Славянскомъ: хороми, двори, плотници, прузи, копюси; *ане* и *яне* принадлежало единственно словамъ въ имен. единств. на *анинъ*, *янинъ*: Ладожане, Кыяне, Галицяне; *ове* и *еве* представляютъ болѣе разнообразія и менѣе возможности опредѣлить въ точности случаи ихъ употребленія. Вообще можно сказать, что имена народовъ большею частію имѣютъ это окончаніе: Чехове, Татарове, хотя нерѣдко приходится читать: Угре, Татаре, Болгаре и даже Татари, Българи (Новог. 1, стр. 18, 40). *Ове* и *еве* принимаютъ слова и нарицательныя, одушевленныя и неодушевленныя: сынове, попове, дворове, дъждеве. Послѣднее окончаніе, *ье*, встрѣчается какъ собирательное: денье, сторожье. Объ окончаніяхъ *ове—еве* едва ли не должно сказать то же самое, что̀ сказали мы о дател. падежѣ единств. на *ови—еви*. Онѣ также принадлежатъ исклю-

чительно лѣтописямъ, являясь въ письменности свѣтской въ одномъ словѣ: послове, которое удержалось, быть можетъ, въ грамотахъ, какъ выраженіе техническое. Во всякомъ случаѣ, одинъ примѣръ весьма недостаточенъ, чтобъ окончаніе его признать столь же обыкновеннымъ и принятымъ въ народѣ, какъ окончаніе *и*, или *ане*, *ье*. Что эта форма издавна сдѣлалась чуждою языку Русскому, видно отчасти изъ употребленія ея для винительнаго падежа, вовсе несвойственнаго ей въ нарѣчіи старо-Славянскомъ, и не только въ грамотахъ и договорахъ, но и въ лѣтописяхъ; такъ: послове, попове (Нов. 1, стр. 59, 75), пословѣ (Соб. Гос. Гр. и Дог. Т. 1, № 13); въ самомъ именит. падежѣ она скоро измѣнилась, принявъ въ концѣ вмѣсто *е* окончаніе *ы*: пословы (ibid. № 17). Родительный падежъ имѣлъ одинаковую форму съ именительнымъ единств., безъ сомнѣнія, постоянно въ первобытное время, весьма рѣдко уступая мѣсто окончанію *овъ*—*евъ*, *ии* и въ болѣе позднюю эпоху. Въ самыхъ древнихъ спискахъ лѣтописей, равно и актовъ, нѣтъ почти рѣшительно примѣровъ родит. пад. на *овъ*—*евъ*: всѣ слова мужескаго рода, кромѣ *люди*, встрѣчаются съ *ъ*—*ъ*: мужь, мѣсяць, конь, отрокъ, купьць. Но чѣмъ позже списокъ, чѣмъ болѣе приближается къ XV вѣку, тѣмъ рѣже попадаются эти формы, и наконецъ вовсе исчезаютъ подъ конецъ XV столѣтія, будучи замѣнены новѣйшими: круговъ, кораблевъ, коневъ, звѣрии, людии, татеи, людеи. Время этой потери древности совершенно совпадаетъ съ періодомъ забвенія и другихъ особенностей древняго языка; оно также не восходитъ выше первой половины XIV вѣка. Еще въ грамотѣ 1303 года (Доп. къ Акт. Ист. Т. 1, № 6) выдержана короткая форма для родит. множеств. Эта форма, одна для именит. единств. и родит. множест., была обыкновенною въ нарѣчіи старо-Славянскомъ, и едва ли не единственною, потому-что на окончаніе *овъ*—*евъ* въ позднѣйшихъ рукописяхъ нельзя смотрѣть иначе, какъ на внесеніе ихъ въ текстъ переписчиками. Въ Остромировомъ спискѣ Евангелія оно составляетъ поразительную рѣдкость. Вникая въ окончанія родит. падежа, нельзя не замѣтить, что происхожденіе окончанія *ии*, новѣйшаго *ей*, для словъ муж. рода съ мягкимъ окончаніемъ, принадлежитъ довольно-поздней эпохѣ и образовалось

изъ болѣе-древняго *евъ* точно такимъ образомъ, какъ изъ дательнаго *домови* явилось *домовь* и потомъ *домой*, употребляемое въ видѣ и смыслѣ нарѣчія. По мѣрѣ того, какъ форма родит. падежа переставала быть формою именит. единств. и принимала для словъ на *ъ* окончаніе *овъ*, и слова на *ь*, всѣ безъ изъятія, стали оканчиваться на *евъ*, отсюда встрѣчаемъ: мужевъ, коневъ, татевъ, звѣревъ; не ранѣе какъ съ XIV—XV столѣтія обнаружилось уже паденіе и этой вторичной формы, переходившей постепенно сначала въ форму на *ии*, потомъ въ *еи*, переходящей въ нее отчасти и до-сихъ-поръ. Въ концѣ первой Новг. лѣтописи читаемъ мужии, въ Собр. Госуд. Грам. и Догов. (Т. 1, № 7) звѣрии, людии, наконецъ въ XV и слѣд. вѣкахъ: конеи, звѣреи, татеи (ibid. № 18, 1418 года). Только прилагательныя притяжательныя, и отъ нихъ имена фамильныя, хранятъ доселѣ прежнюю форму родительнаго на *евъ*. Общее для всѣхъ словъ и единственное окончаніе въ дательномъ падежѣ множ. числа было *омъ—емъ*, то же самое, что́ и въ старо-Славянскомъ. Начало смѣшенія съ женскимъ склоненіемъ обнаружилось впервые, сколько можно судить по памятникамъ, не ранѣе послѣднихъ годовъ XIII столѣтія. Такъ въ грамотѣ 1265 (Собр. Т. 1, № 1) читаемъ: бѣжичаномъ, обонижаномъ, Новгородцемъ (№ 2); попомъ, мужемъ, подъ годомъ 1294—1303 (Доп. къ Акт. Истор. Т. 1, № 6). Въ первый разъ вмѣсто *омъ* является *амъ* въ грамотѣ подъ 1305 годомъ (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1, № 7): боярамъ, дворянамъ; но еще долгое время и послѣ вполнѣ обыкновенною была древняя форма. Подъ 1307 год. (ibid. № 10) встрѣчаемъ мужемъ; подъ 1353 (ibid. Т. 2, № 10) сотникомъ, десятникомъ, волостелемъ; подъ 1428 (ibid. Т. 1, № 18) дѣтемъ; 1471 (ibid. №№ 20 и 21) мужемъ, Новгородцемъ, бояромъ, гостемъ. Винительный падежъ въ древности не представляетъ ни одного случая сходства съ родительнымъ на *овъ—евъ*, какъ въ языкѣ нашего времени. Единственное окончаніе для него было *ы*, въ словахъ на *ъ*, и *и* въ словахъ на *ь*. Только существительныя на *ць* и *жь*, въ лѣтописяхъ, принимаютъ въ винит. множ. нерѣдко *ѣ* (=*е*), *я* и позднѣйшее *а*: печенѣгы, грѣхы, замкы, холопы, кыяны, дворяны, мужи, князи, звѣри. Потеря этого окончанія обнаружилась до-

вольно-поздно, гораздо позднѣе, чѣмъ разсмотрѣнныя другія особенности древняго языка. Еще въ XV вѣкѣ, даже въ концѣ его, оно было въ употребленіи народа, и притомъ въ сознательномъ употребленіи, хотя къ этому времени уже и показалась явственно двойственность формы, перенесенной отъ родительнаго падежа (на *овъ—евъ*). Такъ, въ грамотѣ подъ 1426 г. читаемъ: закладщиковъ, подъ 1471 г. тіуны, бояры, но вмѣстѣ и недруговъ (Собр. Госуд. Гр. Т. 1. № 20). Въ спискахъ лѣтописей XIV — XV столѣтія попадаются также окончанія *овъ—евъ*: Новгородцевъ, Фряговъ, хотя и должно сказать, что древняя форма была несравненно въ бо́льшемъ ходу, оставшись надолго и послѣ XV вѣка въ языкѣ старинномъ. Одно окончаніе съ винительнымъ принадлежало и творительному множественнаго. Онъ также удерживалъ *ы* для существ. на *ъ* и *и* для словъ на *ь*: ляхы, воины, городы, Суздальци, мужи, князи. Изъ всѣхъ чертъ древняго языка отечественнаго, погибшихъ въ наше время, творит. падежъ долѣе всѣхъ удерживалъ древнее окончаніе, общее съ старо-Славянскимъ нарѣчіемъ. Оно осталось и въ старинной словесности народа Русскаго, слышится и теперь въ его пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ. Не только въ XIV, но и въ XV в. окончаніе *ы* было почти единственнымъ въ отечественной письменности, и лѣтописной и гражданской; новѣйшее окончаніе *ми* стало прокрадываться не ранѣе конца XIV или начала XV столѣтія, и то примѣры, какъ въ грамотѣ 1431 года (Собр. Госуд. Гр. Т. 1, № 19)— пригородами, слишкомъ рѣдки въ это время. Предложный тоже очень долгое время является съ формою, равно принадлежавшею и церковно-Славянскому нарѣчію, на *ѣхъ*. Начало потери ея въ языкѣ Русскомъ никакъ нельзя положить ранѣе второй половины XV столѣтія. Въ концѣ XIV она еще единственно въ употребленіи: въ селѣхъ, въ грѣсѣхъ, домѣхъ (Собр. Госуд. Гр. Т. 1, № 16; Т. 2, №№ 11, 12), городѣхъ (Доп. къ Акт. Истор. Т. 1, № 7, 1387); въ самомъ XV вѣкѣ, даже въ концѣ его, окончаніе *ѣхъ* (=ехъ) употребляется какъ вполнѣ принятое: дѣлехъ (1471 г. Собр. Т. 1, № 20). Что оно не заимствовано изъ подражательности языку церковному, это отчасти видно изъ правописанія нашихъ грамотъ, удерживающихъ *е* пе-

редъ *хъ*, а не *ѣ*, какъ необходимо было въ старо-Славянскомъ нарѣчіи, строго отличавшемъ обѣ гласныя. Въ словахъ на *ь* предложный оканчивался на *ихъ*: кораблихъ, конихъ, нѣмцихъ.

Существительныя средняго рода, какъ ни мало не отличающіяся въ склоненіи отъ именъ муж. рода, не требуютъ особеннаго разсмотрѣнія. То же самое, что́ сказано о послѣднихъ, должно отнести и къ первымъ, конечно, кромѣ винит. и зват. падежей обоихъ чиселъ, всегда сходныхъ съ именительнымъ. Одни слова на *мя* составляютъ нѣкоторую особенность, удерживая въ родит. единств. окончаніе *мене*, подобно нарѣчію старо-Славянскому: имене, врѣмене. Отлично склоненіе для словъ женскаго рода.

Кромѣ тѣхъ окончаній, которыя и доселѣ живутъ въ языкѣ отечественномъ для женскаго рода въ именит. падежѣ: *а*, *я*, *ь*, кромѣ словъ нарощаемыхъ, о которыхъ говорили мы выше, въ древнемъ языкѣ Русскомъ употреблялось и окончаніе *ыни*, столь извѣстное въ нарѣчіи старо-Славянскомъ, и измѣненное у насъ въ *ыня* или *иня*: рабыни, господыни, другыни. Въ отечественныхъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ неоднократно княгыни, милостыни (Нов. 1. стр. 60). Въ измѣненіи по падежамъ словъ женскаго рода въ древнемъ языкѣ мы замѣчаемъ особенности сравнительно съ современнымъ только для окончанія *я*, преимущественно съ предъидущею согласною мягкою (*ц*, *ж*, *ч*), для словъ нарощаемыхъ, и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для *ь*. Что касается до перваго рода словъ, то отступленія въ нихъ и особенности относятся къ родит. пад. единственнаго, къ именит. и винит. множественнаго. Во всѣхъ трехъ падежахъ мы не видимъ однообразія, какое замѣчаемъ напр. въ старо-Славянскомъ нарѣчіи, или въ новѣйшемъ Русскомъ языкѣ. Такъ родит. един. софія, земля, Богородиця и вмѣстѣ софіѣ, землѣ, пятницѣ, тысячѣ, а впослѣдствіи, когда потерялось свойство буквъ *ж*, *ч*, *ц* быть всегда мягкими, и Богородица, тысяча. Это разнообразіе едва ли можетъ быть объяснено иначе, какъ неопредѣленностью древняго носоваго звука (ѧ), заключавшаго въ себѣ, вѣроятно, что-то среднее между *ян* и *ен*. Такой характеръ ѧ-са оправдывается вполнѣ и переходомъ его въ различныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ то въ *я* (= а), то въ *е*, въ Русскомъ врѣмя, имя, чясть,

въ Сербскомъ и Хорватскомъ име, месо, кнез; нерѣдко въ одномъ и томъ же нарѣчіи древнее ѧ является въ одномъ словѣ въ видѣ *е*, въ другомъ въ видѣ *а*; такъ въ Чешскомъ maso, dewaty и dewet, deset. Подобная неопредѣленность отразилась всего очевиднѣе на формахъ древняго Русскаго съ того времени, когда носовой звукъ былъ уже въ немъ потерянъ. Можно сказать вообще, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ долженъ быть въ склоненіи старо-Славянскаго нарѣчія ѧ-съ, въ памятникахъ древней письменности Русской непремѣнно встрѣтимъ или *а* (= *я*), или *е*, мѣняемое иногда на *ъ*: въ именит. множ. пятница, душа, въ винит. свинья, божница, ладье. То же самое должно сказать и относительно словъ мужескаго рода съ мягкимъ окончаніемъ; такъ, въ родит. мѣсяця и мѣсяцѣ, въ именит., винит. множ. коня, конѣ, вое, пѣшця, пѣшцѣ. Перемѣна *ъ* и *я*, или древняго ѧ-са, на *и* въ современномъ языкѣ отечественномъ (илья — ильи, конь — множ. им. кони, вин. мѣсяцы, равно души, род. души, имен., вин. множ. души) принадлежитъ довольно-поздней эпохи, никакъ не ранѣе той, которую должно считать переходною отъ древнихъ формъ къ новымъ. Первый разъ вмѣсто *я* (= *ъ*) встрѣчается *и* въ началѣ XIV столѣтія, въ словѣ свиньи (вин. множ. Собр. Госуд. Зак. Т. 1. № 8. 1305—1308 г.). Слова парощаемыя сохраняли склоненіе старо-Славянское: мати, цьркы, род. матере, цьркве, вин. матерь, цьркъвь, род. множ. цьрквии. Существительныя женскаго рода на *ь* долгое время удерживали въ род. множ. *ии* вмѣсто позднѣйшаго *еи*, появленіе котораго обнаружилось въ то же время, въ которое произошло измѣненіе *и* въ *е* и въ словахъ муж. рода, не ранѣе XIV—XV столѣтія. Посредственное смягченіе гортанныхъ въ свистящія и шипящія одинаково съ склоненіемъ мужескимъ.

2) Въ именахъ прилагательныхъ древній языкъ Русскій строго отличалъ въ склоненіи прилагательныя неопредѣленныя и опредѣленныя (двучленныя и одночленныя). Первыя являлись съ признакомъ *ъ-а-о*, или *ь-я-е*; послѣдній *ый-ая-ое*, *ий-яя-ее*. Происхожденіе обоихъ родовъ прилагательныхъ принадлежитъ доисторической эпохѣ, потому-что въ самыхъ древнѣйшихъ памятникахъ отечественной письменности оба они пред-

ставляются одинаково-употребительными какъ въ твореніяхъ съ характеромъ религіознымъ, иногда переводныхъ, такъ и въ произведеніяхъ мірскихъ и чисто-народныхъ. Начиная съ договоровъ Олега и Игоря, и переходя постепенно къ актамъ правительственнымъ отъ одного вѣка къ другому до позднѣйшаго времени, мы не замѣтимъ различія въ употребленіи той и другой формы, еще менѣе можемъ подмѣтить, будто форма опредѣленная (двучленная) являлась когда-либо какъ чѣмъ-то чуждымъ, не-Русскимъ, заимствованнымъ не изъ роднаго источника Славянскаго. Между тѣмъ различіе непремѣнно должно было бы отразиться въ письменности, если бы на самомъ дѣлѣ прилагательныя двучленныя перенесены были къ намъ изъ подражательности языку Греческому, какъ утверждаетъ Протоіерей Павскій. Трудно, да и невозможно предположить, чтобы богатый, самобытный языкъ могъ взять изъ другаго цѣлую форму, распространить ее на всю массу словъ и укоренить на новой почвѣ до такой степени, что она разомъ сдѣлалась достояніемъ и языка письменнаго, и разговорнаго. Если, наконецъ, и допустить подобное заимствованіе, то во всякомъ случаѣ необходимо предположить, что первоначально оно господствовало только тамъ, гдѣ обнаружилась потребность въ такомъ заимствованіи, слѣдовательно въ переводѣ книгъ церковныхъ съ Греческаго языка, и только мало-по-малу, съ теченіемъ нѣсколькихъ вѣковъ, могло наконецъ проникнуть въ разговоръ народа. Но всѣ памятники возстаютъ противъ такой постепенности введенія новой формы, указывая рѣшительно на общій ея источникъ — Славянскій. Прот. Павскій утверждаетъ, что «встарину говорили во всякомъ случаѣ добръ-а-о, и никогда не говорили добрый-ая-ое», [58]) основываясь единственно на томъ, что въ Евангеліи Остромировомъ и другихъ богослужебныхъ книгахъ, переведенныхъ съ Греческаго, прилагательныя вида опредѣленнаго попадаются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ Греческомъ стоитъ членъ, слѣдовательно прилагательныя на *ый-ая-ое* произошли изъ подражательности Греческимъ членамъ. Не говоря уже о томъ, что далеко не вездѣ въ Славянскомъ

58) Разсуж. 2. Отд. 2 Филол. Наблюд. стр. 11.

текстѣ употреблена опредѣленная форма, гдѣ въ Греческомъ членъ, и, наоборотъ, также далеко не всегда Греческое безчленное прилагательное переведено неопредѣленнымъ Славянскимъ[59]), не повторяя и того, что двучленныя прилагательныя не составляютъ собственности одного Русскаго языка, а равно принадлежали и принадлежатъ и другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ[60]), я приведу, съ своей стороны, только слѣдующія два обстоятельства. Между различными видами прилагательныхъ именъ есть и такія, которыя только и могутъ имѣть одну форму, и именно опредѣленную; только въ такой, а не въ иной формѣ встрѣчаются они и въ древнихъ памятникахъ, напримѣръ, вчерашній, сегодняшній и т. п. Отсюда ясно, что, слѣдуя взгляду Прот. Павскаго, надобно считать эти и подобныя имъ прилагательныя не только уже по одной формѣ составленными по образцу Греческому, но прямо переведенными изъ него, съ чѣмъ едва ли согласится и самъ почтенный авторъ «Наблюденій». Если же эти прилагательныя по происхожденію своему чисто-Русскія и по формѣ никогда не бываютъ одночленными, какъ говоритъ самъ Прот. Павскій[61]), то понятно, что и форма не имѣла нужды заходить къ намъ изъ Греціи, а явилась тамъ же, гдѣ явилось и самое слово. Существенное различіе въ склоненіи прилагательныхъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ состоитъ въ томъ, что послѣднія удерживаютъ во всѣхъ своихъ измѣненіяхъ форму существительныхъ именъ, тогда-какъ первыя къ этой формѣ принимаютъ еще падежныя формы отъ мѣстоименія третьяго лица *и*, почему, справедливо, эти прилагательныя и названы г. Миклошичемъ сложными прилагательными. Но въ однихъ ли именахъ прилагательныхъ встрѣчаются въ языкѣ Славянскомъ эти сложныя формы? Въ отвѣтъ приводимъ мѣстоименія: *съ*, *вьсь*, *самъ*, *тъ*, которыя въ косвенныхъ падежахъ, хоть, правда, и не во всѣхъ, очевидно носятъ на себѣ слѣды подобнаго же сложе-

59) См. объ этомъ Современ. 1851 г. Августъ. Отдѣлъ Критики. Рецензія на 2 отд. 2 Разсужд. Ст. Лебедева.

60) Мысли объ Ист. Рус. языка, стр. 69—70; принадлежали и принадлежатъ Литовскому языку, и притомъ также съ приставнымъ мѣстоименіемъ *jis*. См. Bopp. Vergleichende Gram. 3 Abth., стр. 553. Schleicher-Lautlehre d. Kir. Slaw. Spr., стр. 274—275.

61) Отдѣл. II. Разсужд. II, стр. 24.

нія съ *и*, и которыя никогда не имѣли и не имѣютъ другаго склоненія, подобно прилагательнымъ неопредѣленнымъ: сего, того, вьсего, тому, сему, вьсему, сихъ, вьсихъ, самихъ, симъ, вьсимъ, самимъ и т. д. Думать, что и эти мѣстоименія образовали формы свои въ склоненіи на манеръ Греческой въ эпоху св. Кирилла и Меѳодія, никто не рѣшится; самобытность образованія ихъ изъ источника Славянскаго невозможно отвергать уже и потому, что всѣ они составляютъ неотъемлемое достояніе всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, и въ такой, а не въ другой формѣ. Если же приведенныя мѣстоименія родились и развили свои формы на почвѣ Славянской, если эти формы представляютъ очевидное сложеніе съ мѣстоименіемъ третьяго лица *и*, и наконецъ, если эти мѣстоименія только съ этимъ сложеніемъ и могутъ измѣняться въ склоненіи, то, значитъ, подобное свойство въ характерѣ языка Славянскаго, значитъ характеръ этотъ явился въ то время, когда впервые появились мѣстоименія: *тъ*, *сь*, *вьсь*, и, конечно, такъ же легко и естественно могъ обнаружиться въ именахъ прилагательныхъ, какъ развился онъ въ мѣстоименіяхъ. Кромѣ того, считать приставку мѣстоименія *и* къ прилагательнымъ неопредѣленнымъ (добръ—бръи = брыи) подражательностью языку Греческому неосновательно и потому, что это мѣстоименіе (*и*), равно и мѣстоименіе *ъ*, являются въ одинаковой степени при образованіи не только формъ прилагательныхъ, но и существительныхъ; первое въ склоненіи словъ съ мягкимъ окончаніемъ, второе съ твердымъ: *землею*, *водою*, человѣ*комъ*, цар*емъ* и т. д.[62]). Столь обширное значеніе въ образованіи формъ склоненія обоихъ членовъ-мѣстоименій можетъ и должно служить самою твердою порукою въ ихъ Славянскомъ происхожденіи, далекомъ отъ всякой подражательности языку чуждому.

Въ образованіи прилагательныхъ неопредѣленныхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которыя происходятъ отъ существительныхъ личныхъ, собственныхъ и нарицательныхъ. Образованіе ихъ слишкомъ-просто, состоитъ единственно въ перемѣнѣ твердаго окончанія существительныхъ на мягкое, причемъ предшествующія согласныя также смягчаются, посред-

62) О преподаваніи отечеств. языка. Буслаевъ, ч. 2. 1844, стр. 38.

ственно или непосредственно, смотря по свойству самой согласной. Послѣ звуковъ губныхъ вставляется *л*: Святославъ — вль, епископъ — пль; Адамъ — мль; звуки *д* и *з* переходятъ въ *ж*: Всеволодъ — ложь, князь — жь; *ц* и *к* въ *ч*: отьць — тьчь, Ярополкъ—пълчь; *с* въ *ш*: Борисъ—Боришь (день Нов. I, стр. 48). Другія согласныя смягчаются непосредственно: Митрофанъ — фань. Въ современномъ языкѣ отечественномъ эта форма болѣе не существуетъ: вмѣсто нея употребляется притяжительная на *овъ—евъ* и *скій*, въ образованіи которыхъ, особенно послѣднихъ, очень ясно видно только прибавленіе новаго окончанія къ древней формѣ прилигательныхъ неопредѣленныхъ; наприм., Святославль—левъ, Всеволожь—жьскый, отьчь—чьскій.

Въ склоненіи прилагательныя неопредѣленныя не представляютъ никакого различія отъ именъ существительныхъ; каково оно было въ нарѣчіи старо-Славянскомъ, тѣмъ же оставалось долгое время и въ языкѣ древнемъ Русскомъ. Потеря ихъ происходила слишкомъ медленно; они довольно долго продолжали жить въ языкѣ народа послѣ паденія другихъ формъ, остались въ употребленіи и до настоящаго времени, хотя уже и съ потерею нѣкоторыхъ падежей. Что уцѣлѣло отъ нихъ въ словесности народной, скажемъ на своемъ мѣстѣ. Слѣдуя системѣ именъ существительныхъ, прилагательныя неопредѣленныя наравнѣ съ ними подвержены были смягченію посредственному звуковъ гортанныхъ, употребленію двойственнаго числа, переходу древняго ѧ-са то въ *я*, то въ *е* (= иногда ѣ). Только въ зват. един. и творит. множеств. представляютъ они нѣкоторую особенность. Звательный падежъ имѣетъ особенную форму лишь тогда, когда прилагательное употребляется безъ существительнаго, наприм., оканьне (Нов. I, 36 — 37); въ противномъ случаѣ удерживаетъ форму именительнаго падежа: добръ княже. То же самое и въ творительномъ множественнаго. Это свойство до-сихъ-поръ хранится въ нарѣчіи Чешскомъ съ тою, однакожь, отмѣною, что въ немъ окончаніе прилагательнаго зависитъ отъ мѣста, занимаего имъ относительно существительнаго и отъ формы послѣдняго: если прилагательное стоитъ впереди и существит. кончится на *ы*, первое имѣетъ форму прилагат. опредѣленаго *ми*: welikymi wozy; наоборотъ, когда существительное муж. рода являет-

ся съ формою женскою (на *mi*), то прилагательное удерживаетъ окончаніе существительнаго муж. рода: wozami weliky. Эта, своего рода, дисгармонія въ нарѣчіи Чешскомъ довольно-рѣзко, однако, напоминаетъ о древнемъ употребленіи прилагательныхъ неопредѣленныхъ, употребленіи обще-Славянскомъ.

Слѣдя, однако, за употребленіемъ прилагательныхъ неопредѣленныхъ въ памятникахъ различныхъ вѣковъ, нельзя не замѣтить, что и въ самыхъ древнихъ изъ нихъ не постоянно и не всѣ формы употреблялись въ древнемъ языкѣ Русскомъ. Правильнѣе и чаще всего встрѣчается единственное число для всѣхъ трехъ родовъ, во множественномъ же почти только именит. и винит., тогда-какъ остальныя представляются издавна уже потерянными, и особенно въ словахъ женскаго рода. Встрѣтить въ болѣе народныхъ произведеніяхъ дател., творит. или предлож. женск. множ. прилагат. неопредѣленныхъ, чрезвычайная рѣдкость; весьма-рѣдко попадаются онѣ и въ лѣтописяхъ, хотя составители ихъ и писцы были и знакомы съ употребленіемъ ихъ въ книгахъ церковныхъ. Видно, что начало утраты неопредѣленной формы восходитъ къ глубокой древности; она обнаруживалась все болѣе и болѣе въ послѣдующіе вѣка, и къ тому времени, когда только началось паденіе другихъ формъ древнихъ, прилагательныя неопредѣленныя оставались съ особенными формами отъ опредѣленныхъ только въ извѣстныхъ падежахъ, далеко не обнимая всего склоненія. Зато оставшееся послѣ него жило долго послѣ того, какъ окончательно погибли черты древняго языка, начавшія періодъ своихъ превращеній болѣе въ позднюю эпоху. Въ прилагательныхъ опредѣленныхъ древній языкъ долгое время не допускалъ смѣшенія въ падежахъ, которое развилось въ современномъ языкѣ Русскомъ. Подобно нарѣчію старо-Славянскому, и въ немъ поддерживалась сложность формы изъ прилагат. неопредѣленныхъ и мѣстоименія третьяго лица *и*. Такъ въ жен. родѣ, болѣе всего подвергшемся измѣненію и смѣшенію въ наше время, въ древности ясно отличались падежи род. отъ дат. и пред. единст., вин. отъ род. множ. Первый являлся съ окончаніемъ *ыя*, второй и третій съ окончаніемъ *ыи*; винит. множ. имѣлъ одну форму съ именительнымъ: *ыя*. Какъ въ существ. именахъ, и здѣсь необходимо было смяг-

ченіе согласныхъ, переходъ нѣкоторыхъ буквъ изъ однѣхъ въ другія, причемъ *ск*, одинаково съ нарѣчіемъ старо-Славянскимъ, въ дат. и пред. единств. и въ именит. множеств. муж. рода измѣнялось въ *ст*: печерстѣмъ, суждальстѣмъ, новогородстіи, заморстіи. Не распространено удвоеніе гласныхъ, столь употребительное въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-Славянской письменности; но нѣсколько примѣровъ, какъ остатковъ этого удвоенія, даютъ право заключать, что и оно не было чуждо древнѣйшаго языка Русскаго, и тѣмъ скорѣе, что эти примѣры принадлежатъ свѣтской письменности: Новогородьскыи, Новогородьскыихъ, Нѣмецскыихъ, Новогородьскыимъ, въ третиюю (Собр. Госуд. Грам., т. I, №№ 2, 7, 17 и другія). Подобнаго рода удвоенія слышны и до-сихъ-поръ еще въ областныхъ говорахъ губерній Астраханской и Саратовской, а въ пѣснях и по всей Великой Россіи. Довольно-рано, однако, обнаружилось и въ прилагат. опредѣленныхъ смѣшеніе формъ. Еще въ XIII столѣтіи род. пад. жен. рода вмѣсто *ыя* сталъ оканчиваться сначала на *ое* (=оѣ), а потомъ и *ои* святыя=святое=святоѣ (Новог. I, 34), ратнои вѣсти (Собр. Гос. Грам., т. I, № 7). Въ то же время и дательный съ предложнымъ вмѣсто окончанія *ьи* приняли *ои*, смѣшавъ такимъ образомъ три падежа въ одинъ. Прежде всего выказалось это смѣшеніе для словъ съ окончаніемъ *скыи*: Русьскои, Варяжьскои, Чюдьскои. Не позже указаннаго времени измѣнилось и *ѣ* въ *о* въ предлож. падежѣ муж. рода; такъ вмѣсто коньнѣмъ, оканьнѣмъ въ половинѣ XIV столѣтія читаемъ уже: коньномъ, оканьномъ (предл.). Звукъ *у* въ двойственномъ числѣ, въ род. и пред. падежахъ, тоже перешелъ въ *о*; въ Синодальномъ спискѣ первой Новгор. лѣтописи: святаго, повоявленнаго (мученику), зломысльною (князю) и т. под. Именит. падежъ множеств. числа до XV столѣтія удерживалъ окончаніе *ие*: велиціи, друзіи, благочьстивіи; если и попадаются случаи на *ыи*, то это послѣ звуковъ гортанныхъ, потерявшихъ переходную смягчаемость, но нѣкоторое время сохранившихъ и послѣ этой потери приналлежавшую имъ искони твердость; отчего нѣсколько разъ въ грамотахъ XIV вѣка и встрѣчается форма на *кыи* для именительнаго множественнаго: Новогородьскыи (Соб. Госуд. Грам. и Дог., т. I, № 7, № 17).

Подобно именамъ прилагательнымъ склоняются и сравнительныя степени ихъ и причастія. И тѣ и другія имѣютъ также двоякую форму, неопредѣленную и опредѣленную, образуемую приставкою мѣстоименія *и* во всѣхъ его падежахъ. Различіе отъ прилагательныхъ состоитъ только въ нарощеніи изъ буквъ *ш* и *щ*, принимаемомъ для женскаго и средняго родовъ во всѣхъ падежахъ, а муж. кромѣ именительнаго единственнаго числа: старѣи,—ж. старѣйши,—ср. старѣйше; веда-дущи-дуще; въ образованіи опредѣленной формы для муж. рода, въ которомъ тогда также необходимо нарощеніе и въ имен., старѣй-рѣйшій, ведадущій и въ имен. множ., въ которомъ для муж. и жен. родовъ неопред. существуетъ одно окончаніе: *ше, ще*. Во всѣхъ остальныхъ падежахъ сравнительныя и причастія измѣняются согласно съ прилаг. опредѣл. и неопред. Мнѣніе Пр. Павскаго, будто сравнительныя степени и причастія остаются или безчленными, или двучленными, не бывая никогда одночленными, потому-что невозможны для выговора *читающь, старшь, большь*[63]), опровергается обиліемъ примѣровъ подобныхъ формъ и въ старо-Славянскомъ, и древне-Русскомъ языкахъ: усрѣтоша пълкъ стоящь (Новог, I, 59); змьи летящь (ibid. 32 — 33), узрѣ Ярославль пълкъ побѣгъшь (ibid. 35); однажды попадается эта форма и для именит. муж., хотя и составляетъ этимъ замѣчательную особенность, сравнительно съ обыкновеннымъ употребленіемъ именит. падежа причастія въ нарѣчіи старо-Славянскомъ. Въ первой Нов. лѣтописи читаемъ: Иванъка послѣ имше, уби Водовикъ ввьргошь въ Волхово (стр. 46 *). Да и вообще вин. падежъ муж. рода числа единств. никогда въ древности и не имѣлъ другаго окончанія, кромѣ *шь* въ сравнит. степени и въ прич. прошед. времени, и *щь* настоящ. Между-тѣмъ на этой мнимой невозможности формъ на *щь* и *шь* Прот. Павскій хочетъ основать свое положеніе о позднѣйшемъ происхожденіи одночленныхъ формъ сравн. степени и причастій для именит. муж. рода: святѣи, веды и т. под., считая ихъ уже сокращенными изъ *ъйши*[64]). Что подобныя фор-

63) Фил. Набл. 2 Разсуж. 2 отд., стр. 132—133.

*) Въ изданіи читаемъ *ѣѣьргоша*, но и смыслъ, и близость формы винит. вообще къ именит., особенно въ словахъ муж. рода, позволяетъ считать *ѣѣьргошь* ни чѣмъ другимъ, какъ имен. причаст. прошед. муж.

64) ibid., § 117, стр. 133—34.

мы не невозможны, доказываетъ обще-употребительная форма винит. падежа единств. муж. и въ старо-Славянскомъ, и въ древне-Русскомъ; а что формы: святѣи веды и др. не позднѣйшаго происхожденія, въ этомъ убѣждаетъ исторія употребленія ихъ: въ самыхъ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-Славянскихъ, равно и отечественныхъ, встрѣчаемъ постоянно для неопред. вида именит. муж. рода только одну эту форму, и никогда *святъйшь, ведущь*; напротивъ, чѣмъ позже памятникъ, тѣмъ болѣе попадается случаевъ, когда и въ неопред. формѣ сравнит. и причастій для именит. муж. рода является нарощеніе, а это произошло отъ потери причастій и образованія изъ нихъ дѣепричастій, и отъ перехода сравнит. степени неопред. вида въ нарѣчіе. Такъ въ Остром. Евангел. окончаніе *ьи* всегда относится къ муж. роду, а *ье* къ среднему; тоже и въ древнѣйшихъ спискахъ Русской письменности, тогда-какъ въ памятникахъ, оставшихся отъ времени, когда терялась и наконецъ потерялась правильность древнихъ формъ, находимъ *ье* и для муж. рода, другими словами: *ье* образовало уже изъ себя нарѣчіе сравнит. степени; наприм., въ концѣ Синодальнаго списка первой Новг. лѣтописи (XIV в.) читаемъ: сильнѣе огнь (стр. 66). Сюда принадлежатъ и совершенно неправильныя выраженія: человѣкъ не худши есть бѣса; кольми убо лучши есть человѣкъ; кого лучши еси ты, которыми думаетъ почтенный авторъ «Наблюденій» доказать, что въ старинномъ языкѣ есть нѣсколько примѣровъ, гдѣ поддержпвается еще *ш* въ именит. муж.[65]); такія формы могли родиться только въ испорченномъ языкѣ и были совершенно чужды въ древнѣйшее время[66]). Принимая, напротивъ, въ соображеніе древнѣйшіе памятники, правильность ихъ языка, постоянство въ употребленіи его формъ, гораздо скорѣе и естественнѣе должно признать, что формы имен. пад. сравн. степени и причастій на *ьи* (= *ши*), *ы* ископныя, что онѣ стали принадлежать языку Славянскому съ-тѣхъ-поръ, какъ появились въ немъ причастія и степени сравнительныя, слѣдовательно въ эпоху доисторическую. Звуки *ш* и *щ*, показывающіеся въ косвенныхъ падежахъ и въ именит. женскаго и сред. родовъ, суть на-

65) ibid., § 115, стр. 132.
66) См. Остр. Ев., Граммат. Правила §§ 32, 33.

рощенія, недающія никакого права предполагать ихъ когда-то и въ мужскомъ родѣ; въ противномъ случаѣ и формы: *црькы*, *любы*, *свекры* и т. д. придется относить къ позднѣйшей эпохѣ развитія, потому-что въ косвенныхъ падежахъ и этихъ словъ является также нарощеніе; но внимательное разсмотрѣніе памятниковъ прямо возстаетъ противъ такого заключенія, на что̀ указалъ и самъ Прот. Павскій. Прот. Павскій считаетъ первоначальною формою сравнительной степени *ьйш*, между прочимъ, и потому, что въ санскрит. языкѣ она оканчивается на *ijas*[67]), гдѣ конечное *s*, по мнѣнію автора, соотвѣтствуетъ Славянскому *ш;* но *s* есть окончаніе и не принадлежитъ къ образовательнымъ частямъ сравнительной степени; первая же часть санскр. сравнит. *ija* очевиднымъ образомъ указываетъ на древне-Славянское *ьи*, въ которомъ *ь* замѣнило санскритское *i* такъ точно, какъ замѣняетъ оно его и во множествѣ другихъ случаевъ, даже въ самыхъ корняхъ словъ[68]). Наша сравнительная степень на *ьи* оправдывается и Греческимъ языкомъ, въ которомъ *ων*, будучи близкимъ къ Санскритскому, также рѣшительно не имѣетъ въ себѣ звука *с*.

Были ли дѣепричастія въ древнемъ языкѣ Русскомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ существуютъ они въ наше время? Другими словами: образовалась ли эта неизмѣняемость причастій, являющихся въ современномъ языкѣ по виду и по значенію нарѣчіями, въ первыхъ памятникахъ письменности отечественной? Всматриваясь въ частое употребленіе причастій въ лѣтописяхъ и актахъ, мы замѣчаемъ только однѣ измѣняемыя формы, которыя лишь современемъ, и то довольно-позднимъ, начинаютъ обнаруживать мало-по-малу застой, который становится тѣмъ рѣзче, чѣмъ позднѣе разсматриваемый памятникъ. То, что̀ мы называемъ въ нынѣшнемъ языкѣ дѣепричастіями: дѣлая, играючи, упавъ, упавши и т. д., было не инымъ чѣмъ, какъ причастіемъ неопредѣленной формы, измѣнявшимся по всѣмъ числамъ, родамъ и падежамъ. Неопредѣленный видъ причастій падалъ въ языкѣ все болѣе и болѣе, наконецъ исчезъ и вовсе,

67) Филолог. наблюд., 2 отд., 2 Разсужд. § 114, стр. 130.

68) См. объ этомъ превосходныя замѣчанія г. Буслаева въ Отеч. Зап. 1850 г. № 2, Отд. V.—Schleicher. Lautlehre. d. Kirch. Slaw. Spr. 182—184.

оставивъ отъ себя только двѣ формы, изъ которыхъ одна принадлежала нѣкогда одному мужескому роду (дѣлая), другая одному женскому (дѣлаючи). Языкъ позднѣйшій уничтожилъ въ нихъ различіе и употребляетъ обѣ формы наравнѣ и для мужескихъ словъ, и для женскихъ. Мы говоримъ: *онъ* выѣхалъ изъ деревни, не спускаючи глазъ съ родной избы, также можемъ сказать, примѣняя это выраженіе и къ женскому роду. Совершенно одинаковаго свойства и дѣепричастія на: *я*, *ъ*, *ши* (=вши). Въ языкѣ древнемъ возможно было приведенное выше выраженіе лишь въ томъ случаѣ, когда подлежащее женскаго рода, и въ такомъ случаѣ окончаніе *чи*, сообразно съ фонетикой нарѣчія Русскаго, измѣнять *щ* въ *ч*, употреблено вмѣсто ц. Слав. *щи*, что̀ и есть женскій родъ причастія неопредѣленнаго (не спускаючи = ст. Слав. не съпоускающи). Вотъ нѣсколько примѣровъ употребленія въ древнихъ Рус. памятникахъ причастій въ неопредѣленной формѣ, замѣненной въ современномъ языкѣ дѣепричастіемъ: везетъ оковы, хотя ковати *вящшее* мужи; преставися рабъ божій митрофанъ, постригъся у святѣй Богородици (Новог. 1. 43. 29); а что княже, отъимъ у Кирила, далъ еси...; кто будетъ позоровалъ къ тебѣ, а живи въ новѣгородѣ (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 1. №№. 3. 5). Гораздо очевиднѣе представляется причастная форма въ старину, вмѣсто нащихъ дѣепричастій, изъ женскаго рода един. числа, всегда съ окончаніями: *чи*, *щи*, *ши*, и множественнаго именительнаго, съ окончаніями *че*, *ше* для муж. и женск. родовъ: преставися княгыни Ярославляя, постригъшися...; больши и немочь прія; вода бы больши третьяго лѣта; поимашя Новгородци кунъ много, и дворовъ не грабяче; Новогородьци много у имашя и молячеся; пришьдъше дашя посадьницьство; они изсѣкше полонъ всѣ побѣгошя на лѣсъ; сами побѣгошя, помѣтавше оружіе и щиты (Нов. 1. стр. 6. 10. 38. 41. 42. 45. 49. 54); попове Бога молять, стояще и насъ благословляюще (Собр. Госуд. Гр. и Дог. Т. 2. № 2). Вообще, наше дѣепричастіе было въ древнемъ языкѣ причастіемъ неопредѣленнымъ: окончанія *я*, *ъ* для муж. рода, *ши*. *чи* для женскаго и *ше*, *ще* для средняго; послѣднее принадлежало и именит. множеств. для первыхъ двухъ родовъ. Стоитъ только присмотрѣться къ древнимъ памятникамъ, чтобы

убѣдиться, до какой степени правильно выдерживаются въ нихъ эти причастія и какъ несомнѣнно отсутствіе дѣепричастій. Совсѣмъ другое представляется въ памятникахъ послѣдующихъ вѣковъ: въ нихъ болѣе и болѣе обнаруживается кристаллизація древнихъ причастій неопредѣленныхъ, пока, наконецъ, въ произведеніяхъ XV столѣтія не погибла уже вовсе измѣняемость ихъ по падежамъ и не исчезло старое рѣзкое отличіе по родамъ: мужескій и женскій роды перестали въ нихъ отдѣляться, одинъ окончаніемъ *я* (=*а*), *ъ*, другой окончаніемъ *чи*, *ши*; погибло и правильное употребленіе множественнаго числа, принявшаго форму единственнаго, и прежній признакъ его *че*, *ше* сталъ употребляться для муж. и женск. родовъ единств., наравнѣ съ *я*, *ъ* и *чи*, *ши*. Еще въ первой Новгор. лѣтописи, въ концѣ Синод. списка, встрѣчаются погрѣшности: вы розратилися съ Нѣмци, *хотя* (вмѣсто хотяче=тяще) ихъ липити волости (Новг. 1. 61.); количество ихъ увеличилось въ слѣдующихъ спискахъ, Академіи и Толстовскомъ, и наконецъ рѣшительно погибла правильность употребленія причастій неопред. вида въ остальныхъ лѣтописяхъ сѣверныхъ. Иначе, въ промежутокъ времени, отъ конца XIV до конца XV столѣтія мѣсто древнихъ причастій заняли образовавшіяся изъ нихъ дѣепричастія: пріиде Архіепископъ въ Новгородъ, приимъши (=приимъ) санъ святительства (ibid. 76), и присла въ Новгородъ, хотяще поклониться Св. Софіи (ibid. 77); иніи бѣжачи, въ рѣцѣ истопоша (ibid. 89); Татарове давъ плѣши побѣгоша (ibid. 91); софійская сторона хощетъ на насъ вооружившеся (=вооруживъшися) ити (Новг. 2. 137); Государь ѣдучи (ib. 149); сослаша его Новогородци, бьючи (=бьюче) со владычня двора (Новг. 3. 219), пріѣхавъ Свіяне поставиша городъ (ib. 221); князя В. посолъ со Псковичи спросивши (Псков. 1. 220).

Что касается до склоненія сравнит. степени и причастій, то, какъ замѣтили мы и выше, оно не представляетъ отличія отъ прилагательныхъ, кромѣ указанныхъ особенностей въ именит. падежѣ единственнаго и множеств. чиселъ неопредѣленной формы.

Примѣчаніе. Нѣкоторыя прилагательныя, при образованіи сравнит. степени, вмѣсто окончанія *ъй* принимаютъ *ій*: болій,

мній и друг. Подобное окончаніе не составляетъ какой-либо особенности въ Слав. языкѣ, отступающей отъ общаго правила и подчиняющейся совершенно инымъ условіямъ образованія. Все дѣло состоитъ въ буквахъ *ъ* и *и*, которыя, какъ сродныя между собою всюду, являются сродными и въ образованіи степени сравнительной. Что дѣйствительно въ приведенныхъ словахъ *и* равносильно *ъ*, это видно изъ женскаго рода, одинаковаго съ другими словами, принимающими въ мужескомъ *ъи*: больши, меньши, и изъ средняго: болѣе, менѣе. При этомъ нельзя не сказать нѣсколько словъ и о названіи Прот. Павскимъ сравнительныхъ степеней на *ъй* и *ій* безчленными [69]). По нашему разумѣнію, въ окончаніи *и* послѣ *ъ*, ровно въ *е* средняго рода (болѣе) нельзя не видѣть мѣстоименія, слѣд. члена, того же самаго, который участвуетъ въ образованіи прилагательныхъ опредѣленныхъ, двучленныхъ. Формы: *боле*, *мне* подтверждаютъ это ясно. Онѣ очевидно указываютъ на первоначальную форму: *боль*, *мьнь*, откуда, съ присоединеніемъ члена *и*, произошли прилагат. сравнит. больи = боліи, мьньи = мьніи. Во всякомъ случаѣ, *боле*, *мьне* не встрѣчаются какъ сред. родъ отъ муж. боліи, мьніи, а какъ нарѣчія, бывшія когда-то сред. родомъ, но потерявшія весьма рано первоначальную свою форму въ муж. родѣ, оставшіяся так. обр. неизмѣненными, подобно тому, какъ стала впослѣдствіи нарѣчіемъ и сравнит. степень на *ьи*, удержавшая одно окончаніе сред. рода — *ье*. Такъ уже въ Синод. спискѣ первой Новг. лѣтописи читаемъ: убиша много добрыхъ мужь, а суждальць боле (Нов. 1. 6); или: Новогородець же ту паде 20 мужь съ Ладожаны или мне, Богъ вѣсть (ibid. 53).

3) а) Въ мѣстоименіяхъ древній языкъ Русскій также не былъ столь далекъ отъ старо-Славянскаго, какъ современный. Кромѣ употребленія двойственнаго числа (*наю*, *ею*, *своею*, *тою*, *нима*, *нашима* и т. д.), кромѣ сохраненія формъ *тъ* и *сь*, измѣненныхъ у насъ въ *тотъ* и *сей*: судитъ имоу Бгъ въ днь пришьствиа своего и *тъ* стыи Георги (Грам. В. К. Мстислава. Дополн. къ Акт. Истр. Т. I. № 2), и въ *сь* вѣкъ и въ будущій (ibid.); *се* блюдо (ibid. № 5); *ся* грамота, *сю* свободу, *се* орудіе

69) Фил. Набл. 2 Разсужд. 2. отд. стр. 129.

(Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. II. № 1), онъ хранилъ долго и много общаго и въ падежныхъ окончаніяхъ: род. един. мѣстоим. личныхъ, подобно старо-Слав., былъ мене, тобе, себе, дат. мнѣ, тобѣ, себѣ и ми, ти, си: рубежь *ми* дати по старому рубежю (ibid. T. I. № 16); въ Русу *чи* ездити осень (ibid. № 1), винит. *и*, весьма обыкновенный въ лѣтописяхъ, рѣшительно не встрѣчается въ актахъ и грамотахъ, за то женск. родъ *ю*, хотя и не часто, попадается и въ послѣднихъ: украсилъ *ю* иконами многоцѣннами (Допол. къ Акт. Ист. Т. I. № 3. стр. 3); вин. сред. *е* вмѣсто позднѣйшаго *его*: далъ есмь блюдо серебрьно и велѣлъ есмь бити въ *нѣ* на обѣдѣ (ibid. № 2); вин. множеств. также *вы*, *ны*, *е* (=*я*); пустиша *я*, удариша на *ны* (Новг. 1. 20), посла на *ны* (Пск. 1. 92), дълъжни есте молити за *ны* Бога (Доп. къ Акт. Ист. Т. I. № 2). Что касается до мѣстоименій прилагательныхъ, въ опрѣд. и неопред. ихъ формѣ, то они еще болѣе и долѣе удерживали одинаковое склоненіе съ нарѣчіемъ старо-Славянскимъ. Различіе состоитъ только въ тѣхъ падежахъ, которые оканчиваются въ старо-Славян. на ѧ, переходившее, какъ замѣтили мы выше, въ древнемъ Русскомъ языкѣ то въ *е*, то въ *я*. Это видно въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ, то же повторилось и въ мѣстоименіяхъ. Такъ, род. ед. жен. то*я*—то*е*, наше*я* и всеѣ, вин. множ. сво*я*, сво*е* и своѣ. Переходъ ѧ-са въ *и* обнаружился довольно-поздно, не ранѣе XIV вѣка, и прежде въ существительныхъ; впослѣдствіи онъ показался и въ мѣстоименіяхъ; такъ во второй Новг. лѣтописи *еи* вмѣсто *ея* (род. стр. 142). Употребленіе формъ винит. пад. множ. числа *ны*, *вы* для дательнаго, нерѣдкое въ нарѣчіи старо-Славянскомъ [70]), весьма обыкновенно и въ языкѣ Русскихъ лѣтописей, и тѣмъ обыкновеннѣе, чѣмъ древнѣе списокъ. Между сѣвер. лѣтописями эта форма попадается только въ первой Новгородской, не находясь ни въ Псковскихъ, ни въ остальныхъ трехъ Новгородскихъ: луче *ны* есть умрѣти (Новг. 1. 22); и даси *вы* сынъ своій костянтинъ (ibid. 29); кто *вы* добръ того любите (ibid. 30); повѣжь *ны* (ibid. 31); нѣту *ны* съ тобою обиды (ibid. 34); въда *ны* братъ (ibid. 38. срв. 46. 47. 48),

70) Miklosich. Formenlehre d. Alt. Slowen. Sprache. стр. 21.

Объясненіе этой формы Прот. Павскимъ едва ли удовлетворительно. По его мнѣнію,[71]) въ этомъ случаѣ (*ны, вы* вмѣсто *намъ, вамъ*), *м* скрылось въ носовую гласную *ы*, подобно тому, какъ въ винит. пад. въ *ны, вы* скрывается *и*, какъ вмѣсто рабами, дѣлами, говорили рабы, дѣлы, такъ вмѣсто *вамъ, вы*, Не забудемъ, что формы *вы, ны* дательнаго падежа встрѣчаются только въ древнѣйшихъ рукописяхъ, какъ церковно-Славянскихъ, такъ и Русскихъ, что въ спискахъ XV столѣтія ихъ вовсе уже нѣтъ; слѣдовательно они принадлежатъ къ весьма рѣдкимъ и глубокимъ архаизмамъ. Въ отдаленной же древности слова муж. и сред. родовъ въ творит. множеств. не оканчивались на *ми*, а окончаніе *ы* для словъ женскаго рода появилось только въ упадокъ древнихъ формъ, въ періодъ ихъ безсознательнаго употребленія (XIII—XIV вв.); въ древности же для нихъ было единственное окончаніе *ами*. Какъ не ранѣе XIII—XIV столѣтія стало показываться въ твор. множ. женскаго рода *ы*, вмѣсто прежняго *ами*, такъ не раньше этого же времени и слова мужескаго и средняго родовъ въ окончаніи творит. падежа смѣшались съ родомъ женскимъ, подобно дательному множественнаго, принявшему женск. *амъ*, вмѣсто средняго *омъ*. Слѣдовательно, сравнивать формы древнѣйшія съ позднѣйшими, испорченными, и выводить изъ этого сравненія заключеніе о первыхъ едва ли будетъ справедливо. Во всякомъ случаѣ, объясненіе Прот. Павскаго не прибавляетъ ничего къ правилу Добровскаго: винительные *ны, вы* могутъ употребляться вмѣсто дательныхъ[72]).

б) Въ именахъ числительныхъ въ древнемъ языкѣ встрѣчаемъ гораздо болѣе разнообразія и богатства какъ въ образованіи, такъ и въ употребленіи формъ склоненія, чѣмъ въ нашемъ современномъ. Въ образованіи останавливаетъ на себѣ вниманіе сложеніе числительныхъ. Для выраженія числа, бо́льшаго *10* и меньшаго *20*, составлялись числительныя. какъ и теперь, посредствомъ предлога *на* и измѣнялись по числамъ, родамъ и падежамъ въ обѣихъ частяхъ сложенія: полъ-друг*ынадцаты* недѣли (Новг. 1. 104); на четверто*мнадцатомъ* часи (Новг. 2. 170): полъ-шесты*надцаты* тысячи (Новг. 4. 122). Въ этихъ и подоб-

71) Фил. Набл. отд. 2. Разсужд. 2. стр. 261. § 202. Примѣчаніе.
72) Institutiones Linguae Slavicae veteris dialecti. II. § 15.

ныхъ примѣрахъ предлогъ *на* имѣетъ значеніе +, а слово *дцать* образовалось изъ десять (=десятъ) посредствомъ выпуска гласной *е* между *д* и *с*. Форма *дцать* въ старину принадлежала и *50*, что видно изъ слѣдующаго примѣра: по пяти*дцать* десяткъвъ (Собр. Госуд. Гр. и Дог. Т. 2. № 6); наше *сорокъ*, образовавшееся, по весьма вѣроятному мнѣнію Прот. Павскаго [73]), изъ Греческ. τεσσαράκοντα—σαράκοντα, едва ли было во всеобщемъ употребленіи въ древности; по-крайней-мѣрѣ есть примѣры, что и *40* слагалось точно такъ же, какъ и другія числа десятковъ, напр. полъчетверта*дцать* рублевъ (Псков. 1. 236). Числа 20, 30 и т. д. слагались и съ количественными и порядочными; причемъ иногда измѣнялись по падежамъ обѣ части, иногда только одна первая, а въ родѣ зависѣли только отъ существительнаго: съ шестьюдесятью мужъ (Пск. 1. 182), безъ полутртиядчати (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. I. № 12); на полътретьядцать лѣтъ (Пск. 1. 214); въ пятидесятъ человѣкъ (Новг. 1. 76); въ полушестидьсятъ, полъпятидьсятъ, четыридесятъ (ibid. 13. 46). Изъ этихъ примѣровъ видно, что вторая ихъ половина *десять*, переходящая нерѣдко въ форму *дцать*, то склоняется какъ существ. женск. рода единств., вмѣстѣ съ количественнымъ числительнымъ меньшаго порядка, какъ шестью десятью, то является въ формѣ родит. множественнаго: въ пяти*десятъ* человѣкъ, и это гораздо обыкновеннѣе, когда первая часть состоитъ изъ числительныхъ количественныхъ первыхъ девяти чиселъ. Причина очень понятна; она состоитъ въ обыкновеніи въ древнее время употреблять эти числительныя какъ существительныя женскаго рода въ единств. числѣ: на *ту пять* лѣтъ (Пск. 1. 220), *тая пять* лѣтъ (ibid. 221), *тая десять* лѣтъ (ibid. 240); онѣ оставались существительными и тогда, когда слагались съ сотнями, тысячами: друг*ую* 5000 рублевъ (Новг. 3. 238, Новг. 4. 121); наравнѣ съ 5, 6, 7, 8, 9 и 3 употреблялось какъ существительное, по-крайней-мѣрѣ даетъ право заключать такъ слѣдующій примѣръ: Новогородьци въ един*ую* 3 дни изрядився поидошя во Тферь (Новг. 1. 90). Какъ послѣ существительныхъ, послѣ нихъ и могъ удержи-

73) Фил. Набл. 2 Разсужд. 2 отд. § 154. стр. 190—191.

ваться родит. множественнаго *десять*, потерянный вовсе въ нашемъ языкѣ, потому-что потеряно и старое значеніе числительныхъ количественныхъ до девяти (пятьдесятъ — пятидесяти — пятьюдесятью и т. д.). Опредѣлить, когда допускался первый родъ сложенія и употребленія этихъ числительныхъ, когда второй—невозможно; трудно рѣшить и то, въ какомъ случаѣ употреблялось *десять* въ единств. числѣ жен. рода, или въ родит. множеств. при сложеніи съ *полъ*. Здѣсь можно высказать одно общее правило, что первая часть при этомъ постоянно является порядочнымъ числительнымъ: безъ полу*третьядцати*, на полъ*третьядцать*, въ полу*шестидьсятъ*, полъ*пятидьсятъ*. Эти правила относятся вообще ко всѣмъ числительнымъ и первыхъ десяти числъ, и при сложеніи съ *сто*, и далѣе: полъ *четверта* года (Новг. 2. 134), полъ*четверты* тысячи (ibid. 129), полъ*десяты* тысячи (ibid. 141), полъ*семы* гривенки (ibid. 148), полъ 19 гривенки (полъ девятынадцаты) (ibid. 143), полъ*третьяста* пудовъ (Новг. 3. 243), полъ*четверта* ста рублевъ (Новг. 4. 100). Древній языкъ составлялъ особенность въ сложеніи числительныхъ отъ современнаго языка и въ тѣхъ случаяхъ, когда употреблялись тысячи съ сотнями, сотни съ десятками, десятки съ единицами, причемъ необходимъ былъ союзъ *и*, обыкновенно опускаемый въ наше время: жилъ 20 недѣль *и* 4 недѣли (Новг. 2. 157), и есть въ высоту саженей 500 *и* 400 *и* 30 *и* 3 (Соф. 1. 82), сгорѣ дворовъ 4000 *и* 300 (Новг. 1. 31), бысть въ ней числомъ 3000 *и* 30 (ibid. 46), ишлъ былъ отъ Рождества Господня до сего лѣта ҂а̄ лѣта *и* с̄ лѣта *и* н̄ лѣта *и* к̄ (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 2. № 1. № 3). Въ этомъ отношеніи онъ сближался съ Греч. и Латин. языками, въ которыхъ также необходимы καὶ и *et*, если меньшее число стоитъ впереди большаго. Какъ объ особенности счисленія въ древности, должно упомянуть и о предлогахъ *послѣ* и *безъ*. Изъ нихъ первый ставился обыкновенно впереди числительныхъ и означалъ ближайшее слѣдующее число за поименованнымъ; послѣдній, напротивъ, назади, вмѣстѣ съ числомъ, которое должно отнять отъ главнаго: а се евангелие положили всимъ приходомъ илинскимъ святому пророку ильие на престолъ лѣта *послѣ* семъ тысящи второгонадесять, слѣд. въ

7013 году [74]); по божьемъ нароженыю вышло лѣтъ тисяча и четыриста *безъ* одного лѣта (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 2. № 14); сѣдѣвшу ему годъ до года *безъ* недѣлѣ (Новг. 1. 13). Такимъ образомъ предлогъ *безъ* совершенно равносиленъ знаку — (minus). Современное обыкновеніе нашего простаго народа вести счетъ *девяностами* имѣетъ начало свое въ глубокой древности. Какъ теперь, такъ и въ древнѣйшихъ памятникахъ *девяносто* измѣнялось и по числамъ, и по падежамъ, чего давно уже нѣтъ въ языкѣ литературномъ: въ единомъ девяно*сть* (Новг. 4. 40), единомъ девяно*столъ* 7 сотъ побѣди (Пск. 1. 181), три девяно*сты* (Пск. 2. 6), съ тремя девяно*сты* (Новг. 4. 40; Пск. 1. 180). Но самою любимою особенностью древняго языка, сравнительно съ современнымъ, было сложеніе съ числительнымъ слова *полъ* (половина). Оно прилагалось безъ исключенія ко всѣмъ родамъ числительныхъ и всегда означало *половину*; въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ предлогомъ *безъ*, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что при послѣднемъ количество — (minus) непостоянно и должно быть опредѣлено особеннымъ словомъ, тогда-какъ *полъ* выражаетъ одну величину, половину, при единицахъ $^1/_2$ единицы, при десяткахъ $^1/_2$ десятка, при сотняхъ $^1/_2$ сотни и т. д.: полъпята ста рублевъ = $4^1/_2$ ста руб. (Псков. 1. 205), на полътретьядцать лѣтъ = $20 + ^1/_2$ десятка лѣтъ (ibid. 214); полътретьялѣта = 2 лѣтамъ $+ ^1/_2$ лѣта (= $2^1/_2$ годамъ Новг. 3. 243); полътретьяста пудовъ = 2 стамъ $+ ^1/_2$ ста пудовъ (ibid. 248); полъпята года = $4^1/_2$ годамъ (ibid. 263); полъдесяты недѣли (= $9^1/_2$ нед. ibid. 264), далъ полъшестынадцаты тысячи рублевъ = $15^1/_2$ тысяч. (Новг. 4. 128), взялъ полъ десяты тысячи (Новг. 2. 141); полъ семы гривенки (= $6^1/_2$ грив. ibid. 143) и т. д. Въ настоящее время остались въ общемъ ходу только два числительныхъ, которыя продолжаютъ еще складываться съ *полъ* въ старомъ его значеніи, это — *вторый* и *третій:* полтора, полтретья; слѣдующія за ними лишь изрѣдка слышатся въ устахъ простаго народа.

Примѣчаніе. Какъ особенность областная, принадлежащая скорѣе опредѣленной странѣ Руси, чѣмъ всему языку Русскому,

---

74) Описаніе рукоп. Рум. Муз. № CVIII. стр. 173.

и притомъ чисто-народная, заслуживаетъ вниманіе слово *шесть*, произносимое въ косвенныхъ падежахъ безъ *с*: по шти (Новг. 2. 165), въ полуштидесятъ шпекъ (Новг. 4. 11).

Что касается до склоненія числительныхъ именъ, то и въ немъ древній Русскій языкъ представляетъ нѣсколько уклоненій, характеризующихъ большую его правильность, сравнительно съ языкомъ позднѣйшимъ, смѣшавшимъ нѣкоторыя формы, прежде обыкновенно отдѣлявшіяся. Двойственное число принадлежало, какъ и надобно ожидать, только числительнымъ: *два* и *оба* (два попа, двѣ недѣли, въ дву насаду, съ двѣма сыны (Пск. 1. 208), двѣма путма (ibid. 223), (обѣ половинѣ, съ обу сторону, обѣма князема). Остальныя ближайшія числительныя, до десяти включительно, склонялись во множественномъ числѣ всѣми семи соборы (Новг. 2. 164), въ пятихъ насадѣхъ (Пск. 2. 30); творит. множ. удержалъ также свойственное ему окончаніе, не смѣшиваясь съ двойственнымъ: четырьми путьми (Новг. 4. 3), съ треми коньци (ibid. 91), треми дорогами (Пск. 2. 41). Тоже самое видимъ и въ памятникахъ старо-Славянской письменности: по днехъ осмихъ (Еванг. Іоан. 20. 21), отъ пятихъ хлѣбъ (ibid. 6. 13), десятимъ дѣвамъ (Ев. Мато. 25. 1). Подобное свойство числительныхъ сохранилось доселѣ въ нарѣчіи Хорутанскомъ (pet, petich, petimi) [75]). Родит. множ. отъ *три*, *четыре* имѣлъ особенное окончаніе отъ предложнаго, какъ и всѣ имена существительныя: безъ *треи* мѣсяць (Новг. 4. 37); безъ *треи* (ibid. 6, Пск. 2. 30); отъ четырей въ кійждо коеяждо седмица день (Дополн. къ Акт. Истор. Т. I. стр. 223); четырь лакоть (Лавр. лѣт. 82). О числительныхъ количественныхъ *двой*, *трой* см. Разсужд. Прот. Павскаго [76]). Перехожу къ глаголамъ.

4) Между всѣми частями рѣчи, глаголъ болѣе всѣхъ обнаружилъ потерь въ современномъ языкѣ. Богатый и разнообразный формами въ древности, въ настоящее время онъ рѣзко отдѣляетъ одну только форму въ изъявит. наклоненіи, если примемъ въ соображеніе то, что наше прошедшее время на *л* есть

75) Grammatik d. Slaw. Spr. in Krain, Karnten und Steiermark. Копитаръ. 1808. стр. 275—276.

76) Фил. Набл. 2 отд. 2 Разсужд. стр. 242—243.

причастіе, служившее нѣкогда для образованія личной формы, всегда сложной съ глаголомъ вспомогательнымъ, утраченнымъ въ позднѣйшую пору. Подробное разсмотрѣніе его формъ въ древней письменности отечественной можетъ служить самымъ рѣшительнымъ оружіемъ противъ тѣхъ, которые отвергаютъ возможность рѣдкихъ переворотовъ и утратъ въ языкѣ. Здѣсь не можетъ быть мѣста подражательности церковному языку, на который обыкновенно ссылаются при невѣріи въ существованіе общихъ съ нимъ формъ въ древности и для языка Русскаго. Не однѣ лѣтописи, болѣе или менѣе принимавшія въ себя черты устанавливавшагося языка книжнаго — церковнаго, но и акты правительственные, всѣ безъизъятія въ древнѣйшихъ спискахъ, со всѣми не омнѣнными признаками говора народнаго, указываютъ ясно на эту общность, на обиліе формъ глагольныхъ, на ихъ разнообразное употребленіе, о чемъ нѣтъ болѣе и сознанія въ нашемъ народѣ. Будучи увѣренъ, что факты языка могутъ убѣдить скорѣе и сильнѣе всѣхъ голыхъ и бездоказательныхъ мыслей, я обращаюсь снова къ нимъ, слѣдя за каждою особенностью въ старомъ языкѣ и подмѣчая постепенное паденіе формъ древнихъ и замѣненіе ихъ новыми. Между чертами древняго языка Русскаго, равно принадлежавшими и нарѣчію старо-Славянскому, находимъ слѣдующія: a) строгое отдѣленіе двухъ видовъ неопредѣленнаго наклоненія; b) господство двухъ формъ прошедшаго простаго и сложнаго; c) отдѣленіе простаго прошедшаго — несовершеннаго отъ совершеннаго; d) образованіе сложнаго будущаго; e) употребленіе спрягаемаго сослагательнаго наклоненія; f) двойственное число для всѣхъ временъ съ отличеніемъ родовъ.

a) Неопредѣленное наклоненіе представляетъ двѣ формы: одну на *ти*, общую для всѣхъ случаевъ словоуправленія, другую на *ть* (*чь* = церковно-Славян. *щь*), употреблявшуюся, какъ и въ старо-Славянскомъ, только для выраженія направленія, движенія съ одного мѣста на другое. Первая поддерживалась въ языкѣ Русскомъ очень долго и послѣ превращенія въ формахъ, оставаясь въ старинныхъ произведеніяхъ словесности народной, слышимая и донынѣ въ пѣсняхъ и пословицахъ народа. Однако признаки измѣненія ея начались довольно-рано,

можно сказать, въ одно и то же время съ остальными чертами языка древняго. Первые слѣды замѣны *ти* посредствомъ *ть* попадаются въ самомъ концѣ XIII столѣтія: дани давать (одинъ примѣръ 1270 г. Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 2. № 2). Но въ этотъ и въ продолженіе слѣдующаго вѣка они чрезвычайная рѣдкость, вовсе незамѣтная среди огромнѣйшаго большинства совершенно правильной формы *ти*; не прежде, какъ съ конца XIV столѣтія, окончаніе *ть* начало появляться чаще (ibid. Т. I. №№ 18, 19 и слѣд.), не изгоняя, однако, вовсе и древняго *ти*, уцѣлѣвшаго до самаго конца XV столѣтія въ письменности гражданской, оставшагося надолго и въ послѣдующихъ вѣкахъ. Другой видъ неопредѣленнаго наклоненія, на *ть*, достигательный по Востокову, супинумъ по Добровскому, погибъ гораздо раньше. Къ тому времени, когда стала только показываться форма *ть*, достигательный видъ отживалъ уже послѣдніе свои годы. Изъ всей Русской письменности, разумѣя при этомъ письменность оригинальную, правительственную и лѣтописную, онъ сохранился въ трехъ произведеніяхъ: въ первой Новгородской лѣтописи Синодальнаго списка, и то не всего; довольно-часто въ лѣтописи Лаврентьевской и въ пяти грамотахъ, въ двухъ, однако, выраженіяхъ: ѣздити на озвадо звѣри гонить (Собр. Госуд. Грам. и Догов. Т. I. №№ 1. 2. 3. 7. 8), и пріѣхаша послы сажать Ярослава (ibid. № 3). Послѣдній разъ попадается эта древняя форма въ грамотахъ подъ 1305 годомъ, слѣдовательно, въ самомъ началѣ XIV вѣка. Что, дѣйствительно, до этого времени былъ въ сознаніи народномъ достигательный видъ, кромѣ упомянутыхъ примѣровъ, видно и изъ Синодальнаго списка первой Новгородской лѣтописи, писаннаго никакъ не позже первой половины XIV столѣтія. Въ немъ до такой степени выдержана правильно и постоянно эта форма, что нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы, вмѣсто достигательнаго вида, встрѣтилось неопредѣленное на *ти*; только однажды (Новг. 1. 55), въ самомъ концѣ списка, читаемъ: идоша воевать, вмѣсто воевать; но это произошло отъ замѣны ъ звукомъ ь, а не отъ измѣненія достигательнаго въ неопредѣленное, которое ни разу не встрѣчается въ этомъ спискѣ съ окончаніемъ *ть*. Со второй половины XIV вѣка нѣтъ болѣе

и намека въ памятникахъ гражданскихъ, и даже въ лѣтописяхъ на достигательный видъ. Такимъ образомъ и подражательность языку церковному, въ которомъ продолжала еще жить эта форма, не позволяла лѣтописцу вносить въ свой текстъ того, что безвозвратно погибло въ его родномъ языкѣ *).

b) Прошедшее время отдѣляло рѣзко два вида: прошедшее простое и сложное. Первое постоянно являлось съ окончаніемъ *хъ* и съ особенными признаками для каждаго изъ трехъ лицъ и чиселъ; второе составлялось изъ причастія на *лъ* и вспомогательнаго глагола *быти*, то въ настоящемъ, то въ прошедшемъ его временахъ. Употребленіе простаго прошедшаго въ древнемъ языкѣ Русскомъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Оно извѣстно было въ древности всѣмъ народамъ Славянскимъ; осталось у нѣкоторыхъ и до настоящаго времени, какъ у Сербовъ, Болгаръ, Хорутанъ, Лужичанъ, въ одномъ вспомогательномъ глаголѣ у Чеховъ и Поляковъ; оно встрѣчается и въ письменности отечественной, и тѣмъ чаще, чѣмъ отдаленнѣе отъ насъ происхожденіе списка. Уже одна постепенность, съ которою терялось это время въ памятникахъ различныхъ вѣковъ, можетъ служить убѣдительнымъ свидѣтельствомъ возможности совершеннаго, наконецъ, забвенія его въ говорѣ нашего народа. Эта постепенность важна для насъ еще болѣе, когда мы замѣчаемъ ее и въ прочихъ соплеменныхъ нарѣчіяхъ, также терявшихъ и теряющихъ болѣе и болѣе сначала правильность этой формы, а потомъ и самую форму. Такъ, наприм., въ Хорутанскомъ нарѣчіи простыя прошедшія существуютъ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, будучи забыты въ другихъ; въ Чешскомъ и Польскомъ отъ нихъ остался незначительный отрывокъ, безъ всякаго различія притомъ двухъ видовъ прошедшаго простаго. Не менѣе очевидное доказательство присутствія этой формы въ Русскомъ языкѣ въ древности состоитъ и въ неправильномъ употребленіи ея въ болѣе-позднихъ произведеніяхъ словесности

*) Въ изданіи Археографическои Коммиссіи всюду достигательный видъ въ Синодальномъ спискѣ замѣненъ окончаніемъ *тъ*, причина таковои замѣны непонятна, тѣмъ болѣе, что это одна изъ древнѣишихъ формъ общаго языка Славянскаго, которую полезнѣе было бы выставить на видъ. При всемъ томъ нельзя не поблагодарить почтеннаго редактора: онъ почти при каждомъ случаѣ, по-крайней-мѣрѣ въ выноскахъ, отмѣчалъ настоящую форму на *тъ*.

отечественной, XV—XVI вѣковъ. Такая неправильность въ позднѣйшую эпоху и совершенная правильность въ древнѣйшихъ памятникахъ достаточно объясняютъ и причины той и другой: когда форма сознается народомъ, живетъ въ его устахъ, трудно допустить ошибку и на письмѣ; эта ошибка становится неизбѣжною для писателя, когда форма дѣлается ему извѣстною только на ветхомъ пергаминѣ, будучи чуждою его живаго, роднаго говора. Вотъ отчего въ XV вѣкѣ казалось возможнымъ подобное выраженіе: *ѣздиша* и *взяша* миръ Климентеи (Новог. I, стр. 101), гдѣ третье лице множ. числа сказуемаго соединено съ подлежащимъ въ единственномъ. О подобныхъ погрѣшностяхъ нѣтъ и помину въ XII—XIII столѣтіяхъ. Около этого времени прошедшія простыя употребляются правильно и въ правительственной письменности, въ актахъ и грамотахъ, и это обстоятельство, несмотря на рѣдкость употребленія ихъ сравнительно съ прошедшими сложными, служитъ твердою порукою, что если любовь къ нимъ и начала охладѣвать въ XII вѣкѣ, а можетъ быть и раньше, то сознаніе ихъ, равно и ихъ правильныхъ формъ было еще живо въ народѣ. Привожу всѣ мѣста изъ актовъ и грамотъ, въ которыхъ встрѣчаются прошедшія простыя, слѣдуя при этомъ хронологическому порядку: аж бѣхмь что такъ учинили (Собр. Гос. Грам. и Дог., т. 2, № 1, 1129); приѣха Иванъ бѣлыи; дахомъ имъ три пути горьнии (Допол. къ Акт. Истор., т. I, № 6, 1294 — 1303); послаше Новъгородъ Юрья и Якима; повелѣше весь Новъгородъ; повелѣша печати приложити (Собр. Гос. Гр. и Дог., т. 1. № 13, 1317 г.); доконьча князь великыи (ibid. № 17, 1375 г.); монастырь свои апостолы же создахъ и своею силою (ib. т. 2, № 5, 1286 г); утвердихомъ со алою тамгою ярлыкъ (ibid. № 12, 1379 г.), приехаша къ в. князю посадники (ibid. т. I, № 20); повелѣхомъ судъ дати (ibid., № 20, 1471). Въ языкѣ лѣтописномъ прошедшія простыя встрѣчаются несравненно-чаще, что̀ надобно приписать его особенному слогу, обращавшемуся болѣе и болѣе въ книжный, удалявшійся мало-по-малу отъ языка народнаго. Прошедшія сложныя весьма рано ограничились въ сложеніи своемъ однимъ настоящимъ временемъ глагола существительнаго, *есмь* во всѣхъ его числахъ и лицахъ, потерявъ богатое разнообразіе ста-

ро-Славянскаго нарѣчія, въ которомъ участвовали при этомъ случаѣ и всѣ простыя прошедшія: бѣхъ, бяхъ, бѣахъ. Правда, въ лѣтописяхъ не рѣдкость и эти формы: бяхуть ся устерегли, ставилъ бяше, бѣ не пошьлъ, бяху изгнали и т. под. (Новгор. I, 25, 28, 57); но совершенное отсутствіе ихъ въ актахъ государственныхъ заставляетъ думать, что онѣ давно уже вышли изъ употребленія народнаго, оставивъ по себѣ мѣсто одной формѣ на *лъ* съ *есмь*. Эта послѣдняя, общеупотребительная въ письменности гражданской въ первыхъ ея произведеніяхъ, довольно рано также начала измѣняться, теряя постепенно вспомогательный глаголъ и оставаясь при одномъ причастіи. Впрочемъ, періодъ паденія этой формы былъ слишкомъ медленъ; ея древній видъ сохранялся долго; онъ совершенно обыкновененъ и въ памятникахъ XV, XVI, даже XVII столѣтія. Начало же возможности довольствоваться и однимъ причастіемъ для выраженія личнаго прошедшаго времени обнаружилось уже въ XII столѣтіи. Такъ въ грамотѣ В. К. Мстислава вмѣстѣ съ полною формою: повелѣлъ ксмь, далъ ксмь, велѣлъ ксмь, дължни кете, читаемъ: далъ рукою своею и осеньнее полюдье даровьное (Дополн. къ Акт. Истор. Т. I. № 2); подъ конецъ этого вѣка, въ грамотѣ преподобнаго Варлаама Хутынскому монастырю, при всей ея краткости, четыре раза употреблено прошедшее на *лъ* безъ вспомогательнаго глагола (ibid. № 5); въ XIII—XIV столѣтіяхъ это еще обыкновеннѣе, хотя довольно въ большомъ ходу и форма сложная: далъ есмя, далъ есмь, доконьчалъ есмь, молвили есмя, посылалъ, лгалъ еси, пожаловали есте (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 2. №№ 2. 4. 8. 9. 11. 12. 15); есме дали, далъ, подаялъ еси, дали есме, доконьчалъ есмь, отступился есмь, есмы положили (ibid. Т. I. №№ 1. 3. 10. 16). Съ половины XIII вѣка употребленіе одного причастія выказалось и въ лѣтописяхъ. Мысль о сложномъ прошедшемъ не исчезала нѣкоторое время и послѣ потери правильнаго его употребленія съ настоящимъ существительнаго глагола; она выразилась въ соединеніи двухъ причастій глагола главнаго и вспомогательнаго: былъ отъялъ (Собр. Госуд. Грам. и Догов. Т. I. № 1), реклъ былъ, были пошли, было вышибло, было погорѣло (Новг. 1. стр. 49. 74, 78. 80). Современемъ, когда бо́ль-

шая часть древнихъ формъ погибла, а подражательность чрезъ то языку церковному усилилась, явилось и тройное сложеніе изъ причастія вспомогательнаго и настоящаго его времени, какъ, напр., шелъ еси былъ (Новг. 3. 14); были есте нялися (Новг. 1. 105); дали есме были (Собр. Госуд. Грам. и Догов. Т. 1. № 10).

c) Отличая простое прошедшее отъ сложнаго, древній языкъ Русскій довольно-долго отличалъ и два вида простыхъ прошедшихъ, неопредѣленное и совершенное, съ тѣми же особенностями, какія принадлежали и нарѣчію старо-Славянскому. Прошедшее неопредѣленное (imperfectum Лат. и Греческ.) составлялось изъ корня глагольнаго и приставки окончанія *ахъ* (чита-ахъ, писа-ахъ, люби-ахъ); совершенное изъ того же корня и окончанія *хъ* (читахъ, писахъ, любихъ). Различіе ихъ обнаруживалось и въ другихъ формахъ: первое во 2-мъ и 3-мъ единств. и 3-мъ лицѣ множеств. числа удерживало окончаніе *аше, аху;* послѣднее окончательную букву глагольнаго корня (для 2-го и 3-го единств.) и *шя* (для 3-го множ.): люби-ахъ — ахъ, аше, аху; любихъ — би, би, любишя. Но не въ такомъ полномъ видѣ дошло до насъ различіе этихъ временъ въ памятникахъ письменности; самые древніе изъ нихъ отдѣляютъ неопредѣленное отъ совершеннаго только двумя послѣдними признаками, тогда-какъ перваго не видно ни въ лѣтописяхъ, ни въ актахъ: первое лице для обоихъ временъ издавна смѣшалось въ одну форму и, вееконечно, задолго до появленія первыхъ по древности списковъ, потому-что и въ нихъ нѣтъ никакого намека на бывшее когда-то различіе. Да и въ слѣдующихъ лицахъ не вполнѣ удержалась форма старо-Славянская: удвоеніе гласной (люби-ахъ, би-ахъ, игра-ахъ) пропало всюду въ языкѣ Русскомъ. Правда, оно попадается иногда въ лѣтописяхъ, какъ: смѣаху (Нов. 1, 93), хождааше (ibid. 100); но эти примѣры принадлежатъ списку академическому, самому испорченному, по языку, подражательностью языку церковному, какъ увидимъ ниже, а слѣдовательно и недающему права филологу дѣлать заключеніе по нему о формахъ народныхъ. Такимъ образомъ, судить о господствѣ различія прошедшихъ и въ первомъ лицѣ въ первобытномъ языкѣ Славянъ

Русскихъ, мы можемъ лишь по аналогіи съ нарѣчіемъ старо-Славянскимъ и по двумъ, хотя и не вполнѣ, уцѣлѣвшимъ признакамъ различія въ самомъ языкѣ Русскомъ. Эти послѣдніе признаки, 2-е и 3-е единств. и 3-е лице множеств., существовали до-тѣхъ-поръ, пока не погибло вовсе употребленіе и самыхъ формъ простыхъ прошедшихъ, слѣдоват. до конца XIV столѣтія. Почти въ одно и то же время читаемъ въ грамотахъ: приеха, доконьча, и послаше, повелѣше, даяху, послаху и повелѣша, приехаша. Въ лѣтописяхъ и самыя формы простыя, и различіе ихъ жило довольно-долго и послѣ XIV вѣка, но языкъ искусственный, какимъ сдѣлался языкъ лѣтописный съ XIV—XV столѣтія, не можетъ служить безусловнымъ мѣриломъ языка живаго. Говоря о простыхъ прошедшихъ въ древнемъ языкѣ отечественномъ, нельзя не упомянуть и объ особенности, ему одному принадлежавшей въ письменности, хотя, быть можетъ, въ эпоху до-историческую, и бывшей общимъ достояніемъ всѣхъ Славянъ. Я разумѣю приставку *ть* къ 3-му лицу единств. и множеств. преходящаго времени: бяшеть, играшеть, творяхуть и т. под. Значеніе этой приставки, какъ мѣстоименія 3-го лица, очевидно: она принадлежала искони и настоящему, и будущему временамъ въ обоихъ числахъ, постоянно въ древности въ этомъ видѣ и въ старо-Славянскомъ и Русскомъ нарѣчіяхъ: играетъ, бѫдетъ; бьетъ, пьютъ, слышатся и теперь въ различныхъ областныхъ говорахъ обширной Россіи. Какъ мѣстоименіе, оно могло приставляться и въ прошедшихъ временахъ. Слѣды его въ старо-Славянскомъ нарѣчіи остались почти въ одномъ только родѣ глаголовъ на *ѧти*: кла*ѧти*, распя*ѧти*, нача*ѧти* и др., въ которыхъ 3-е лице единств. прошедшаго времени кончится на *тъ*, и въ *дасть*, *бысть*, отъ дати, быти. Древній Русскій языкъ удержалъ это окончаніе не только въ однихъ упомянутыхъ глаголахъ, но и въ другихъ первообразныхъ, и не только въ одномъ совершенномъ времени, но и въ преходящемъ. Такимъ образомъ глаголы: жити и пити, вмѣстѣ съ формами *жи* и *пи*, имѣютъ и *житъ*, *питъ*, (князь Александръ поѣха изъ Пскова въ орду, и *житъ* Александръ въ Псковѣ 10 лѣтъ. Пск. 2, стр. 12; онъ же не всѣдъ на конь идяше пѣшъ до цркви и причастився святыхъ таинъ

иного ничего не яде ни *питъ*. Опис. рукоп. Румянц. муз. № CCCCLIX, стр. 778); нельзя не видѣть остатковъ прошедшаго времени и въ слѣдующихъ глаголахъ: князь Иванъ Андрѣевичь добилъ челомъ Вел. Князю, и князь великый пожаловалъ его, далъ ему Бѣжицкій верхъ къ его отчинѣ, а Шемяка *поидеть* къ Галичю (Новг. 4, 146); король самъ къ нему не *поидеть*, ни силы своея не посла (ibid. стр. 154); прінде изъ Волохъ Иванъ Митковъ, да съ нимъ *пріидеть* посолъ Степановъ (ibid. 159). Во всѣхъ приведенныхъ выраженіяхъ формы: поидеть, пріидеть, какъ-будто отзываются будущимъ временемъ; но смыслъ и связь рѣчи требуютъ очевидно прошедшаго, а существованіе такого окончанія для прошедшаго въ другихъ глаголахъ въ древнемъ языкѣ несомнѣнно убѣждаетъ, что и ихъ должно считать за прошедшія. То же должно сказать и о формѣ *будеть*, употреблявшейся часто въ древности въ смыслѣ прошедшаго (будохъ—буде—буде-*ть*) [77]). Но несравненно чаще и обыкновеннѣе приставку *ть* видимъ мы въ преходящемъ времени обоихъ чиселъ. При этомъ должно замѣтить, что въ памятникахъ сѣвера она менѣе была обычна, чѣмъ на югѣ. Въ лѣтописи Ипатьевской, въ самомъ словѣ о Полку Игоревомъ, несмотря на большое сохраненіе въ немъ чертъ языка народнаго, окончанія *шеть* и *хуть* господствуютъ почти всюду, тогда-какъ въ лѣтописяхъ Новгородскихъ и Псковскихъ онѣ весьма рѣдки, а въ грамотахъ и договорахъ сѣверныхъ областей Руси ихъ вовсе не видно.

d) Будущее время отличалось въ древности также бо́льшимъ разнообразіемъ и богатствомъ; въ немъ, какъ въ Латинскомъ языкѣ, мы находимъ и способность оттѣнять различные моменты будущаго, способность, рѣшительно потерянную не только въ отечественномъ, но и въ остальныхъ соплеменныхъ нарѣчіяхъ. Подобно нынѣшнему языку, будущее время и въ древности являлось въ двухъ формахъ: простой и сложной. Первую, какъ ни мало неотличающуюся отъ настоящаго ни въ образованіи, ни въ спряженіи, мы оставляемъ. Для образованія будущаго сложнаго служили, какъ и въ нарѣчіи старо-Славян-

77) Мысли объ Истор. Русск. языка, стр. 80—81.

скомъ, 4 глагола: *быти, начати, хотѣти* и *имати*. Глаголъ *быти* отправляетъ эту служебную часть и донынѣ. Замѣтимъ при этомъ, что *буду* употреблялось въ значеніи настоящаго; слѣды этого значенія живутъ до-сихъ-поръ въ устахъ Русскаго народа, въ дѣепричастіи *будучи*; въ памятникахъ древнихъ *буду* встрѣчается и въ формѣ причастія, какъ настоящее время: князю великому не будущю въ Новѣгородѣ (Нов. 1, 67; въ Академич. спискѣ этой лѣтописи, какъ въ позднѣйшемъ, измѣнено *будущю* въ *сущю*); чернцемъ *будя* (Новг. 4, 39). Значеніе настоящаго подтверждается и прошедшимъ *будохъ, будяхъ* (будяше Пск. 2, 87). Глаголы: *хотѣти, имати* не существуютъ болѣе въ образованіи будущаго времени, но только въ нашемъ нарѣчіи, продолжая жить съ прежнимъ значеніемъ, хотя и въ измѣненномъ видѣ, въ другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ. Такъ, *хотѣти*, въ безличной формѣ *ште*, или въ личной *штем*, употребляется Болгарами; онъ же извѣстенъ и Сербамъ въ видѣ *ћу*. Глаголъ *имати*, какъ вспомогательный будущему, въ полной силѣ живетъ въ Малороссіи, употребляясь, однако, въ концѣ главнаго глагола и принимая личныя окончанія (робит-иму, робитимешь, тиме, робитимемо, имете, имуть). Въ древнихъ памятникахъ Русскихъ встрѣчается и тотъ, и другой глаголъ, и притомъ безъ всякаго измѣненія и слитія съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ главнаго. Примѣровъ на сложеніе будущаго съ *хотѣти* множество, какъ: хощю поимати (Нов. 1, 36); менѣе можно представить случаевъ для глагола *имати*, какъ вспомогательнаго будущему, но довольно и ихъ, чтобъ не сомнѣваться въ дѣйствительности употребленія его въ сѣверныхъ областяхъ Руси. Вотъ примѣры изъ грамотъ и лѣтописей Новгородскихъ и Псковскихъ: иные люди иметъ къ себѣ приимати (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 2, № 2), кто ся въ нихъ иметъ ставити (ibid. № 11), имуть окупати (ibid. Т. 1, № 16), имуть искати (ibid. № 18), имуть дѣлати (ibid. № 20), имуть предатися (Новг. 1, 40), имуть миритися (Пск. 1, 249). Какъ очевидный остатокъ древности подобнаго образованія будущаго на сѣверѣ, служитъ существованіе его донынѣ въ областныхъ, Новгородскомъ и Костромскомъ, нарѣчіяхъ: имуть пити (въ народной пѣснѣ. См. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоз. монастырь

С. Шевырева Ч. II. стр. 115). Вспомогательный глаголъ *буду*, при образованіи будущаго времени, не всегда въ древности требовалъ послѣ себя главнаго въ неопредѣленномъ наклоненіи; подобно нынѣшнему Польскому нарѣчію, и въ Русскомъ языкѣ ставилось иногда причастіе прошедшее на *лъ*, съ тѣмъ, однакожь, отличіемъ отъ Польскаго, что въ послѣднемъ не придается этимъ никакого особеннаго значенія мысли (będę mowił = mówić będę), тогда-какъ въ древнемъ Русскомъ языкѣ такое сочетаніе имѣло и свое опредѣленное мѣсто, въ извѣстныхъ лишь случаяхъ, съ своимъ особеннымъ значеніемъ. Это значеніе совершенно совпадаетъ съ Латинскимъ futurum exactum; т. е. будущее изъ причастія на *лъ* и *буду* употреблялось только въ такомъ случаѣ, когда встрѣчалось въ выраженіи другое будущее, которое по времени должно совершиться послѣ, чѣмъ первое; такимъ образомъ, сравнительно съ послѣднимъ будущимъ, будущее на *лъ* справедливо можно назвать будущимъ прошедшимъ. Въ этомъ смыслѣ употребляется оно постоянно и въ древнихъ памятникахъ Русскихъ. Напр. въ договорѣ Игоря читаемъ: аще ключится проказа нѣкая отъ Грекъ, сущихъ подъ властію царства нашего, да не имать власти казнити я, но повелѣніемъ царства нашего да *пріиметъ*, якоже *створилъ будетъ* (Соф. 1, 101. Срв. тамъ же стр. 96 и 100: будетъ писалъ, взялъ будетъ, принесъ будетъ, купилъ будетъ, далъ будетъ), или: а куны емати (= будешь имать = брать) на нихъ у истьцевъ, у кого *будетъ* кто купилъ (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1. № 10. Срв. ibid. № 5 будетъ позоровалъ, № 7, будетъ далъ, № 16 idem), а кто будетъ взялъ не вѣдая, и онъ отдастъ безпосульно (Собр. Госуд. Гр. и Дог. Т. 2. № 12), аже будете и крестъ цѣловали, азъ за то пріиму эпитемью (Новг. 1, 62. Срв. которое будете переступили Пск. 1, 251). Переводя всѣ выраженія на Латинскій языкъ, мы необходимо должны будемъ замѣнять будущее на *лъ* futuro exacto, напр. а кто будетъ взялъ не вѣдая, и онъ отдастъ, по-латини должно сказать: sed qui acceperit inscius, (is) reddet.

е). Спрягаемое сослагательное наклоненіе, употребительное въ стар. Слав. нарѣчіи, принадлежало и древнему Русскому языку. Какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ оно составля-

лось изъ условнаго прошедшаго существительнаго глагола (бихъ) и причастія на *лъ*; глаголъ *бъихъ* удерживалъ за собою всѣ измѣненія по числамъ, лицамъ и родамъ (въ двойств.); причастіе измѣнялось только по числамъ и родамъ. При этомъ постоянно присутствовалъ и одинъ изъ союзовъ условныхъ. Въ старо-Слав. употреблялись въ этомъ случаѣ два союза: *да* и *аще*; первый встрѣчается и въ лѣтописяхъ, послѣдній есть уже церк. славянизмъ, являющійся въ однихъ позднѣйшихъ спискахъ, переполненныхъ словами и формами, часто несвойственными языку Русскому. Вмѣсто него обыкновенно употреблялось Русское *ажъ*, или одно *а*. Вотъ, между прочимъ, что объясняетъ такъ ежедневно и однажды попадающееся выраженіе въ Остр. Евангеліи: абы былъ пророкъ [78]): дьяконъ Григорій, какъ Новгородецъ, весьма легко могъ измѣнить, при переписываньи Евангелія, *аще* оригинала въ *а*, по своему родному говору, въ которомъ, если судить по древнимъ памятникамъ, оно было въ общемъ ходу. Очень не долго писалось и *да*, замѣненное какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ актахъ, однимъ *а*; въ Синодальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи попадается *да* не болѣе десятка разъ: да бъихомъ ся покаяли (Новог. 1. 45), да бышя человѣци не жили мирно (ib. 50); въ остальной и большей части случаевъ вмѣсто него является или *а*: а бышя и проводили (ib. 72), абы пошьлъ, абы сѣлъ (ib. 74 — 75), или *ажъ*: ажъ бъихъмь что такъ учинили (Собр. Госуд. Грам. и Дог. 2. № 1), ажбы миръ не раздрушенъ былъ (ibid). Мало-по-малу вспомогательный глаголъ все болѣе и болѣе терялъ свою измѣняемость въ спряженіи, удерживая одно 3 лице един. числа (*бы*) для всѣхъ остальныхъ лицъ, пока не сдѣлался, наконецъ, условною частицею, приставляемою ко всѣмъ числамъ и лицамъ для выраженія сослагательнаго наклоненія. Словомъ, древнее *бъихъ* превратилось въ *бы*, существующее въ этомъ видѣ и доселѣ въ языкѣ Русскомъ. Прежніе союзы: *аж* и *а* продолжали жить и послѣ окамененія глагола (бихъ), еще плотнѣе и неразрывнѣе слившись съ частицею *бы*; впрочемъ, эта неразрывность допускалась только тогда, когда *бы* ставилось впереди глагола; въ противномъ случаѣ,

78. Остромирово Евангеліе, изд. Востокова, 1843 года, стр. 222, г.

союзъ отбрасывался: а бы помогли (Пск. 1. 229), ажбы были (Собр. Гос. Гр. Т. 2 № 1), помогли бы есте (Нов. 1. 92). В то же время, какъ образовался нашъ союзъ *бы* изъ вспомогательнаго глагола, и союзы: *аже* и *а* начали переходить въ письменности въ *если* и *что*, принятые въ языкъ и современной литературы: чтобы есте отслали (Нов. 1. 96); я говорю въ письменности, принимая въ соображеніе, съ одной стороны, то, что въ произведеніяхъ словесности болѣе народной, въ актахъ и грамотахъ, попрежнему писалось *абы*, *ажбы*, тогда-какъ *чтобы* и *еслибы* встрѣчаются впервые въ лѣтописяхъ, отличающихся по преимуществу языкомъ искусственнымъ, подражательнымъ, напр. въ Академич. спискѣ первой Новгородской лѣтописи; съ другой, что простой народъ Русскій и до-сихъ-поръ какъ-то неохотно употребляетъ эти союзы, замѣняя ихъ своимъ *кабы*, составленымъ изъ *какъ* и *бы*. Опредѣлить приблизительно время, когда совершился переворотъ въ условномъ прошедшемъ — нетрудно; самое надежное основаніе для этого можемъ найти въ слѣд. примѣрахъ Акад. списка первой Нов. лѣтописи: помогли бы есте (Нов. 1. 92), чтобы есте отслали (ib. 96), а Псковичемъ бы есте нелюбья отдали (ib. 97), бы еси подалъ (ib.). Само собою понятно, что подобное сочетаніе словъ могло появиться только въ такое время, когда правильное употребленіе условнаго прошедшаго уже погибло, когда, вмѣсто глагола *быхъ*, стало писаться и говориться *бы*; въ противномъ случаѣ, не было бы никакой надобности вмѣстѣ съ *бы* употреблять настоящее время глагола существительнаго (есте, еси); онъ никогда и не допускался въ подобныхъ случаяхъ въ древнѣйшихъ памятникахъ и Русскихъ, и церковно-Славянскихъ; лучшимъ примѣромъ для этого можетъ служить Остромирово Евангеліе. Этого мало, приведенные выше примѣры прямо указываютъ на то, что о прежнемъ употребленіи *быхъ* не осталось болѣе и сознанія въ головѣ переписчика списка Академическаго, иначе онъ никогда не позволилъ бы поставить рядомъ два личныхъ глагола въ одной и той же формѣ. Списокъ же этотъ писанъ никакъ не ранѣе XV столѣтія[79]); слѣдов. въ XV вѣкѣ *бы* находилось въ томъ же окамененіи, въ ка-

79) См. Предисл. къ III тому Полн. Собр. Рус. лѣтоп. стр. VI.

комъ находится оно и въ наше время; другими словами: 3 лице *бы* извѣстно было и переписчику, и его современникамъ, какъ частица, подобная союзамъ *ибо*, *бо* и др. Такое превращеніе не могло совершиться въ непродолжительное время; для него необходимо было по-крайней-мѣрѣ одно столѣтіе, между-тѣмъ въ XIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ совершенную правильность въ устройствѣ условнаго прошедшаго. Примѣры см. выше. Такимъ образомъ и здѣсь, и въ потерѣ этой формы XIII — XIV столѣтія являются періодомъ превращенія древняго на новое.

f) Двойственное число принадлежало всѣмъ временамъ спрягаемымъ: настоящему, прошедшимъ, будущему и повелительному наклоненію. Различіе въ родѣ поддерживалось также. Мужескій имѣлъ окончаніе *а*, женскій *ѣ*; отдѣлялись также два лица, первое отъ втораго съ третьимъ; второе и третье имѣли общее окончаніе: ходива — вѣ, ходита — тѣ; ходихова — ховѣ, ходиста — стѣ. Время утраты двойственнаго числа въ глаголахъ совпадаетъ съ временемъ потери его въ существительныхъ и прилагательныхъ.

Страдательный залогъ въ древнемъ языкѣ Русскомъ, какъ и вообще въ Славянскомъ, не имѣлъ особенныхъ формъ, подобно языкамъ Греческому и Латинскому, составляясь или изъ причастія настоящаго и прошедшаго страдательнаго съ глаголомъ вспомогательнымъ, или изъ того же дѣйствительнаго залога и приставки возвратнаго мѣстоименія *ся*, пользовавшагося долгое время полною свободою относительно мѣста въ выраженіи: съ тобою *ся* не спираемъ про вѣру (Нов. 1. 83).

Причастій было по два для обоихъ залоговъ: настоящее и прошедшее; послѣднее и въ дѣйствительномъ, и въ страдательномъ имѣло по двѣ формы, въ первомъ на *лъ* и *въ*, или на *ъ* съ предшествующею согласною, оканчивающею корень глагольный: палъ, шелъ, падъ, шедъ (па-*д*-ти = пасти, ше-*д*-ти = шести — шеду), игравъ, любивъ; въ страдательномъ на *нъ* и *тъ*. Причастіе на *лъ* употреблялось преимущественно при образованіи сложнаго прошедшаго; однако есть примѣры, гдѣ оно стоитъ одно, какъ и всякое другое причастіе: милостыни *совкупилася* съ постомъ и молитвою отъ смерти избавляетъ человѣка (Нов. 1. 60). Въ образованіи своемъ оно нѣсколько отступало въ древности отъ современ-

наго: у насъ согласная глагольнаго корня, кромѣ *д.* и *т*, остается въ муж. родѣ вмѣсто *л*: везъ, несъ; въ памятникахъ древнихъ нерѣдко согласная коренная и *л* сливаются въ одно окончаніе: привезлъ, по сѣклъ, сжеглъ и т. д. (Нов. 4. 141. 145. 155). Причастіе настоящее дѣйствит. въ неопредѣленной формѣ отступало отъ старо-Славянскаго нарѣчія, измѣняя ѧ-съ и ѣ послѣдняго въ *а:* выѣха Александръ не мо*га* трьпѣти (Пск. 1. 185); кто будетъ позоровалъ къ тебѣ, а *жива* въ Новѣгородѣ... (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1. №. 5), городъ повьр*га* (ibid. №. 10) тако мира не воз*ма* поиде проче (Нов. 1. 71).

Что касается до частицъ: нарѣчій, союзовъ и предлоговъ, то подробное разсмотрѣніе случаевъ употребленія ихъ въ древнемъ языкѣ Русскомъ оставляемъ для синтаксиса, здѣсь же считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ особенностяхъ образованія нарѣчій. Всѣ части рѣчи служили матеріаломъ для ихъ составленія: существительныя, прилагательныя, числительныя, мѣстоименія и глаголы. Отъ первыхъ онѣ являлись или съ окончаніемъ *вь* (= *ви*), изъ дательн. падежа: домовь, доловь (Нов. 1. 43; Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1. №. 19), ежегодовь (ibid. Т. 1. №. 20); или съ окончаніемъ *ь*, даже безъ перемѣны окончанія существит., а только съ приставкою впереди предлога: по сторо*нь* климента (Нов. 1. 73); а уже княже обошли насъ *около* (ib. 55). Прилагательныя производили отъ себя нарѣчія посредствомъ окончаній *ы* и *ъ*, или изъ предложнаго падежа обоихъ чиселъ: мирьскы (Новг. 133), въ бързѣ (ib.), въ бързѣхъ (ib. 44), печьнѣ (ib. 35). Средній, а иногда и мужескій родъ мѣстоименій могъ употребляться иногда и въ смыслѣ нарѣчія: колько (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1, № 16), толико (Новг. 1, № 34), нѣколико (ib. 42, 49), какъ, такъ. Что *какъ, такъ* суть мѣстоименія, это видно изъ употребленія ихъ въ женскомъ родѣ: кака сила на ономъ вѣцѣ (Новг. 1, 60), и въ среднемъ: како, тако, являющемся въ церковно-Славянскомъ нарѣчіи какъ нарѣчіе. Мѣстоименіе возвратное *ся* образуетъ нарѣчіе изъ предложнаго падежа и предлога *о*: осебѣ (наше — *особо*). Средній родъ числительныхъ употреблялся и какъ нарѣчіе: первое, другое, третье (Нов. 1, 106, Новг. 4, 27, 39); отъ количественныхъ образовалось нарѣчіе съ окончаніемъ *жды:* дважды, три-

жды (Нов. 4, 66). Для нарѣчій глагольныхъ служило окончаніе *мя*: стоіімя, лівмя. Средній родъ мѣстоименія относительнаго *иже* входитъ также въ образованіе нарѣчій, слагаясь съ нарѣчіями отъ именъ существительныхъ и принимая значеніе *каждый*. Сюда принадлежатъ: ежегодовъ (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1, № 20), ежелѣть (ib. Т. 2, № 15); этотъ родъ нарѣчій живетъ и до-сихъ-поръ: ежедень не будешь уменъ (Рус. Послов. Снегирева. Е. 20).

III. СИНТАКСИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЯГО ЯЗЫКА РУССКАГО.

Богатству и разнообразію древняго языка въ формахъ вполнѣ соотвѣтствовало богатство и разнообразіе его въ сочетаніи словъ и въ расположеніи мыслей. Будучи далекъ отъ всѣхъ мелочныхъ правилъ, часто болѣе стѣсняющихъ, чѣмъ облегчающихъ выраженіе мысли, Русскій народъ выражался такъ, какъ чувствовалъ и мыслилъ; выливалъ свои мысли и чувства на письмо въ древнюю пору такъ, какъ выражался въ живомъ разговорѣ. Отсюда: изобразительность, удобопонятность и естественность въ изложеніи, условія, невсегда выдерживаемыя и въ нашъ XIX вѣкъ; отсюда же и совершенная свобода въ теченіи всей рѣчи, и въ разстановкѣ отдѣльныхъ понятій, несвязанная никакими напередъ придуманными правилами, и производившая чрезъ то самое полноту и законченность. Разсмотрѣть эти свойства языка древняго и любопытно, и полезно. Сколько могъ ознакомиться съ ними при чтеніи древнихъ памятниковъ, предлагаю вниманію читателя. Подъ слѣдующими четырьмя условіями буду я излагать свои наблюденія: 1) по отношенію къ словосогласованію, 2) словоуправленію, 3) словорасположенію и 4) словоупотребленію. Послѣдній терминъ новъ; но я позволяю себѣ ввести его въ дѣло, какъ необходимый при обозрѣніи древняго синтаксиса. Въ немъ такъ разнообразно употребленіе словъ, такъ часто одно и то же слово, одна и та же частичка принимаются въ различныхъ значеніяхъ, нерѣдко потерянныхъ въ современномъ языкѣ, что невозможно оставить безъ разбора и этого отдѣла, если мы не захотимъ допустить пробѣла въ одномъ изъ самыхъ важныхъ свойствъ древняго языка, весьма рѣзко характеризующихъ простоту и выразительность языка отечественнаго.

1) Имѣя въ виду болѣе мысль чѣмъ форму словъ, древній языкъ Русскій и въ *согласованіи* различныхъ частей предложенія сообразовался болѣе съ первою, чѣмъ съ послѣднею; отсюда слова собирательныя, несмотря насвою форму въ единств. числѣ, если только они были подлежащимъ, требовали сказуемаго во множествен., подобно Греческой и Латинской конструкціи ad σύνεσιν: Моръдва побѣдиша Ярослава (Новг. 1, 3), ходиша вся Русьска земля на Галичь (ib. 10), высыпаху югра льстьбою (ib. 21), прокъ ихъ злѣ отъбѣгоша (ib. 15), чернь не хотѣша дати числа (ib. 57), идемъ вся Новъгородъ (ib. 61), вся градъ Костянтинь хотять моего царства (ib. 26), рѣша дружина Игореви (Соф. 1, 97), дружина бяхуть избита (Лѣт. Пер. 66). Сказуемое удерживало форму множественнаго числа и въ томъ случаѣ, когда оно прилагательное; равно во множественномъ употреблялись и опредѣлительныя слова: клиросъ вся падоша съ людми *нищи*, но *живи* быша (Нов. 4, 2), вся Новгородъ *шьдъше* посадиша и (Новг. 1, 25), привезоша братью свою *избьеныхъ* (ib. 60), ту ся би съ *безбожьными* Литвою (ib. 49), дружинѣ же *невъдущимъ* его (Лѣт. Пер. 61, 65), смяте *безбожьныхъ* Русь (Соф. 1, 83), Чудь же побѣгоша *сами* вонъ (Нов. 1, 59). Такое же согласованіе поддерживается и тогда, когда подлежащія, хотя выражаютъ и единичные предметы, соединены вмѣстѣ или посредствомъ союза *и*, или предлога *съ*: печяловахуся въ Новѣгородѣ князь и владыка и вся Новъгородъ (Новг 1, 22), князь Александръ съ Новгородци и съ Ладожаны придоша (ib. 53). Отступленія отъ этого правила составляютъ подлежащія отвлеченныя, вообще неодушевленныя: велика скърбь бяше въ людьхъ и нужа (Нов. 1, 13). Пользуясь тѣмъ, что винит. падежъ имѣлъ двоякую форму, сходную съ именительнымъ и родительнымъ, древній языкъ допускалъ нерѣдко разнообразіе въ одномъ и томъ же предложеніи, такъ: поимите у мене мои шюринъ Михаила (Нов. 1, 41); убиша Ѳеодора Ума княжь дѣцкой (ib. 50), изволиша собѣ епископъ поставити мужъ Богомъ избранъ Аркадія (ib. 12), послаша по Ярослава по Всеволодиця, по Гюргевъ внукъ (ib. 32).

Языкъ древній, отличаясь свободою въ выраженіяхъ, прибѣгая часто къ многословію, какъ бы желая тѣмъ показать

все свое богатство, въ то же время выпускалъ слова, которыя мы выпустить сочли бы неправильностью, выпускалъ, если мысль была понятна и безъ нихъ. Так. обр. при наименованіи различныхъ церквей и монастырей, вмѣсто родовыхъ понятій, онъ употреблялъ одни видовыя, соединяя ихъ и съ предлогами, ставимыми въ наше время обыкновенно передъ первыми: постави попъ Иванъ святую богородицу на Воцкой дороги (Новог. 2. 148), преставися игуменъ святаго Георгія (=монастыря Нов. 1. 22), владыка Василій Святую Софѣю свинцемъ поби (Нов. 1. 76), инін вбѣгоша въ Николу святый (Нов. 1. 61), въ святомъ Николѣ игумена зашибло (ib. 86). Когда же родовое понятіе, церковь или монастырь, занимаетъ свое мѣсто, то видовое, названіе церкви по имени того или другаго святаго, употребляется не въ родит. падежѣ, какъ у насъ, а въ именит. или винительномъ: совершиша церковь Святый Ѳеодоръ (Нов. 1. 87), заложиша церковь камяну святый Димитрій (ib. 92), поставиша церковь камяну Св. Власій (ib. 103) и т. п. Подобно опущенію словъ церковь, монастырь, опускается родовое понятіе и времени въ томъ случаѣ, когда есть видовое понятіе, опредѣляющее его точнѣе: начя здати церковь на святую царю Константина и Елены (Нов. 1. 17), на святаго Митрофана (ib. 20), на святаго Данила Стълпника (ib. 21), на святыя Татьяны (ib. 28). Нерѣдко опускалось и относительное мѣстоименіе *который*, причемъ придаточное предложеніе нисколько не измѣняло своего вида, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ должно оно быть и при мѣстоименіи: святи церковь арх. Гаврила, — създана Милонѣгомъ (Нов. 1. 20), или: поминковъ владыка явилъ: панагію сизову, — обложена златомъ (Нов. 2. 143).

Когда встрѣчаются два прошедшихъ сложныхъ, соединенныхъ другъ съ другомъ союзомъ *и*, то вспомогательный глаголъ ставится только при одномъ изъ нихъ: за что есте ходили на Волгу и гостей моихъ пограбили (Нов. 4. 66). — Двойственное число въ древнемъ языкѣ употреблялось совершенно правильно, и не для однихъ парныхъ предметовъ, какъ перси, очи, руки и т. далѣе: и быста очи ему яко невреженѣ (Нов. 1. 10), но вообще при двухъ подлежащихъ: утопоста два попа (ib.); Святопълкъ же и Мстиславъ затвористася (Лѣт. пер. 63), сопростася

два князя о великое княженіе (Нов. 1. 68); не менѣе постоянно удерживалось оно и въ томъ случаѣ, когда подлежащее и одно лицо, но соединено съ другимъ, подлежащимъ логическимъ, посредствомъ предлога *съ*: концяста церковь архепископъ Илія съ братомъ; постависта церковь Радъко съ братомъ (Нов. 1. 18).

2) Въ *Словоуправленіи* болѣе всего останавливаетъ на себѣ вниманіе употребленіе падежей, или совершенно забытое въ въ современномъ языкѣ Русскомъ, или замѣненное инымъ способомъ управленія. Къ первымъ принадлежитъ употребленіе падежей безъ предлога или a) для выраженія времени, или b) мѣста.

a) Слова, выражающія понятіе времени: годъ, время года, день и часть дня, ставились безъ различія то въ винительномъ, то въ предложномъ падежахъ. Это свойство древняго языка не принадлежитъ однѣмъ лѣтописямъ; очень часто встрѣчается оно и въ письменности гражданской, хотя въ ней и скорѣе погибло, чѣмъ въ первыхъ: въ то же лѣто, *осень*, опять приде Всеславъ (Нов. I. 2), *томь* же лѣтѣ, осень, по горѣ Неревьскый коньць (ib. 17), пятый день приспѣ князь Святотлавъ (ib. 13), преставися князь великый въ суботу, вечеръ (Нов. 2. 144), Игоря яша 5 день по побоищи (Нов. 1. 10), въ 13 день мѣсяца, вторникъ (Нов. 2. 163); томь же лѣтѣ яша и́ на Рси (Нов. 1. 6), тои веснѣ (ib. 12), зимѣ (ib. 111), одиномъ часѣ все погорѣ (ib. 59), томь часѣ (ib. 112), (Срв. Собр. Госуд. Гр. и Дог. Т. 1. №№ 1. 7).

b) Въ употребленіи падежей для словъ, означающихъ понятіе мѣста, находимъ гораздо болѣе опредѣлительности: при вопросѣ *куда* ставился постоянно дательный падежъ, и чрезвычайно рѣдко винительный; при вопросѣ *гдѣ* исключительно предложный: Всеславъ бѣжа Польтьску (Нов. 1. 2), бѣжа Ольгъ Тмутараканю (ib. 3), Смольньску, Суждалю, Володимирю (ib. 3. 8. 11), поиде рѣцѣ Сяну (Ипат. 183), и одва домы своя доѣхаща пѣши (ib. 105); хотя брата посадити Суждали (Нов. 1. 6), обретеся крестъ честный Новѣгородѣ (ib. 2), священа бысть церкы Переяславли (ib. 3). Не при однихъ названіяхъ городовъ находимъ предложный (=мѣстный) безъ предлога, но и вообще при словахъ, означающихъ какое бы то ни было мѣсто: церкы заложена бысть монастырѣ (Нов. 1. 2), Антоновѣ мо-

настырѣ (ib. 19), Савкинѣ дворѣ (ib. 22), положиша и у Святѣи Софіи, головахъ у дѣда (ib. 36), не могу съ тобою жити одиномъ мѣстѣ (Ипат. 97). Сюда же должно отнести и случаи непосредственнаго управленія падежами нѣкоторыхъ глаголовъ, которые въ современномъ языкѣ требуютъ послѣ себя непремѣнно предлога. Такъ, *родительный падежъ* ставится послѣ глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами: *отъ, съ, до:* отвьржеся Новогорода (Нов. 1. 6), отступи волею Кыева (ib. 14), отбися ихъ (ib. 34), свободы ся отступилъ (ib. 77), не отчаемся милости твоея (ib, 68), отписатися земля Ростовскы (Лѣт. Пер. 94), того ся княже отступи (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1. *№*. 2. 7); съступися посадничьства (Нов. 1. 31), того всего съступитися (Собр. Гос. Гр. Т. 1. *№*. 7. 9); доидосте Смольньска, кого доидеть рука, доложю митрополита московского (Нов. 1. 17, 26; Пск. 1. 232), дошедъ Чюдинцевы улицы (Нов. II. 146), досѣкошеся другаго стяга (Нов. 4. 24), дошедъ Волгы, Углечя поля, одва домовъ своихъ доидоша (Лѣт. Пер. 60. 80). Во всѣхъ этихъ случаяхъ нашъ языкъ требуетъ повторенія предлоговъ. Родительный падежъ ставится безъ предлоговъ и послѣ глаголовъ, не сложныхъ съ нимъ: всѣхъ грѣхъ *прощени* будемъ (Нов. 1. 52), *плакася* его князь Иванъ (ib. 73), *остатися* вѣры хрестьяньскыя и чернечьства (ib. 58), *останися* высокоумія своего (Лѣт. Пер. 53), крестнаго цѣлованія *забывше* (ib. 85). *Дательный падежъ* послѣ глаголовъ: *негодовахуть* ему Новогородьци (Нов. 1. 18), *лаялъ* ми посадникъ вашъ (ib. 83), лая дружинѣ своей (Лѣт. Пер. 65. Нов. 1. 105), Гюрги *състоя* Костянтину (ib. 35), братъ брату не *съжаляшеться* ни отечь сынови, ни мати дъчери (ib. 47), да бы ихъ кресту *водилъ* (Лѣтоп. Пер. 106). *Винительный*: ярослава *негодующе* (Нов. 1. 23), утопшихъ *скажемъ* (Нов. 2. 147), *слышавъ* усобную рать (Нов. 1. 108), *услышавъ* Всеволодъ полонену жену и дѣти (Лѣт. Пер. 99). *Творительный*: како *печалуетеся* нами своею братьею молодшею (Нов. 1. 89), *простилъ* различьными болѣзньми (Нов. 3. 224), в. князь *печаленъ бысть* сватомъ и зятемъ и дѣтми (Лѣт. Пер. 107), *опечалитися* Русскою землею (ib. 107), *уповающе* крестомъ честнымъ (ib. 79), *негодоваша* михалкомъ (ib. 85), старою (=съ женою) не *распустився* (ib. 42), *ожени* Изяславною Давидовичя (ib. 72), *ожени*

Мстиславною (ib. 102). *Предложный*: *надъющеся* силѣ своей много (Нов. 4. 23.), *надъяся* силѣ своеи (Лѣт. Пер. 54), *поя* ю собѣ женѣ (ib. 69). Наоборотъ, современный Русскій языкъ не допускаетъ предлоговъ послѣ нѣкоторыхъ глаголовъ, или существительныхъ съ глаголами, въ древнемъ языкѣ они необходимы; это замѣчаніе относится болѣе всего къ предлогу *къ*: въздаша вѣсть къ Изяславу Мстиславичю (Нов. 1. 10), не дадуце вѣсти къ Мьстиславу (ib. 14), перевѣтъ дрьжаще къ Святославу (ib. 14. 71), цѣлова крестъ къ Мьстиславу и къ обѣма князема (ib. 40), цѣлуй крестъ къ посаднику (Собр. Госуд. Гр. и Дог. Т. 1. №№. 5. 9.), не хотя измѣнити къ Витовту (Нов. 4. 145), измѣнили крестное цѣлованіе къ Новугороду (Нов. 1. 75, 79), имуть предатися къ нимъ (Нов. 1. 90), вы бы есте помогли по насъ $\frac{\text{в}}{\text{г}}$ (ib. 92; Нов. 4. 83), поставленъ отъ митрополита (Нов. 1. 12, 13). Послѣ нѣкоторыхъ глаголовъ въ современномъ нашемъ языкѣ ставится одинъ предлогъ, въ древнемъ другой: уладися Ростиславъ съ Андремъ *о* (=за) Новгородъ. (Нов. 1. 13), сѣдѣша Новгородьци безъ князя *о* Якунѣ (=съ) (ib. 14), Новгородьци сташа твердо *о* князи Романѣ (=за) (ib. 15), бысть радость Новугороду *о* своемъ владыцѣ (ib. 67), паде головъ *о* (=около) сто кметей (Нов. 4. 17), въспомянутся къ Богу (=о Бога, Нов. 1. 52), заратися князь Михаила *къ* (=съ) Новугороду (ib. 70), поиде князь *на* (=въ) путь (ib. 56), выѣха посадникъ *въ* (=на) войну (ib. 70).

Къ случаямъ древняго словоуправленія, измѣненнаго въ нашемъ языкѣ, принадлежитъ употребленіе особенныхъ падежей, сравнительно съ послѣднимъ, послѣ глаголовъ, существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій. Такъ *родительный падежъ* ставится нерѣдко вмѣсто винительнаго послѣ глаголовъ дѣйствительныхъ: овому *носа* урѣзаша (Нов. 1. 56, Нов. 2. 122), приставимъ васъ хоромовъ нашихъ рубити (Нов. 3. 209), оборонити своея отчины (ib. 227); забудемъ домовъ и женъ и дѣтей (Нов. 4. 23); заутра мира створиша (Лѣт. пер. 54), славяще креста честнаго (ib. 81), ходиша воевати земли Нѣмецкой (Нов. 1, 103, Пск. 1. 193), блюдучи своихъ домовъ и женъ и дѣтей (ib. 188, Пск. 2. 13), ѣздилъ монастыря закладывати (Гов. 2. 159), смотрити своихъ конюшень (ib. 168), правитъ товаровъ

(Нов. 1, 41). Послѣ глаголовъ дѣйствительныхъ, соединенныхъ съ отрицаніемъ, употребляется неизмѣнно родит. падежъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это отрицаніе усиливается частицею *ни*: не упустиша ни мужь (Нов. 1. 20). Подобно Греческому и Латинскому языкамъ, родит. падежъ въ древнемъ Русскомъ былъ необходимъ и послѣ мѣстоименія *кто*, *что*, или прилагательнаго *другой*, всегда требующихъ за собою у насъ предлога *изъ*: кто Всеволоду пріятель бояръ (Нов. 1. 8), кто ся насъ осталъ живыхъ (ib. 51), кто былъ Руси въ корѣльскомъ городкѣ (ib. 70), кто насъ будеть живъ (Лѣт. Пер, 63), аще на васъ въстанеть кто иныхъ князей (ib. 110), никто же остася въ саду томъ людей (Нов. 2, 147), кто купьць поидеть въ свое сто; кто почнеть Тферичь жити (Собр. Гос. Грам. и Дог., Т. I, №№ 7, 18), а что закладниковъ въ Тържьку или индѣ (ibid.), что живыхъ Новогородьць (Нов. 1. 35); друзіи бо ихъ и конину ядяху (ib. 18). *Дательный падежъ* ставился, вмѣсто нашего родительнаго, послѣ существительнаго: съпаденіе веригамъ (Нов. 1. 21); преступници кресту (ib. 34), творца кануномъ (ib. 81)[80]; постоянно послѣ существительнаго глагола *быти*, сочиняющагося въ современномъ языкѣ съ предлогомъ *у*: бысть распря Новогородцемъ съ Смольняны (Нов. 1. 32), бяше Ярославу мужь (Нов. 3. 209), бысть тои осени Ляхомъ и Литвѣ 3 побоища (Нов. 1. 104), не бѣ ему мира съ Новымъгородомъ (ib. 79); равно и послѣ другихъ глаголовъ, выражающихъ случай или обстоятельство, случившееся *у кого-нибудь*: родися Ярославу сынъ (Нов. 3. 210); Лѣт. Пер. 96), учинися бой Новогородцемъ съ Псковичи (Нов. 1. 96); послѣ прилагательнаго *достоинъ*: достоини есте милованію (Нов. 4. 87). Послѣ глаголовъ: дѣлать, производить, называть кого чѣмъ, ставятся два *винительные*, что, однако, едва ли должно считать принадлежностью древняго языка Русскаго; эта особенность принадлежитъ исключительно лѣтописямъ, и легко могла перейти въ нихъ съ Греческаго языка при посредствѣ книгъ церковныхъ: постави Ярославъ Ларіона митрополита (Нов. 1. 2), сына моего пріимите собѣ князя (ib. 9), кого царя поставять (ib. 27), того избра Господь поборника (ib. 58), пояша у

80) То же самое было нѣкогда у Чеховъ. См. Počatkowe Staročeské Mluwnice. Šafařik. Slowoklad. § 91.

него сына Мьстислава собѣ князя (Лѣт. Пер. 71). Какъ не родное, словоуправленіе это не всегда выдерживалось и въ лѣтописяхъ: постави мя попомъ (Нов. 1. 9), избра Богъ святителемъ (ib. 86). *Творительный* весьма часто употреблялся для выраженія орудія, средства, причины, вмѣсто нашего предлога *отъ* съ род падежемъ: людье огнемь кончаваюгься, а инїи мечемъ (Нов. 1. 51), бяше же на пути тѣснота доспѣшными людми (Нов. 2. 137), бысть убытокъ крестьяномъ хлѣбомъ (Иск. 1. 209), тяжко же бысть владыцѣ и монастыремъ кормомъ и дары (Нов. 1. 81), пищу оконцемъ принимаше (Лѣт. Пер. 50); иногда творительный существ. ставится вмѣсто прилагательнаго опредѣлительнаго: ста вся зима тепломъ и дъжгемъ (Нов. 1. 13). *Предложный* падежъ, безъ предлога, употреблялся послѣ глаголовъ, соединенныхъ съ предлогомъ *при*: сего же ни власѣ огнь прикоснуся. Г. Редакторъ Русскихъ лѣтописей думаетъ, что должно читать *власу* или *власомъ*; но подобное словоуправленіе совершенно обыкновенно нетолько въ старо-Славянскомъ нарѣчіи: прикоснѫсѧ рѫцѣ кѫ (Остр. Ев. 63. а, срв. 66, б, 68. в, 76. б. 243. в. и другія), прилѣписѧ кдиномь (ib. 118. а); прилежа кмь (ib. 103. в.), прикосносѧ ризахь моихь (Ев. Реим. изд. Ганки 7, 1, срв. ibib. 9. 1), но и въ старо-Чешскомъ: pridržala sie pastwě duše ma (Počatk. Staročeské mluwn. Šafařik. Slowoklad. § 95); въ Русскихъ сѣверныхъ памятникахъ попадается оно только въ приведенномъ примѣрѣ.

Къ числу особенныхъ случаевъ словоуправленія, забытыхъ вовсе въ языкѣ современномъ, принадлежитъ употребленіе достигательнаго вида, дательнаго самостоятельнаго, неопредѣленнаго наклоненія и винительнаго съ причастіемъ. *Достигательный видъ*, замѣтный еще въ XIV вѣкѣ, употреблялся въ древности постоянно послѣ глаголовъ, означающихъ движеніе, и въ этомъ отношеніи вполнѣ справедливо сравниваютъ его съ Латинскимъ supinum: ходи Ярославъ миритъ Кыянъ (Нов. 1, 7), идоша прогонитъ Всеволода (ib. 8), пусти люди воеватъ (ib. 49), ити ставитъся (Лѣт. Перм. 77), ездити на озвадо звѣри гонитъ (Собр. Госуд. Грам. и Дог., Т. I, № 1), се пріехаша послы сажатъ Ярослава (ib. № 3. стр. 4. На оборотѣ грамоты). Присутствіе этой формы въ древнемъ языкѣ Русскомъ, языкѣ на

родномъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, какъ формы, бывшей нѣкогда общеславянскою, и притомъ народною: tamo k wrchu *pohrebat* mrch, i *dat* pokrm bohom, tamo bohom spasam *dat* mnostwie obieti, a jim *hlasat* milych slow, читаемъ въ старинной Чешской пѣснѣ[81]), и оставившей слѣды своего господства донынѣ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ[82]). Трудно рѣшить положительно, принадлежалъ ли *дательный самостоятельный* древнему Русскому языку, или зашелъ онъ въ отечественные памятники изъ переводовъ съ Греческаго языка, въ которые легко могъ попасть отъ вліянія послѣдняго; во всякомъ случаѣ, утвердительно можно сказать, что дательный самостоятельный былъ не извѣстенъ народу въ то время, отъ котораго дошли до насъ первые памятники письменности гражданской. Во всѣхъ актахъ правительственныхъ древняго періода мы не встрѣтимъ ни одного случая употребленія этой формы; напротивъ, въ лѣтописяхъ она составляетъ необходимое условіе синтаксиса, и не только въ древнюю пору, но и въ болѣе позднихъ спискахъ, XV—XVI столѣтія. Сравненіе съ соплеменными нарѣчіями также мало говоритъ въ пользу народности дательнаго самостоятельнаго: въ настоящее время ни у кого изъ Славянскихъ народовъ о немъ нѣтъ и помину; изъ произведеній древней словесности, одни Чешскіе памятники представляютъ нѣсколько примѣровъ дательнаго и родительнаго самостоятельныхъ; но эти примѣры всѣ изъ Св. Писанія[83]) и, слѣдовательно, легко могли заимствовать форму свою изъ оригиналовъ Греческихъ или Латинскихъ. *Неопредѣленность* въ словосочиненіи, подобно дательному самостоятельному, составляетъ также исключительную собственность лѣтописей, не попадаясь вовсе въ письменности правительственной: найде рана на Полочаны, яко некако бяше ходити по уличямъ, яко мнѣти вои множьство, а конемъ копыта видѣти (Нов. 1. 3), и бѣ видѣти яко и лѣсъ (ib. 59), тако бяше великъ пожаръ, яко мнѣти уже кончина (ib. 78), яко видѣти всей земли (Нов. 2. 121), морочно бысть вельми и звѣзды ви-

81) Zaboj, Slawoj a Ludiek, стихъ 294—298. Срв. Šafařik. Počatkowe Star. Česke Mluwnice. Uwod. k Wyb. z liter. Česke, стр. 76.

82) Мысли объ Ист. Рус. Языка, стр. 76.

83) Šafařik. ibid.. стр. 115, § 93. — Мысли объ Ист. Рус. языка, стр. 67, 88

дѣти (ib. 126), бяше слышати кричь (Нов. 4. 24); семъ бы разумѣти комуждо насъ (Нов. 1. 12), но уже бяше Божію гнѣву не противитися (ib. 51), увидѣ князь яко уже взяту быти граду (ib. 51). Въ современномъ языкѣ разговорномъ сохранились остатки подобнаго словосочетанія, напримѣръ: а было бы тебѣ не противиться; послѣдніе примѣры лѣтописные мы можемъ передать буквально нашимъ языкомъ, не измѣняя ни мало формы неопредѣленной: увидѣлъ князь, что быть городу взяту. Эти остатки, и при отсутствіи неопредѣленности въ актахъ правительственныхъ древнихъ, даютъ право смотрѣть на нее и въ лѣтописяхъ какъ на форму родную, а не заимствованную изъ источника чуждаго. Что касается до *винительнаго съ причастіемъ*, то, кажется, нельзя сомнѣваться въ его иноземномъ происхожденіи, проникнувшемъ только въ языкъ письменности, и то лишь церковной и лѣтописной, и бывшемъ рѣшительно неизвѣстнымъ говору народному. Въ самыхъ лѣтописяхъ, особенно древнѣйшихъ, онъ представляетъ значительную рѣдкость, сравнительно съ другими особенностями древняго языка, несомнѣнно жившими въ устахъ нашихъ предковъ, хоть и забытыми ихъ потомствомъ: слыша брата ята (Лѣт. Пер. 81), творяхуть я съвѣтъ дьржаще на свою братью (Нов. 1. 22), творяхуть е поизворы дѣюще (ib. 42).

3) Въ *словорасположеніи* древняго языка болѣе всего поражаетъ вольность въ разстановкѣ словъ, въ отдѣленіи ихъ другъ отъ друга нерѣдко тогда, когда, и по смыслу и по формѣ, они представляются тѣсно связанными между собою. Такимъ образомъ опредѣлительныя и дополнительныя слова стоятъ часто въ самомъ концѣ предложенія, несмотря на то, что слово, ими опредѣляемое, начинаетъ это предложеніе: Володиміръ иде на Емь съ Новогородьци сынъ Ярославль (Нов. 1. 2), ходи Ярославъ на Ятвягы, сынъ Святопълчь (ib. 6), Мстиславъ сынъ посади Новѣгородѣ Всеволода (ib. 4), Завидъ посадникъ Новог. умре Дъмитровиць (ib. 5), много добрыхъ мужь избиша въ Клинѣ Новгородьць (ib. 6), Яропълкъ сѣде на столѣ братъ Мьстиславль (ib. 6), поя у Якуна дъчерь у Мирославиця (ib. 16), испьса церковь на воротѣхъ архіепископъ Мартурій святыя Богородиця (ib. 23), мостъ снесе вода на Волховѣ великый (ib. 55). Зависящія слова весьма часто ставятся впереди управляющихъ ими: и князь ихъ

имѣніе заяше (ib. 3), оному же послушавшю поганаго льстивыхъ словесъ (Нов. 1. 79); подлежащее позади сказуемаго: въ то же лѣто прогнаста Изяслава въ Ляхы Святославъ и Всеволодъ (ib. 2). Еще болѣе замѣчательно отдѣленіе предлоговъ отъ словъ, ими управляемыхъ, словами, зависящими отъ послѣднихъ: у Святаго Духа съшьствья (Нов. 1. 13), на св. апостола Петра съпаденіе веригамъ (ib. 21), на моей братьи головахъ (Нов. 4, 131), въ князя великаго крестное чѣлованіе говоримъ (ib. 141), на Снѣтогорскихъ черницехъ дворѣ (Пск. 2, 192); предлогъ ставится и между двумя тѣсно-связанными словами, изъ которыхъ одно опредѣлительнѣе другаго: Кузмодемьяньскомъ въ Запольѣ (Нов. 2. 151). При опредѣленіи родства, отчество гораздо чаще ставилось прежде имени: отда дщерь свою за Рюриковича Ростислава (Лѣт. Пер. 101). Весьма любопытенъ и счетъ родства нашихъ предковъ, опредѣлявшихъ въ одномъ выраженіи нетолько имя отца, что̀ уцѣлѣло и до нашего времени, но и имя дѣда, и даже прадѣда: пояша зань Петровну Михалевича, т. е. дочь Петра, сына Михаилова (Лѣт. Пер.) 72), или: отда дщерь свою Всеславу за Ярославича Ростислава, внука Всеволожя Ольговичя (ibid. 100); такъ, въ четырехъ словахъ выразилъ лѣтописецъ прадѣда Ростиславова, Олега. Въ Греческомъ языкѣ этотъ счетъ также кратокъ, какъ и въ латинскомъ, но въ первомъ необходимъ членъ (τοῦ т. е. ὑιοῦ), въ послѣднемъ слово filius. О свободѣ мѣста въ употребленіи возвратнаго мѣстоименія *ся* сказано выше: почаша ся возити на одину сторону (Нов. 1. 57), мы ти ся кланяемъ (Собр. Госуд. Грам. и Дог.. Т. I, № 1), оже ся сопрутъ (ib. № 20), ся воевати (ib. № 19), что ся есть створило (Лѣт. Пер. 106).

Къ числу особенностей въ словорасположеніи нельзя не причислить и употребленія отрицаній, отличнаго̀ отъ языка современнаго. Особенность эта состоитъ въ томъ, что, при соединеніи нѣсколькихъ отрицаній при глаголѣ, на первомъ мѣстѣ стоитъ *не*, при всѣхъ слѣдующихъ словахъ *ни*, равное нашему *и не:* Нифонтъ его не вѣньця, ни попомъ на сватьбу, ни церенцемъ дасть (Нов. 1. 7), не покоришася Пльсковици имъ, ни выгнаша князя отъ себе (ib. 8), людей не выводи, ни грамотъ имъ даяти, ни... ни... (Собр. Госуд. Гр. и Дог., Т. I, № 1), а безъ посад-

ника ти суда не судити, ни волости раздавати, ни грамотъ давати (ib. № 7). Иногда въ первой половинѣ предложенія и нѣтъ отрицанія, но во второй употребляется *ни*, тоже въ значеніи *и не:* оттолѣ въспятишася въ Новгородъ, ни Ладожанъ ждавъше (Нов. 1. 42); нерѣдко *ни* замѣняетъ одно наше *и:* яко же не мочи ни копеви ступити трупіемъ (Нов. 1. 60), иконъ не всѣхъ успѣша выносити ни книгъ (ib. 66), ни отъ поганыхъ не бывало такого зла (ib. 96).

4) Въ *словоупотребленіи* древній языкъ отечественный заключалъ въ себѣ также весьма много особенностей, бо́льшею частью потерянныхъ не только въ современномъ языкѣ литературномъ, но и въ говорѣ простаго народа, тверже и долѣе удерживающаго все древнее. Между такими особенностями помѣстили мы слѣдующія: a) частое употребленіе прилагательныхъ именъ вмѣсто существительныхъ: тысячьское Жироху даша (вмѣсто званія тысячьскаго, Новг. 1. 56; срв. ibid. 61. 38. 44), не воздаютъ ни поклонное, ни полѣтное, ни становое, ни въѣздное, ни мимоходное (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 2. № 12); радъ иду къ вамъ (Новг. 1. 84); особенно распространено это свойство на прилагат. притяжательныя, вмѣсто родит. падежа существительнаго: зажьженіе градьное, погрáбленіе монастырское, до Новоторского взятья и т. п. (Новг. 1. 27, 28; Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 1. № 3). Замѣна родит. падежа существительныхъ именъ прилагательными притяжательными была въ большомъ употребленіи и въ древнемъ Чешскомъ нарѣчіи [84]). Свойство это, какъ увидимъ ниже, осталось и въ старинномъ языкѣ Русскомъ. b) Повтореніе словъ, будучи однимъ изъ самыхъ любимыхъ качествъ древняго синтаксиса вообще у Славянъ [85]), развилось у Русскихъ по преимуществу въ предлогахъ и союзахъ: по Ѳому посла по Доброщиниця по Новоторжьскый посадникъ (Новг. 1. 33), отъ кличницы отъ Олгины отъ Малюши (Пск. 1. 171), поидоша воевать о калекѣ о карпѣ о Даниловичѣ (ibid. 187), и въсташа чръныи люди на Ондрѣшка на Ѳедора, на посадника на Данилова (Новг. 1. 82), ходиша Новогородьци воевати на Нѣметскую волость съ Борисовымъ сы-

84) Šafařik. ibid. стр. 111. § 97.

85) ibid. стр. 117. § 100.

номъ, съ намѣстничимъ, съ тысяцскымъ съ Иваномъ Ѳеодоровичемъ, съ воеводами съ Михаиломъ Даниловичемъ, съ Юрьемъ Ивановичемъ, съ Іяковомъ съ Хотовичемъ (Новг. 1. 94); повтореніе союзовъ было не слабѣе: 8-церквей сгорѣло, а людей множество огорѣло, а животы безъ числа, а загорѣлось на Кузмодемьяньской улици, да и до коньца неревьского, да и конецъ (Новг. 2. 142). Говоря о любви къ повтореніямъ предлоговъ, нельзя не сказать и о разнообразіи ихъ въ древности относительно управленія и значенія, разнообразія рѣшительно неизвѣстнаго нашему языку литературному. Такъ, *по* въ значеніи *за* требовалъ винит. падежа, въ значеніи *послѣ* предложнаго: послашася Новогородьци по Святослава (Новг. 1. 8); потоцишя Кыеву коснятина и паки по немъ инѣхъ мужъ (ibid.); *противу* дательнаго и родительнаго безъ всякаго, однако, различія въ значеніи: противу Татаромъ, противу насъ (Новг. 1. 40); *межи* и *промежу—промежи* съ родит. и творительнымъ, иногда въ одномъ и томъ же предложеніи, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ: межъ Литвы и Кіева (Нов. 4. 52), стояша 3 дни межи себе (Нов. 1, 87), межи рожествомъ и крещеніемъ (ib. 9), межи Твѣрью и Новагорода (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1. № 5), промежи князьмъ Давыдомъ и Смольняны (Новг. 1. 19), промежи Тфѣрью и Кашиномъ (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I. № 18); промежи своего великаго княженья (ibid.). Къ числу предлоговъ принадлежали и напи нарѣчія: *мимо*, *возлѣ*, *подлѣ*, *отай*, изъ которыхъ три первыя требовали въ древнемъ языкѣ постоянно почти винит. падежа: мимо монастырь (Новг. 3. 243), мимо Торжокъ (Новг. 4. 67), мимо Глѣбовъ дворъ, мимо Кыевъ (Лѣт. Пер. 58. 65), мимо Николу, мимо Іерусалимъ (Новг. 2. 144, 145); возлѣ Великую рѣку, возлѣ Пскову рѣку, возлѣ старую стѣну (Пск. 1. 195, 196); подлѣ Великую рѣку, подлѣ рѣку (ibid. Лѣт. Пер. 56, 111); съвѣщавъшеся отаи всѣхъ (Новг. 1. 58), хотяша ввести Фрягы отаи бояръ (ibid. 27). Разнообразно было и значеніе предлоговъ: вмѣсто современнаго *за* обыкновенно употреблялось *по*: яшася Плъсковичи по брата его Святопълка (Новг. 1. 8); *изъ*: иныхъ Половци побиша изъ коня, а иного изъ порта (ibid. 40); *о*: прошаша послы о миру (ibid. 78), много паде головъ о Князи Юрьи (ibid. 71); *про*: клаша жребіи про игуменовъ (Новг. 2.

127); самъ предлогъ *за* имѣлъ значенія *по причинѣ*, *чрезъ* (=въ продолженіе): за умноженіе воды (Новг. 2. 138), за мало дній разсыпася (Новг. 1. 23); вмѣсто *для* говорили и писали предки *на*: мосты мостили по всѣмъ дорогамъ на Великаго Князя (Новг. 2. 153); *о* употреблялось въ значеніяхъ: *около*, *за*, *въ*, *подъ*: убиша ихъ Новгородьци не о трьхъ стѣхъ, паде головъ о стѣ къметьства (Новг. 1. 17, 19), поидоша воевать о калекѣ о Карпѣ (Пск. 1 137), ходиша на Емь молодьци о Вышатѣ о Василевици (=sub Лат.) (Новг. 1. 19), поиде на Низъ о царевѣ орудіи (ibid. 83), поднялъ Стень воевода о своемъ умѣ (ibid. 79), разумна о всемъ (ibid. 86); вмѣсто *въ продолженіе*, *въ—черезъ*: черезъ всю зиму не бысть снѣга (Новг. 1. 68); вмѣсто *въ сторонѣ*, *поодаль—кромѣ*: постави кромѣ храмины тои (Лѣт. Пер. 48). Относительно мѣста, занимаемаго въ предложеніи предлогами, должно замѣтить только о трехъ: *дѣля*, *ради* и *вмѣсто*; изъ нихъ два первые ставились бо́льшею частью, хотя и не всегда, позади управляемаго ими слова; послѣдній разлагался на составныя свои части, изъ которыхъ *въ* ставился впереди, *мѣсто* позади зависимаго слова: Святослава дѣля (Новг. 1. 9), милостыня ради (ibid. 90), въ покаяніе мѣсто, въ радости мѣсто (ibid. 66).

c) Въ употребленіи мѣстоименій встрѣчаемъ также особенности въ древнемъ языкѣ, касающіяся, впрочемъ, двухъ словъ: *что* и *кто*. Первое изъ нихъ употреблялось вмѣсто нашего *сколько* и *который*, послѣднее вмѣсто *который*: а что гости, иноземьця всякаго, языка, затворишася въ цьрквахъ, а что по монастыремъ и по всемъ цьрквамъ вся узорочья и иконы одраша (Новг. 1. 26), поими мужи Новогородьскы править товаровъ, что поималъ на Тържку (ibid. 41), погорѣ Пльсковъ весь, что ни есть дворовъ за стѣною (ibid. 77), на дружину ихъ, что была за моремъ (ibid. 85); изымаша Новогородцевъ, кто ходилъ на Юргу (Новг. 1. 73). *Какъ* и *якъ* употреблялись какъ мѣстоименія: кака есть сила крестьная (Новг. 1. 60); бысть страшно побоище, яко не видали ни отци, ни дѣды (ibid.).

d) Весьма частое употребленіе союза *и* составляло особенную любовь въ языкѣ древнемъ. Вотъ мѣсто наудачу изъ первой Новгородской лѣтописи: «Преставися въ Руси Всеволодъ, и сѣде

на столъ его братъ, Игорь, и сѣде 2 недѣли, и негодовахуть его людье, и въздаша вѣсть къ Изяславу Мьстиславичю Переяславлю, и приде съ вои и бишася и поможе Богъ Изяславу, и сѣде Изяславъ на столѣ, и Игоря самого яша 5 день по побоищи, и порубиша и (стр. 10). Въ значеніи союзъ *и* нерѣдко равнялось нашему *а*: тъгда же даша посадницьство Костянтину Микулъцицю, *и* у Нѣжатѣ отьмъше (ibid. 10); наоборотъ, иногда вмѣсто нашего *и* встрѣчается въ древнемъ языкѣ *а*: при архепископѣ Иліи, *а* князи Мьстиславѣ заложи Милонѣгъ цьрковь (ibid. 19), яко копимъ серебро и соболи и ина узорочья, *а* не губите своихъ смьрдъ и своей дани, *а* льстяще ими, *а* вое копяче (Новг. 1. 21). Въ то же время *а* имѣло значеніе и нашего *но*: творяхуть бо я съвѣтъ дьржаще на свою братью, а то Богови судити (ibid. 22); нашего *то*: не въсхотять ли его *и* ведете и опять къ мнѣ, а пакости не дѣйте Грьчьской земли (ibid. 27) *). Особенность составляетъ и союзъ *дажь*, иногда равный церковно-Славянскому *да*: дажь поговорять про вѣру (Новг. 1. 83), являющійся въ видѣ *даже* и употребляемый въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы обыкновенно ставимъ *если*: дажь еси брате тако сътворилъ, прости мене (Новг. 1. 27), даже буду виноватъ да буду ту мьртвъ (ibid. 37). Въ томъ же смыслѣ попадается и *аже*: аже выбѣжить къ вамъ (ibid. 40). Вмѣсто *ибо*, неизвѣстнаго въ древнемъ языкѣ Русскомъ, и вмѣсто *чтобы*, встрѣчается — *ать=оть*: оть поидемъ къ Нѣмечьскому царю (ibid. 27—28), ать изъмремъ честно за святую Софью (ibid. 62, вмѣсто *ать* въ спискѣ Академич. читаемъ *дажь*). Вмѣсто *если* употреблялось также *или*: выдаите ми Онанью, *или* не выдадите язъ вамъ не князь (Новг. 1 55). До-сихъ-поръ живущій въ народѣ союзъ *али* (=а не то), встрѣчается уже въ памятникѣ XIII столѣтія: али идемъ всь Новгородъ прогонитъ тебе (ibid. 61). Въ условномъ предложеніи, вмѣсто *если* въ началѣ, говорилось *ли*, вмѣсто *то*, во второй половинѣ предложенія, *а*: не въсхотять *ли*

*) Иногда *а* не имѣетъ яснаго значенія: поставиша въ Торжку церковь камяну *а* замышленіямъ богобоязнивыхъ купець (Новг. 1. 88). Онъ повторялся столь же охотно, какъ и *и*: а того бы еси ступился, а пошло бы то къ Новугороду въ старину, а про вончій судъ на порубежьи, и то отложилъ бы еси (ibid. 98).

его, *а* ведете и опять къ мнѣ (ibid. 27), а что на дъщькахъ, *а* (=такъ) то князю (ibid. 30), кая будеть обида межю нами, *а* о томъ шлемъ къ тебѣ на съѣздъ (ibid. 83). *Что* равняется иногда нашему *чтобы*: не думали есмы на брата своего на Луку, что его убити (Новг. 1. 83), цѣловаша крестъ, что отступитися Новогородьскыя отчины (ibid. 112). *Иже*, какъ союзъ, употреблялся въ значеніи *если*: а иже ваша вѣра будеть лучши, ино азъ иду въ вашу вѣру (Новг. 1. 83). Въ значеніи *и* издавна уже стало употребляться *да*: княжескый берегъ да Готьскый дворъ. Что касается до союзовъ: *чтобы*, *дабы*, *абы*, то происхожденіе ихъ изъ условнаго прошедшаго глагола *быти* и союзовъ: *что*, *да*, *а* объяснено выше. Появленіе ихъ въ неизмѣнной формѣ принадлежитъ времени болѣе позднему, не ранѣе XIII—XIV столѣтія. Что *абы* не можетъ считаться полонизмомъ, это видно изъ частаго употребленія его во всѣхъ сѣверныхъ лѣтописяхъ: Новгородскихъ, Псковскихъ, Переяславской, и изъ разнообразнаго значенія союза *а*. Вопросительный союзъ *чи=ци* извѣстенъ былъ также и на сѣверѣ: ци будетъ Кондратъ живъ (Новг. 1. 61), онъ же убоявься Новгородьць, чи прельстивъше мя имуть (ibid. 9). Наконецъ любимое *оже*, которое въ лѣтописяхъ встрѣчается тѣмъ чаще, чѣмъ древнее лѣтописный списокъ и чѣмъ древнѣе описываемое событіе: посла сынъ свой Ростиславъ, оже тои преже былъ.

е) Относительно употребленія нарѣчій останавливаюсь только на томъ, что̀ составляло исключительную принадлежность древняго языка отечественнаго, забытую вовсе въ наше время: сюда принадлежитъ употребленіе въ смыслѣ нарѣчія дательныхъ падежей: *домови*, *долови*, измѣненныхъ, впрочемъ, и въ самыхъ древнихъ памятникахъ въ форму: *домовь*, *доловь*, явившихся въ современномъ говорѣ въ видѣ: домой, долой. Отъ этихъ же словъ, какъ нарѣчія мѣста на вопросъ гдѣ, встрѣчается и предложный падежъ: *дому*, *долу*, къ которымъ можно причислить и *дну*, въ лѣтописи Переяславской: что бяше въ неи дну узорочій (стр. 94). Между нарѣчіями нельзя не дать мѣста и три раза встрѣченной мною частицѣ *нъ*. Во всѣхъ трехъ случаяхъ употреблена она при именахъ числительныхъ, въ значеніи чего-то неопредѣленнаго, почти вмѣсто нашего *около*, такъ:

тъ имаше на нихъ *нѣ* съ полуторы тысящи гривенъ (Нов. 1. 8), придоша Емь на Вежь ратью *нѣ* въ тысящи (ibid. 11), и бѣ у неи людіи *нѣ* 300 (Лавр. 75). Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что это та же самая частица, попадающаяся такъ рѣдко, и только въ самыхъ древнихъ спискахъ лѣтописей, отдѣльно, которая является въ сложеніи съ мѣстоименіями и нарѣчіями: нѣкто, нѣкоторый, нѣсколько и т. п. Объясненіе ея Прот. Павскимъ изъ мѣстоименія *и*, множ. числа вин. пад. (е=је, гдѣ *н* вставлено подобно тому, когда это мѣстоименіе въ косвенныхъ падежахъ ставится съ предлогами, и гдѣ *е* перешло въ *ѣ* единственно для отличія отъ отрицанія *не*), едва ли справедливо [86]). По-крайней-мѣрѣ въ приведенныхъ примѣрахъ не видно никакого слѣда мѣстоименія въ частицѣ *нѣ*. Что это *нѣ* употреблялось когда-то независимо, какъ и другія нарѣчія, это видно изъ отдѣленія, хоть, правда, довольно и рѣдкаго, *нѣ* отъ мѣстоименія, когда соединяется съ нимъ предлогъ: *нѣ* по колицехъ днехъ (Пск. 2. 6), *нѣ*скыими принесеть его отаи (Лавр. 90). Замѣчательно употребленіе нарѣчій: *близъ* и *мало* при отрицаніяхъ, равносильныхъ нашему: почти, чуть-чуть: и стоя близъ не весь день (Новг. 1. 9), казниша его ранами близъ смерти (ibid. 101), мало не до смерти убиша, мало же и крьви не прольяша межи собою, прогониша сторожи мало не до городища (Новг. 1. 9, 12, 60, 62), мало ся зла не учини межи ими (ibid. 76. срв. 81), города сгорѣ мало не половина (Лѣт. Пер. 104. срв. 14, 81, 94); вмѣсто нашего: *нимало не* читаемъ иногда въ лѣтописяхъ *нихудѣ*: нихудѣ покаемся грѣхъ своихъ (Новг. 1. 60). Отрицаніе *не* нерѣдко отдѣляется отъ глагола, съ которымъ должно быть соединено оно: да *не* въ клятву и неблагословеніе въпадуть (Лѣт. пер. 46).

Разсмотрѣвъ синтаксическія свойства древняго языка Русскаго, нельзя умолчать и о тѣхъ особенностяхъ въ оборотахъ рѣчи, которыя лучше всего характеризуютъ свободу и богатство языка, его легкость и удобность къ разнообразнымъ сочетаніямъ, которыя справедливо могутъ назваться идіотизмами языка отечественнаго въ древній его періодъ: а) Любовь выра-

86) Фил. Набл. 2 отд. 2 Разсужд. стр. 310—311.

жать нерѣдко двумя словами то, что̀ легко можетъ быть выражено однимъ, съ соблюденіемъ той же точности мысли. Такъ, вмѣсто *воевать* встрѣчаемъ *рать дрьжати*: почя Всеславъ рать дрьжати (Нов. 1, 4); вмѣсто *разграбить—взять на разграбленіе*; взяша на разграбленіе домы ихъ (ibid. 7, 61); вм. *сноситься* (съ непріятелемъ) — *держать перевѣтъ*: перевѣтъ дьржаще къ Святославу (ibid. 14); вм. *жаловаться — положить жалобу*: положи на нихъ жалобу велику (ibid. 43); *опустошить — положить пусту*: землю нашу пусту положиша (ibid. 46, 74, 80); *не гнѣваться — гнѣва отдать, не любье отложить*: Онаньи гнѣва отдаи (ibid. 55), не любье отложи отъ насъ (Нов. 4, 66), не имѣи до насъ гнѣва (Лѣт. Пер. 99); *разгнѣваться — възвергнуть гнѣвъ*: възверже гнѣвъ на Новгородъ (Нов. 1, 76); *нравиться — быть по любви*: и бысть ему рѣчь по любви съ Новгородьци (idid. 77); *гнѣваться—держать гнѣвъ*: дьржа гнѣвъ (ib. 99); *быть захвачену — быть въ изиманьи* (ib. 102); *удалить, прогнать — показать путь*: показаша путь сынови его по немъ (Нов. 1, 11), показаша путь князю Роману (Нов. 1, 15. Срв. ib. 16, 17, 18, 38, 47, 48); *бѣжать* (съ поля битвы) — *вдать плещи* (ibid. 35, 54, 91); *помирить — свести въ любовь*: съведе и владыка въ любовь (Нов. 1, 38); *почитать* и *кланяться — почитаніе и поклоны дрьжати* (Лѣтоп. Пер. 45); *помириться — не любье отложити* (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1, №№ 10, 11); *помрачиться* — бысть помраченіе солнцу (Нов. 2, 131). b) Выраженія тавтологическія, соединеніе двухъ словъ одного и того же корня, не допускаемое въ современномъ языкѣ литературномъ: безчисльное число (Нов. 1, 2), въспятися въспять (ibid. 48), отыниша тыномъ (ibid. 51), утвердиша твердостію несказанною (ibid. 67), пѣнія пѣти (Лѣт. Пер. 45). c) Наконецъ особенности, обнаруживающія яркую изобразительность и живописность языка, заключающія въ себѣ выраженія аллегорическія, отличающіяся своею вѣрностью и легкостью; напр., слѣдующія выраженія: утеръ пота, вмѣсто отдохнулъ, что̀ осталось до-сихъ-поръ въ нарѣчіи Польскомъ и что̀ такъ издавна употреблялъ народъ Русскій (Супрасльск. лѣтопись, Москва, 1836 г. стр. 12); вмѣсто *считать за ничто—не творить ни чьмъ*: Новгорода не творя ни чимъ (Нов. 1, 75); вм. *собственный — свой ему*: хотѣша и

убити свои ему пѣшци, осѣде Москву свой ему городъ (Лѣтоп. Пер. 66, 112); вм. *быть убиту* (во время битвы)—*костью пасть* (Нов. 1, 41, 50, 90, 101); отсюда понятно, почему остановиться на полѣ битвы, говорилось *стать на костьхъ* (ibid. 60, 92); *потерять все*, что принадлежало человѣку изъ міра веществ-наго—только *душею остаться*: Городчане только душею осташася (Нов. 1, 87), бояре Новоторжскіе прибѣгоша въ Новъгородъ только душею (ibid. 80); *зайти силою* вм. *захватить*: силою еси зашьлъ (Нов. 1, 45); *въгребоша* въ Ладогу вм. вплыли (ibid. 42); вм. *присягать* почти постоянно *цѣловать крестъ*: цѣловаша крестъ за единъ братъ (ibid. 38, 110), поэтому и привести къ присягѣ говорилось — *привести въ цѣлованіе*: въ цѣлованіе привести подъ своего сына Василія (ibid. 109). Въ заключеніе привожу цѣльное и превосходное аллегорическое выраженіе изъ лѣтописца Переяславскаго, въ которомъ такъ ярко и картинно изображается благотворная дѣятельность Св. Владиміра его мудрымъ сыномъ, Ярославомъ: «оцъ мои Русскую землю разоралъ, крещеніемъ и книгами насѣялъ и заповѣдьми възрастилъ, и закономъ пожалъ, и вѣрою утвръди, и заради духовныхъ житницахъ, а вы готовая брашна яжте и духовное питіе піите отъ камени, ежъ есть Христосъ» (стр. 46).

Таковы свойства древняго языка отечественнаго. Разсматривая его, мы не упускали изъ виду и послѣдовательнаго забвенія въ народѣ Русскомъ однихъ формъ, замѣны другихъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи памятникамъ, въ ихъ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Остается высказать результатъ нашего разсмотрѣнія, рѣшить приблизительно вопросъ: когда обнаружился переворотъ въ языкѣ Русскомъ, съ чего начался онъ, долго-ли продолжался и, наконецъ, заключить этотъ отдѣлъ разсужденія указаніемъ на время, когда языкъ отечественный явился уже окончательно преобразившимся, новымъ, сравнительно съ разсмотрѣннымъ нами древнимъ.

Начало потерь въ языкѣ восходитъ къ доисторической эпохѣ. Уже въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ нашей письменности, замѣчая полноту и богатство формъ, разнообразіе и опредѣленность въ звукахъ, мы не все, однакожъ, видимъ изъ того,

что, несомнѣнно, составляло его собственность когда-то, вмѣстѣ съ другими соплеменниками древнѣйшаго времени. Потери начались съ звуковъ, какъ и должно ожидать. Форма вкореняется глубже въ память народа, удерживается крѣпче въ его разговорѣ, менѣе подвергается и вліянію чуждому, оттого и въ наше время слышатся еще нерѣдко такія формы, которыя давно погибли не только въ языкѣ литературы современной, но и въ памятникахъ XV, XVI и слѣдующихъ вѣковъ. Другое происходитъ съ звукомъ: завися гораздо болѣе отъ условій природы физической, отъ говора сосѣдей, онъ подлежитъ бо́льшимъ колебаніямъ, періоды его превращеній совершаются быстрѣе, и вотъ почему въ то время, когда всѣ древнѣйшія формы представляются въ полной еще жизни, какъ въ памятникахъ Славянскихъ XI—XII столѣтій, нѣкоторые изъ звуковъ потеряны уже окончательно; отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не осталось и видимыхъ слѣдовъ въ письменности отечественной, такъ-что невольно приходишь къ заключенію, что время погибели ихъ не принадлежитъ эпохѣ исторической. Сюда относятся звуки носовые, прежде всѣхъ другихъ свойствъ первобытнаго языка Славянскаго исчезнувшіе въ языкѣ народа Русскаго. Позже, но также давно, обнаружилось смѣшеніе звуковъ *ъ* и *е*, такъ строго различаемыхъ въ памятникахъ литературы старо-Славянской. Уже въ первыхъ годахъ XIII столѣтія мы встрѣчаемъ совершенное ихъ равенство, какъ, напр., въ грамотахъ Смоленскихъ (1229 г.); это даетъ право заключать, что отсутствіе различенія обоихъ звуковъ утвердилось никакъ не позже XII вѣка. Непосредственно за смѣшеніемъ *ъ* и *е* стало обнаруживаться колебаніе въ звукахъ глухихъ и гортанныхъ; первые слѣды потери глухихъ являются не ранѣе XIII столѣтія: ихъ превращеніе происходило быстро, такъ-что къ концу XIV столѣтія исчезли они вовсе. Медленнѣе совершалось измѣненіе древняго характера гортанныхъ, начавшееся въ одно время съ гласными глухими, но и онъ во второй половинѣ XV вѣка сдѣлался анахронизмомъ, могшимъ существовать только на письмѣ, будучи совершенно забытъ въ народѣ, а посредственная смягчаемость *г*, *к*, *х* не сознаваема была болѣе и въ первыхъ годахъ XV столѣтія. Изъ формъ прежде всего началась потеря достигатель-

наго вида, прошедшаго простаго и двойственнаго числа. Первые признаки погибели достигательнаго явились съ началомъ XIII вѣка, и съ его концомъ эта форма исчезла совершенно: 1300 годъ послѣдній, въ которомъ однажды попадается — *гонитъ* вмѣсто позднѣйшаго неопредѣленнаго *гонити*. Раньше началось забвеніе прошедшаго простаго (съ XII вѣка), но за то нѣсколько долѣе оставалось въ памяти народной, хотя уже и рѣдко въ XIII — XIV столѣтіяхъ употреблялось въ письменности. Что касается до двойственнаго числа, то начатки неправильнаго употребленія его восходятъ къ концу XIII вѣка; но и послѣ, хотя безсознательно, формы его продолжали жить во весь XIV вѣкъ и даже XV. Современно съ двойственнымъ числомъ произошла потеря и древнихъ причастій неопредѣленныхъ, обратившихся въ дѣепричастія. Вотъ, въ немногихъ словахъ, періоды превращенія главныхъ чертъ древняго языка отечественнаго, извлеченные изъ разсмотрѣнія памятниковъ сѣверной Россіи. Всматриваясь въ нихъ внимательно, нельзя не видѣть, что XIII—XIV столѣтія составляютъ приблизительно эпоху, въ которую по преимуществу происходили эти превращенія; что въ пространствѣ этого времени бо́льшая часть формъ обнаружила свои потери и окончательно совершила ихъ. Такъ, безъ всякой предварительно составленной мысли, держась только однихъ источниковъ, мы пришли, на основаніи ихъ разбора, къ тому же заключенію, которое, два уже года тому назадъ, было высказано въ одномъ изъ достойнѣйшихъ сочиненій по Русской филологіи. Тамъ заключеніе это отнесено ко всѣмъ родственнымъ нарѣчіямъ Славянскимъ, и, по одной уже обширности задачи, должно представлять большею-частію только выводы предварительныхъ изслѣдованій, вполнѣ-понятные лишь знакомымъ лично съ письменностью Славянскою различныхъ вѣковъ; здѣсь оно касается одного отечественнаго языка, и легко могло сопровождаться изложеніемъ самаго процесса измѣненій, дающихъ возможность каждому провѣрить по фактамъ основательность мысли почтеннаго Русскаго филолога, составляющей блистательный шагъ еще въ юной Русской филологіи.

Такимъ образомъ, къ половинѣ или концу XV вѣка окон-

чательно осуществилась потеря древнихъ формъ: однѣ изъ нихъ погибли безъ всякой замѣны, какъ двойственное число, прошедшія простыя, достигательный видъ; другія смѣнились новыми и образовали изъ себя новый періодъ въ развитіи языка отечественнаго, періодъ языка стариннаго.

Б. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ ЧЕРТЫ ЯЗЫКА СТАРИННАГО РУССКАГО.

Подъ старинным языкомъ разумѣемъ мы языкъ, образовавшійся послѣ забвенія формъ и оборотовъ древнихъ и господствовавшій въ произведеніяхъ письменности отечественной съ XV вѣка. Начало его образованія совпадаетъ съ началомъ паденія языка древняго (XIII вѣка), а полное развитіе—съ послѣдними отжившими его остатками. Не будемъ думать, чтобы черты этого языка уцѣлѣли до нашего времени въ однихъ только письменныхъ памятникахъ: слѣды его живутъ во всей силѣ до-сихъ-поръ въ произведеніяхъ народной словесности, въ пѣсняхъ, сказкахъ и пословицахъ. Поэтому, вмѣстѣ съ лѣтописями (XV—XVI столѣтій), при краткомъ обзорѣ языка стариннаго, могутъ служить матеріаломъ произведенія и современной словесности народной, сохраняющія въ себѣ признаки старины, нерѣдко самой отдаленной.

Нѣтъ нужды подробно разбирать всѣ черты языка стариннаго, потому-что бо́льшая часть ихъ живетъ и въ современномъ нашемъ языкѣ; поэтому мы остановимся исключительно на однихъ особенностяхъ его, и притомъ болѣе-рѣзкихъ, оставляя частности до другаго времени. При этомъ нельзя прежде всего не обратить вниманія на остатки древніе, которые, подобно обломкамъ огромнаго роскошнаго зданія, безсознательно хранятся въ пѣсняхъ и пословицахъ народа, переходя неизмѣнно изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ отдаленныхъ предковъ и, какъ святыня, сберегаемые позднѣйшимъ потомствомъ. Сюда принадлежатъ: а) темные слѣды господствовавшаго нѣкогда смягченія гортанныхъ; такъ въ одной изъ пѣсенъ читаемъ: со *лузей* озеръ поднималися (сказ. Рус. пар. Сахарова, Т. 1, пѣсн. солдат. стр. 234): не ясный ли остатокъ употреблявшагося именит. множ. лузи (отъ лугъ), хотя и не-

правильно явившійся въ родительн. падежѣ. Еще очевиднѣе намекаетъ на древнее смягченіе извѣстнѣйшая въ народѣ пѣсня: «*Во лузяхъ, во лузяхъ, таки во лузяхъ, зеленыихъ лузяхъ*» и слово *мнози* въ одной изъ Русскихъ пословицъ (Рус. послов. Снегирева 3, 118); b) окончаніе *ове* въ именительн. множественнаго: Данила въ ровѣ испугалися львове (ib. Д. 47), или: напущалися Татарове на полки Государевы (Древ. Рос. стих. 288); c) окончаніе именъ животныхъ молодыхъ на *я*, вмѣсто общеупотребительнаго *енокъ*, съ удержаніемъ древняго нарощенія *т* въ склоненіи: нашему ль теляти волка поймати (Рус. Посл. Н. 307). Срв. порося, щеня, робя (=робенокъ), утя и т. п. (ib. Н. 387; У. 277, 287; Щ. 41, 42); d) въ формахъ удержалось окончаніе въ твор. муж. и женск. множ. *ьми:* нечего и костьми метать, чего нельзя сыскать (ib. Н. 1008); срв. дверьми, вѣстьми, гвоздьми, гостьми (ib. И. 99; сказ. Р. Н. Сахар. Т. 1, пѣс. ист. 253; Пѣс. обр. 259); e) творительный муж. на *ы—и:* велѣлъ похватить корабли съ тѣми товары заморскими (Древ. Рос. стих. 60), сидитъ Дюкъ со тѣми князи и бояры (ib. 26). Любовь къ этой формѣ творительнаго падежа усилилась еще болѣе, распространившись и на слова женскаго рода и на имена прилагательныя: со вдовы честны многоразумными (ib. 339); f) предложный муж. множ. числа на *ьхъ:* лучше быть въ попьхъ, чѣмъ въ холопьхъ (Рус. послов. Л. 172); срв. корыстѣхъ, домѣхъ (ib. П. 412, Ц. 18). g) Слѣды двойственнаго числа остались также, хотя и въ весьма ограниченномъ количествѣ примѣровъ; объ окончаніи *ма* въ творительн. множ. вмѣсто *ми*, говорили выше: со бѣлыма со лебедушкима; въ пословицѣ воробей сидитъ на тынѣ, надѣется на крыль (Рус. Пос. В. 208), сохранился и винительный двойственнаго. Всѣ эти особенности, кромѣ творительнаго множ. на *ы*, чрезвычайно рѣдки въ народной словесности, и не столько принадлежатъ къ чертамъ стариннаго языка, сколько представляютъ погасающую жизнь и послѣднихъ остатковъ языка древняго.

Между особенностями языка стариннаго останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе любовь его къ образованію словъ посредствомъ приставокъ предлоговъ. Оно такъ разнообразно, такъ любимо народомъ, что нерѣдко два, даже три предлога

примыкаютъ къ одному и тому же слову, чаще всего къ глаголу. Болѣе всѣхъ участвуютъ въ образованіи сложныхъ глаголовъ предлоги *изъ*, *на*, *по*, причемъ значеніе послѣдняго опредѣлить трудно: иступился (отступился), издръжали, изъѣхати: вы слова своего забывъ и не издръжали (Нов. 1, 105), изыска (Нов. 2, 143), изоспѣть (Нов. 3, 252), изстоять, измолвливаху (Нов. 4, 61, 147), не похотѣша другъ другу помогати (Нов. 3, 265), какъ имъ поискати (Нов. 1, 98), изнайдемъ (Нов. 1, 99). Участвуютъ предлоги *воз* и *роз:* возградиша, роздьяконъ (Пск. 1, 254). Глаголъ *имати* слагается съ предлогами безъ вставочнаго *н:* обоиманъ, разоимати (Нов. 4, 42, 87). Все это осталось до-сихъ-поръ въ словесности народной, принявъ еще обширнѣйшій размѣръ; такъ, напримѣръ: *по*раздати зыцьна голоса, попридати тоски жалости, *воспро*гнѣвалась, *призак*рыла, *прі*удрогнуло ретиво сердце, полишила меня красну дѣвицю (Моск. Вѣдом. 1852, № 49, статья Борисова); *призаи*ндивѣла, *призап*лесневѣла, *прі*одѣньте, *прио*кутайте (Снегиревъ, Руск. простонародн. праздники, Т. 2, стр. 83, 95). Подобное составленіе сложныхъ глаголовъ развито преимущественно въ пѣсняхъ историческихъ, напр., въ древнихъ Рос. стихотвореніяхъ, гдѣ оно встрѣчается едва не въ каждомъ стихѣ: посолъ *позад*умался, а и единое словечко *повы*говоритъ (стр. 126); мало время позамѣшкавши (75), скоро поѣзжала Чурилья по монастырю, изпроѣхала 300 келій (386). Въ именахъ существительныхъ замѣтно, съ одной стороны, употребленіе формъ краткихъ: *наукъ*, *опочивъ*, *кусъ*, *шитъ*, *скокъ*, *щаска* и т. п., съ другой, нельзя не видѣть и удлиненія ихъ, какъ *гремѣніе* вм. громъ (Нов. 3, 244), въ *звоненіе* вечернее вм. звонъ. Какъ особенный способъ составленія словъ, въ старинномъ Русскомъ языкѣ есть соединеніе съ кореннымъ словомъ отрицательной частицы *не:* разсмотрѣвъ *не*силу (Пск. 1, 175, Пск. 2, 2), *не*способье (Пск. 1, 192), *не*любье весьма часто встрѣчается и въ древнемъ языкѣ (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1. № 3). Сюда можно отнести и прилагательное *не*воискъ (Пск. 1, 264).

Между формами, представляющими отличіе сравнительно съ нашимъ языкомъ, замѣтимъ: а) частое употребленіе винит. множеств. мужескаго рода въ формѣ именительнаго, оставшееся

въ народной словесности отъ языка древняго до-сихъ-поръ: было столованье на многи князи и бояра и на Русскіе могучіе богатыри; они щуки, караси повыловили (Древ. Рос. Стих. 123, 157); дѣтки водить (Р. Посл. О. 111); b) строгое отдѣленіе прилагательныхъ опредѣленныхъ отъ неопредѣленныхъ, хоть только и въ одномъ единственномъ числѣ: во множественномъ онѣ уже смѣшались, кромѣ именительн. и винительнаго падежей: посередъ тиха Дона, до сѣдова бѣла волоса, на добра коня, тиху Дону, хозяину ласкову, въ золотъ стулъ, буйну голову, въ пустѣ городѣ (Послов. В. 574), на худѣ городѣ (ib. Н. 227); c) родит., дат. и предложный падежи единств. числа словъ женскаго рода удерживаютъ нерѣдко окончанія *ыя—ія* вмѣсто *ой, ей:* загонъ земли непаханыя, кумѣ его крестовыя, въ рученькѣ правыя, въ добычѣ богатырскія (Древ. Рос. Стих.); d) мѣстоименіе указательное *той* въ родит. един. женскаго рода имѣетъ окончаніе: *тыя* и *тое*; послѣднее равно принадлежитъ винительному единственнаго и множественнаго: со тыя горы со высокія, тое нощи, пнулъ Василій тое голову съ горы прочь, тое икону, и прибили казаки тое силы Бойдосскія (Др. Рос. Стих., Нов. 3. 213, 214). e) Неопредѣленное наклоненіе вмѣстѣ съ окончаніемъ *ть* сохранило въ старинномъ языкѣ, сохраняетъ и донынѣ въ простомъ народѣ, и древнее окончаніе *ти, чи:* особенно удачно имъ пользуется народъ Русскій въ своихъ пѣсняхъ и пословицахъ, придавая тѣмъ разнообразіе и легкость стиху, иногда образуя и рифму: чѣмъ мнѣко будетъ князя дарить, чѣмъ свѣта жаловати, нашему ль теляти волка поіймати, не стало свѣчи, не палецъ зажечи (Посл.). Гораздо-болѣе встрѣчаемъ особенностей въ синтаксисѣ языка старинпаго, и самыя особенности отличаются больше рѣзкостью и оригинальностью.

Въ *словосогласованіи* нѣкоторыя изъ свойствъ древняго языка продолжали жить и въ старинномъ. Такимъ образомъ подлежащее собирательное, хотя бы было и въ единственномъ числѣ, продолжало соединяться съ сказуемымъ во множественномъ: иная Нѣмецкая рать почали воевать (Пск. 263), Нѣмецкая сила жгутъ исады (Пск. 2. 34), остался суть несупротивный народъ (Нов. 4. 25), и весь народъ тому смѣялися, втапоры до-

несли народъ Кіевскій, его дружина купалися, собираются тутъ православный народъ (Древ. Рос. Стих. 149, 152, 174, 224.) Въ старинномъ языкѣ развилась любовь къ безличной конструкціи въ среднемъ родѣ; она осталась въ полной силѣ и въ народной словесности даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сказуемое прилагательное средняго рода стоитъ рядомъ съ подлежащимъ мужескаго: буря страшна была, лѣсъ ломало и хоромы рвало (Нов. 4. 132), черньци и черници все до наготы излуплено (Новог. 1. 90), много было на службѣ послужено, на печи было полежено (Сказ. Рус. Нар., Сахар. Т. I. Бѣс. Разг. 224), еловый пень отродчиво, а смердей сынъ непокорчиво (Послов. Е. 36), левъ страшно, обезьяна смѣшно (ib. Л. 33), медъ сладко, а муха падко (ib. М. 76), мужикъ хоть сѣро да збойливо (ib. М. 27). Неопредѣленность въ выраженіи не исчезла также, какъ въ старинныхъ лѣтописяхъ, такъ и въ современномъ разговорѣ: въ древнемъ языкѣ при неопредѣленномъ наклоненіи постоянно употреблялись *быть, бяше,* здѣсь *было*: Юрьеви и Ярославу не уити было (Нов. 4. 25), что было вамъ за мене пятися, а мнѣ было вамъ княземъ великимъ быти (ib. 142). Не обременяя излишними словами своей рѣчи тамъ, гдѣ она понятна и при немногихъ словахъ, народъ Русскій опускалъ все необходимое; отсюда понятно выраженіе: плака святая Покровъ (Нов. 3. 219), въ которомъ недостаетъ слова Богородица, съ которымъ, хоть и съ подразумѣваемымъ, соглашено, однако, въ родѣ прилагательное опредѣлительное *святая,* или еще: не бывало такъ отъ первыхъ владыкъ, будетъ и Псковъ сталъ, вмѣсто нашего: съ-тѣхъ-поръ какъ и Псковъ сталъ (Пск. 1. 209). Подобнаго рода выпуски особенно часты при исчисленіи родства, при отческихъ именахъ: преставися Андрей Александровичъ (сынъ) Невскаго (Нов. 3. 222), Миронъ Михаиловъ Кузмина (Нов. 2. 164). Отсюда понятно происхожденіе доселѣ существующихъ фамилій, прямо указывающихъ своею формою на родительный падежъ, какъ: Хитрово, Дурново, Солововo и т. п. Какъ въ приведенныхъ примѣрахъ изъ лѣтописей, такъ и въ послѣднихъ очевидно предполагается слово сынъ, вообще потомокъ. Такое опущеніе видимъ и въ слѣдующемъ примѣрѣ: Монастырь Ѳедоровъ Дмитрева, сына Сыркова. Въ языкѣ нашей литературы подобныя сочета-

нія терпимы быть не могутъ по очень ясной причинѣ: мы потеряли подвижность и совершенное равенство прилагательныхъ притяжительныхъ и родительныхъ падежей существительныхъ; въ старину, а также и въ древнемъ языкѣ и не въ одномъ Русскомъ, а вообще Славянскомъ, они были совершенно равны и употреблялись нерѣдко рядомъ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, наприм., въ выраженіи: на самъ Петровъ день и Павла (Нов. 2. 156). Такимъ образомъ не грецизмъ, какъ думаютъ нѣкоторые, а чистый славянизмъ заключаетъ въ себѣ правило Іоанна экзарха Болгарскаго, употребившаго въ своихъ образцахъ для склоненій вмѣсто родит. падежей прилагательныя притяжательныя[87]). Не сокращая предложенія, ограничивая его немногими словами, если и немногія достаточны были во всей полнотѣ передать желаемую мысль, народъ нерѣдко и одно предложеніе распространялъ на два, какъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Сергіева монастыря архимандритъ Памва, который былъ присланъ въ заточеніе, государь послалъ по него (Нов. 2. 167); по времени увѣдаша в. князя Ивана Васильевича роженіе его (ib. 148).

Въ *словоуправленіи* стариннаго языка встрѣчаемъ особенности, развившіяся тотчасъ послѣ начала паденія древнихъ формъ и исчезнувшія въ настоящее время совершенно въ языкѣ литературномъ, кое-гдѣ продолжая жить въ устахъ народа. Между ними занимаетъ мѣсто и сочетаніе именит. падежа съ глаголомъ дѣйствительнымъ вмѣсто винительнаго. Первый разъ попадается такое сочетаніе въ началѣ XIII вѣка; въ грамотѣ подъ 1229 г. читаемъ: правда узяти (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 2. №. 1). Но оно распространялось довольно-медленно и въ гражданской письменности, не говоря уже о лѣтописной: въ XIII столѣтіи, кромѣ приведеннаго примѣра, встрѣчаемъ именит. вм. винительнаго только одинъ разъ, въ грамотѣ 1270 года: та грамота дати ти назадъ (ib. T. 1. № 3); въ XIV, еще болѣе въ XV вѣкѣ подобное употребленіе сдѣлалось уже всеобщимъ, проникнувъ не только въ разсказъ лѣтописный, но и въ памятники церковные: како пріяти риза своя (Нов. 1. 58), вечерняя и заутреняя пѣти имъ

87) Іоаннъ экз. Болгарскій. Изд. Калайдовича, стр. 76—77.

(Нов. 2. 144), тая пять лѣтъ держати крѣпко (Иск. 1. 221), тако ему вся таль купити (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1. № 12), поученіе отецъ нашихъ скитскихъ ко инокомъ како имѣти чистота душевная и тѣлесная (Оп. рук. Рум. Муз. стр. 626). Въ народной словесности оно попадается тѣмъ чаще, чѣмъ болѣе старины заключается въ содержаніи и въ характерѣ произведенія, и чѣмъ долѣе поддерживается въ немъ неизмѣнность стариннаго вида, какъ напр. въ пословицахъ: здержати вся земля свято русская, отворити темна келья, береза крутити (Прибавл. къ Извѣст. 2 отд. Ак. Наук. Листъ 1. Пѣсни начало 17 вѣка 1, 3, 4), подъ старость надо душа спати (Древ. Рус. Стих. 189), есть у меня дума съ тобой подумати (Моск. Вѣд. 1852. № 49 стат. Борисова), кунья шуба шити (Шевыревъ, Поѣзд. въ Кир. Бѣлоз. Монастырь ч. 2 стр. 109, изъ образцовъ для нарѣчія города Кириллова), женѣ скажите своя волюшка (Сказ. Рус. Нар. Сахар. Т. 1. Пас. Разгульн. 248), безъ денегъ вода пить; Волга плыть долго, а Дунай широко; палить свинья, накормить семья; прудить рѣка, не будетъ грѣха; рука приложить и душа положить (Рус. Послов. Снегир. Б, В, П. 5, П. 510, Р. 158). Г. Калайдовичъ, касаясь управленія глаголовъ въ старинномъ языкѣ, говоритъ, между прочимъ, и о требованіи именительнаго вмѣсто винительнаго, прибавляя притомъ, что это свойство, будучи обыкновенно въ Древнихъ Рос. стихотвореніяхъ, употребляется до-сихъ-поръ въ Сибирскихъ нарѣчіяхъ и въ Екатеринбургской Губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по его мнѣнію, такая особенность замѣтна и въ ц. Слав. памятникахъ. Для примѣра приводитъ онъ слѣд. выраженія: «всади мужа на конь» и «тогда приведоша къ Нему дѣти [88])». Но эти примѣры не доказываютъ ничего въ пользу г. Калайдовича; въ нихъ не именительные падежи (конь, дѣти), а винительные, почти постоянно въ языкѣ старо-Славянскомъ имѣвшіе одинаковую форму съ именительными въ словахъ мужескаго рода, какъ одушевленныхъ, такъ и неодушевленныхъ предметовъ, что̀ существовало и въ древнемъ Рус. языкѣ, о чемъ говорили мы на своемъ мѣстѣ. Отличить такимъ образомъ винит. отъ именит. въ нарѣчіи старо-Славянскомъ

88) Труды Общества Любит. Рос. Слов. 18. 24. Т. 4. стр. 59—90. примѣчанія

возможно лишь въ словахъ женскаго рода и въ тѣхъ мужескаго, которыя имѣютъ окончаніе женское (на а), напримѣръ: встрѣчати своего батюшка (Приб. къ Изв. 2 отд. Акад. Н. Пѣс. 1.). Кромѣ того, на основаніи всѣхъ доселѣ извѣстныхъ случаевъ подобнаго управленія, обнаруживается тотъ общій законъ, что именит. вмѣсто винительнаго бываетъ единственно при неопредѣленномъ наклоненіи, и слѣдов. въ приведенныхъ примѣрахъ г. Калайдовича не должно быть и мѣста именит. вмѣсто винительнаго. И вообще должно замѣтить, что, принимая во вниманіе древнѣйшіе списки ц. Славян., въ нарѣчіи церковномъ, мы ни разу не встрѣчаемъ этой особенности. Она есть идіотизмъ Русскій, который, конечно, прокрадывался и въ памятники духовные, но уже позднѣйшіе, сколько мнѣ извѣстно, не ранѣе XIV—XV столѣтія, слѣдовательно съ-тѣхъ-поръ, какъ древній Рус. языкъ перешелъ въ старинный. Правда, встрѣчается и муж. родъ въ именительномъ вмѣсто винительнаго, напримѣръ: лѣнивый и по платью знать (Послов. Л. 238); но здѣсь *знать* употреблено, по свойству простонароднаго языка Русскаго, вмѣсто причастія страдательнаго: знаемъ (=извѣстенъ); подобныя выраженія попадаются и въ Древ. Рус. Стихот., какъ: знать де полетка соколиная, видѣть де поступка молодецкая (172), или: какъ днемъ то стрѣлочекъ не видѣти (25). Глаголы, сложенные съ предлогами, большею-частью потеряли принадлежавшее имъ въ древности свойство сочиняться непосредственно съ тѣмъ или другимъ падежемъ, допустивъ въ языкѣ старинномъ повтореніе предлоговъ. Однакожь, два глагола: наѣхать и дойти (—доходить) удержали и въ немъ непосредственное управленіе: наѣхаша его въ Мурманьской земли, (Нов. 1. 79), наѣха Анфала (Нов. 4. 141); наѣха посла (Пск. 1. 234), наѣхаша его (Пск. 2. 24), наѣхаша дорогу ихъ (Лѣт. Пер. 80), наѣдутъ насъ (Собр. Гос. Грам. и Дог. Т. 1. №. 20), наѣхалъ онъ слѣдъ бродучій (Древ. Рос. Стих.); сюда же принадлежитъ и глаголъ *изъѣхати*: бѣ бо изъѣха его (Лѣт. Пер. 64); дошолъ чортъ броду (Послов. Д.), по ниткѣ и клубка доходятъ (ibid. П. 195). Остались слѣды и дательнаго падежа, безъ предлога *у*, при глаголѣ существительномъ: лѣнивому болитъ въ хребтѣ (Послов. Л. 234); глаголъ *простити*, въ значеніи исцѣлить, продолжалъ требовать твори-

тельнаго падежа для словъ, выражающихъ болѣзнь: Никита епископъ жену простилъ очною болѣзнію (Новг. 2. 156), у тѣлесѣ Никиты простилъ Богъ женушку очима (ibid. 158; (Новг. 3. 150, 151); но древнее управленіе глагола *женити* и выраженіе: *поняти жень* погибли совершенно въ языкѣ старинномъ; вмѣсто нихъ встрѣчаемъ такого рода предложенія: жени сына своего у В. князя Тверскаго, поятъ за него Марію (Новг. 4. 131, 134, 135, 155), хощу пояти дщерь твою себѣ жену (Пск. 1. 177). Падежи безъ предлога также пропали вовсе, какъ для обозначенія мѣста, такъ и времени: при именахъ городовъ также сдѣлались необходимы предлоги, *въ* или *къ*, какъ прежде они были излишними, даже очевиднымъ отступленіемъ отъ основныхъ правилъ древняго языка Русскаго. То же самое должно сказать и о словахъ, выражающихъ время. Правда, встрѣчаются иногда и въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ: зимѣ, веснѣ (Пск. 1. 157, 202), но это одна подражательность древнему слогу лѣтописцевъ; будучи чуждымъ современному выговору послѣдняго писца или переписчика; по-крайней-мѣрѣ даетъ право заключать подобнымъ образомъ преобладающее большинство случаевъ съ предлогами, или позднѣйшимъ творительнымъ и родительнымъ падежемъ: *въ осенинѣ* и *на зимѣ* встрѣчаются уже въ первой Новогород. лѣтописи (стр. 57, 58, 112). *Долови* и *домови* потеряли тоже сознаніе о своемъ происхожденіи, начавши довольно рано измѣняться въ новую: *долой*, *домой* (Новг. 4. 40, Пск. 1. 181, 258).

Въ *словоупотребленіи* встрѣчаемъ особенности, частію общія съ древнимъ языкомъ, частію принадлежащія старинному языку исключительно. Сюда принадлежитъ: а) любовь къ повторенію однихъ и тѣхъ же словъ, одного корня: месть мстиша за тыя головы неповинныя (Пск. 1. 218), пословали посольство (ibid. 266, 267), мосты мостили (Новг. 2. 158), избѣчествовавъ безчестьемъ (Пск. 1. 236), срв. звонить звоны (Сказ. Рус. Нар. Сахар. Т. 1. Пѣсн. Свад. 118), похвалой похвалятися, кличь кликати (ibid. Пѣсн. Семейн. 202), отшутила съ вами я всѣ шутки шутливыя (ibid. П. Свадеб. 153), не сильная туча затучилася (Приб. къ Изв. 2 отд. Ак. Н. Л. С. Пѣсн. 5), въ угонъ гопится (Моск. Вѣд. 1852. № 49); любовь къ тавтологіи рас-

пространилась и на употребленіе словъ синонимическихъ въ одной и той же формѣ, съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ: всему роду, всему племени; со своимъ родомъ—племенемъ (ibid.), попридати тоски жалости (ibid.); не путемъ еси не дорóгою (Приб. къ Извѣст. Пѣсн. 6), срв. Крымскій царь побѣжалъ отъ насъ невирно не путми не дорóгами (Новг. 5. 173). b) Употребленіе прилагательныхъ притяжательныхъ вмѣсто родительн. пад. существит. продолжалось и въ старинномъ языкѣ: взятіе Московское (Новг. 4. 84), взятіе Смоленское (ibid. 110), скорбь пожарная (ibid. 122), на обидномъ мѣстѣ (Пск. 1. 212. 218), отъ огня громнаго (ibid. 218), пожарная заря (Новг. 2. 122), звоненіе вечернее, нашествіе водное, мостное строеніе, нашествіе ледное, возмущеніе водное, ограда садовая, на первомъ часу ночномъ, чтеніе грамотнаго (=грамоты, ibid. 126, 138, 139, 156, 171), стѣна градная (Новг. 3. 208), до запада до солнечнаго (Новг. 2. 124). c) Въ значеніи мѣстоименій произошло измѣненіе для словъ: *который*, *той* и *что*. Мѣстоименіе *который* стало употребляться нерѣдко вмѣсто *нѣкоторый*: полежавше время на одрѣ колико которыи и вставша (Новг. 1. 108); иногда вмѣсто *какой*: егда бо внидяше гдѣ въ какой градъ или осподу (Новг. 4. 61), не отдаться ни которою хитростію (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1. № 20). Въ послѣднемъ значеніи мѣстоименіе *который* начинало обыкновенно и предложеніе, оставляя мѣсто указательному мѣстоименію, *той*, во второй половинѣ предложенія, что и представляетъ совершенно обратный видъ, сравнительно съ современнымъ литературнымъ языкомъ: а которая жена подлегла, тую въ домъ взяти церковный (Лѣт. Пер. 42); а которая села покуплена, на тѣхъ селѣхъ куны имати у истця (Собр. Гос. Грам. и Дог., Т. 1. № 16); иногда указательное мѣстоименіе въ такомъ случаѣ соединяется съ первымъ предложеніемъ союзомъ *и*: а которые не крестятся и на тѣхъ рать распустилъ (Нов. 3. 226). Мѣстоименіе *той*, имѣющее въ литературномъ языкѣ свое опредѣленное мѣсто, какъ указательное при предметахъ близкихъ, въ языкѣ старинномъ зачастую употреблялось безъ всякаго указанія, будучи особенно любимымъ при словахъ опредѣлительныхъ: и отъ грозы тоя страшныя, и отъ возмущенія того великаго (Нов. 1. 108); чаяху тоя бѣды

избыти великія (Нов. 3. 244); отъ скорби тоя пожарныя (Нов. 4. 122). *Что*, какъ и въ древнемъ языкѣ, употребляется въ смыслѣ *который*: отпусти, что въ изниманьи были (Нов. 4. 49); архіепископъ Мартурій, что былъ въ Спасскомъ монастырѣ игуменомъ (Нов. 3. 217)[89]). d) Между нарѣчіями въ языкѣ старинномъ особенно распространились нарѣчія числительныя порядочныя: первое, другое, третьее (Нов. 4. 27, 39; Пск. 2. 26); а также и количественныя: одиною, дважды (Нов. 4. 66, Соф. 1. 86). Древнія окончанія на *ѣ*: лютѣ, злѣ, добрѣ, оставались и въ старинномъ языкѣ; остались частью и до-сихъ-поръ въ говорахъ народныхъ. Особенно обнаружилось для нарѣчій окончаніе *ѣе*: назавтрѣе (Нов. 4. 74), и кончѣе (=наконецъ) самого на 1000 рублевъ продали (Пск. 1. 236). Здѣсь же нельзя не замѣтить и страннаго употребленія въ Софійской лѣтописи вмѣсто *кѣде* — *куда*, вмѣсто *тамъ* — *туда*: куда же древле погани жряху бѣсомъ на горахъ, туда же нынѣ церкви стоять (Соф. 1. 86); наоборотъ, вмѣсто *куда* — *кѣдѣ*: потопе иное все въ погребѣхъ, иное на площадѣхъ, что гдѣ выношено (Нов. 1. 78). e) Повтореніе предлоговъ усилилось еще болѣе въ языкѣ старинномъ какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ народныхъ произведеніяхъ: пиръ *у* посадника *у* степеннаго *у* Василья Есиповича (Нов. 2. 142); *при* игуменѣ *при* Ефремѣ *при* Шумлян (ib. 159); особенно оно часто при эпитетахъ или словахъ опредѣлительныхъ: съ церкви съ каменной, изъ церкви изъ теплыи, въ стѣны въ каменой, за городомъ за деревянымъ (ib. 152, 155, 156); съ всими городы съ Нѣмечькыми, отъ васъ отъ великихъ князей (Соб. Гос. Гр. и Дог., Т. I. №№ 8, 20). Значеніе предлоговъ разнообразилось тоже, оставшись столь же разнообразнымъ и досихъ-поръ въ языкѣ простаго нашего народа. Такъ *по* употребляется въ смыслѣ *за* съ творительнымъ: послаша по Ерослава; пріѣзжалъ съ Москвы по казну (Нов. 2. 127, 164); *про* въ значеніи *за* съ винительнымъ: дружа гнѣвъ про Волжанъ на Новъгородъ, клаша жеребій про игуменовъ (Нов. 2. 127); *за* вмѣсто нарѣчія сравнительнаго *какъ*: Ноугородци цѣловаша крестъ за

89) Все это сохранилось и въ народной словесности. См. О преподаваніи отеч. языка, Буслаева. Часть 2, стр. 141—164.

единъ братъ (Нов. 2. 140); и цѣловаша крестъ ко всему Новугороду за единъ человѣкъ (Нов. 1. 77); *на* вмѣсто *въ*: постави церковь на единъ день (Нов. 1. 140); наоборотъ, *въ* вмѣсто *на* цѣлова крестъ и въ животъ и смерть (Нов. 3. 107). Предлогъ *уз*, въ словѣ *узвышь* (Пск. 2. 16), достоинъ замѣчанія, какъ рѣдкость въ языкѣ Русскомъ.

В. МѢСТНЫЯ ОСОБЕННОСТИ НАРѢЧІЯ НОВГОРОДСКАГО.

Мы разсмотрѣли, сколько позволяли намъ средства, черты древняго языка Русскаго, на основаніи сѣверныхъ лѣтописей и другихъ памятниковъ древнихъ; показали время, когда обнаружилось впервые паденіе этихъ чертъ, какъ постепенно развивалось оно, принимало бо́льшій и бо́льшій объемъ, и наконецъ прекратилось отчасти замѣною стараго новымъ, отчасти удержаніемъ перваго до-сихъ-поръ въ говорѣ простаго народа. Не будемъ, однакожь, думать, чтобы и до обнаружившагося паденія тѣ черты древняго языка въ одинаковой степени принадлежали всему сѣверу, чтобы и въ древности, даже глубокой, не было ужь никакого отъ нихъ уклоненія. Тѣ же самые источники, которые дали намъ возможность охарактеризовать древній языкъ Русскій, представляютъ въ значительной массѣ и особенности, указывающія рѣшительно на присутствіе говоровъ областныхъ, принадлежащихъ исключительно одной мѣстности, и выказавшіяся въ языкѣ отечественномъ съ незапамятныхъ временъ. Самый богатый разнообразіемъ, рѣзкій по особенностямъ, древній по происхожденію, есть говоръ области Новгородской. Обширность пространства этой области въ старину, важность первой столицы Руси въ торговыхъ оборотахъ, немогшихъ остаться безъ вліянія на языкъ, тѣсныя и многостороннія связи ея со всѣмъ древнимъ сѣверомъ, частыя посѣщенія Новгородцами отдаленнаго сѣверо-востока, заведеніе и распространеніе тамъ колоній, а вмѣстѣ и своего нарѣчія, даютъ и право, возлагаютъ и обязанность на Русскаго Филолога прослѣдить его историческую судьбу, на сколько позволяютъ сдѣлать это уцѣлѣвшіе до нашего времени памятники этого края. Перечитывая сѣверныя лѣтописи, грамоты, договоры и акты, до послѣднихъ годовъ

XV столѣтія, я не могъ не подмѣчать и особенностей нарѣчія Новгородскаго, и что̀ нашелъ въ нихъ замѣчательнаго, предлагаю вниманію читателя.

Къ числу самыхъ замѣчательныхъ свойствъ нарѣчія Новгородскаго принадлежитъ любовь къ замѣнѣ однихъ гласныхъ другими и къ смѣшенію сродныхъ согласныхъ. Отсюда, гласныя широкія замѣняются нерѣдко узкими, и наоборотъ. Такъ, звукъ *ы* въ окончаніяхъ словъ измѣняется почти постоянно въ ѣ (=е): рѣкѣ возъ (Новг. 1. 33), изъ Русѣ, изъ Хревъковѣ улици (ibid. 22), Мирошкѣ, Ѳомѣ, Окѣ (род. пад. един. ibid.), грамотѣ (idem. Собр. Госуд, Грам. и Дог. Т. 1. № 13), въ новеи городокъ (Иск. 2. 22). Въ *е* обращается и звукъ *и*: а) въ окончаніяхъ падежей: святого Илиѣ (Новг. 1. 1), на пришетѣ, жонке (имен. множ. Иск. 2), въ окончаніяхъ существительныхъ и прилагательныхъ на *ій:* жеребей, вешней, настоящей (Новг. 1. 94; Новг. 3. 207), особенно въ именахъ собственныхъ: Антоней, Аркадей, Григорей, Гепадей, Арсеней (или Григорѣй, Алексѣй, вообще ѣ=е), и всѣ на *скій*: свьискѣи, новогородскѣи (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 1. № 15), опоцкей, городицкей; с) *и* постоянно переходитъ въ *е* или *ѣ* въ прошедш. врем. множественнаго числа: осѣлѣ (Новг. 1. 34), былѣ (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 1. , № 18), въдале, взялѣ, творилѣ, доконцялѣ, спустилѣ (Допол. къ Акт. Истор. Т. 1. №№ 5, 7). Въ нѣкоторыхъ словахъ *и* совершенно опускается: пхать (Новг. 3. 207), псать (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 2. № 1); однажды замѣнилось посредствомъ *е* въ началѣ слова и *ы* въ срединѣ: емати вмѣсто имати (Собр. Гос. Грам. и Дог. Т. 1 № 9), товарыщь (Новг. 3. 211). нерѣдко посредствомъ *о* въ глаголѣ *плыть*: пловя (Иск. 1. 175) и постоянно посредствомъ *ю* въ словѣ *либо* вмѣсто нашего либо; одинъ разъ опущено въ словѣ *едно* (Новг. 3. 139). Звукъ *ъ* издавна пропалъ въ говорѣ Новгородскомъ, будучи замѣненъ звукомъ *и*, подобно нарѣчію Малороссійскому. Правда, онъ продолжалъ иногда писаться въ памятникахъ, но только какъ ороографическій знакъ, безъ особеннаго своего звука. Отъ того и произошло, что онъ встрѣчается преимущественно тамъ, гдѣ вовсе ему не должно быть, и, наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, по требованію древней фонетики, должно

стоять *ѣ*, весьма часто находимъ *и*: съмѣренъ, освѣтѣвъ (Новг. 1. 22, 29), Чернѣговъ; и съ другой стороны: на Днѣпри, сиверъ (Новг. 2. 122), сиверный (ibid. 149), сгорило, загорилось (ibid. 157, 158), отпили, за рикою, обидня, смотрилъ, литописця (ibid. 166, 169), всихъ, въ плътникихъ (Новг. 1). *Е* въ началѣ словъ, преимущественно собственныхъ, переходитъ въ *о:* Олисѣи (Новг. 1. 91), Омельянъ (ibid. 110), опитемью (ibid. 62), Олена (Новг. 4. 27); въ памятникахъ позднѣйшихъ (XV—XVI вв.) совершился этотъ переходъ и послѣ звуковъ — *ж*, *ч*, *ш*, *щ:* чоло, подшодъ, сажонъ, въ общомъ (Новг. 4. 148, 150, 154), жолоза, богомольцовъ, шостый (Пск. 2. 14, 33), ничово, нашого (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1. № 13). Однажды въ Новгородской 4 лѣтописи встрѣчается *попель* вм. пепелъ (стр. 88, срв. popiol). Звукъ *е* нерѣдко совершенно поглощается и замѣняется на письмѣ посредствомъ *ь*: сьменъ, ольшья, шьи, змьи (Новг. 1. 9, 29, 40); это превращеніе *е* въ *ь* въ однихъ словахъ вознаграждается совершенно обратнымъ явленіемъ въ другихъ, гдѣ замѣчаемъ замѣну его гласными чистыми: пожиди вм. пожьди (Новг. 1, 9), здѣся вм. здѣсь (Новг. 1. 213).

Подобно звуку *е*, и *а* въ началѣ именъ собственныхъ обыкновенно превращалось въ *о:* Онтонъ, Олексій, Описимъ, Олександръ, Онанья, Ондрей и т. д.; нерѣдко *о* замѣняло *а* и въ серединѣ словъ: Лазорь, Оѳонасъ (Новг. 1. 43, 71). Эта любовь къ звуку *о* сохранилась до позднѣйшихъ временъ, и не только въ Новгородской губерніи, но и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя были связаны нѣкогда тѣсными узами съ великимъ Новымъ-городомъ, какъ Старица, Бѣжецкъ, Торжокъ, Ржевъ и др. Нарѣчія: тогда, когда, куда, туда давно произносились: тогды, когды (Новг. 4. 67), куды (Новг. 1. 43), туды (Собр. Госуд. Гр. и Дог. Т. 1. № 8); и какъ *ы* довольно часто обращалось въ *ѣ* (=е), то и вмѣсто куды явилось *кудѣ* (Пск. 2).

Звукъ *о* обнаружилъ довольно давно уже переходъ въ *у*, сколько можно заключать по словамъ: архепискупъ, микула и микулинъ (Новг. 1. 47). Замѣна *о* посредствомъ *у* продолжается и доселѣ въ огромныхъ размѣрахъ въ Тверской губерніи, гдѣ простой народъ почти каждое *о* безъ ударенія произноситъ

какъ *у: пужалуста пуйдемъ думой*. Какъ, съ одной стороны, есть примѣры въ памятникахъ перехода *о* въ *у*, такъ, наоборотъ, въ тѣхъ же памятникахъ *у* замѣняется иногда звукомъ *о*: съдомавъше (Новг. 1. 15), литоргія (Новг. 3. 236). Не менѣе издавна стало приставляться *о* и къ предлогу *послѣ*: опосли (Новг. 2. 171).

Я весьма часто въ началѣ словъ обращаемое вообще въ нарѣчіи Русскомъ въ *е*, какъ: езыкъ, едро и т. п., обнаружило это сродство съ *е* еще въ XIII—XIV вѣкѣ, а, можетъ быть, и ранѣе въ говорѣ Новгородскомъ: ѣзвьни=язвени (Новг. 1. 13), Ерославъ (Новг. 2). Стремленіе къ стѣсненію гласныхъ выразилось въ замѣнѣ *ѣ* посредствомъ *ь* и *у* посредствомъ *ю*: Дънѣпрь (Новг. 1. 32), Днѣпрю, Митрофаню (ibid. 31, 32), княжню (Новг. 4, 147). Едва ли не та же причина произвела и *межи*, *промежи* вмѣсто древнѣйшаго межю, промежю и позднѣйшаго межу, промежу. При этомъ нельзя не сравнить совершенно подобнаго явленія въ нарѣчіи Чешскомъ, гдѣ, послѣ согласной мягкой, *у* обыкновенно превращается въ *и*: lid (=lud), libo (=lubo), mezi (=mezu). Переходъ *у* въ *и* повторился и въ другомъ нашемъ словѣ, *либо*, постоянно писавшемся въ древнихъ памятникахъ въ видѣ *любо*, такъ точно, какъ и въ произведеніяхъ древней словесности Чешской встрѣчаемъ: mezu, ludny и др., что въ современномъ говорѣ составляетъ уже неправильность (se bratroma rozieśite prawdu, jaże wadila se o djediny otnie *mezu* sobu. Sud. Lub. строк. 57—59; slyšechu to krali na zahodie, eż cham spieie na *ludne* jih wlasti. Kild. Rukop. Jaroslaw, стих. 41—42). Полногласіе, составляя отличительную черту языка Русскаго передъ другими соплеменными нарѣчіями, въ говорѣ Новгородскомъ распространялось даже за предѣлы тѣхъ случаевъ, въ которыхъ обыкновенно допускалось оно; такъ напр. Роговолодъ, Рогонѣдь, четверетка и т. д. (Новг. 2. Пск. 1. 175, Пск. 2. 44), обоволодѣ (Новг. 3. 264).

Между звуками согласными, упомянули мы выше, замѣтно уже изстари обыкновеніе смѣшивать, правильнѣе, замѣнять сродныя согласныя одни другими. Такъ, *з* и *ж* очень часто стоятъ другъ вмѣсто друга: князяще (Пск. 2), зелеза (ibid. 30), новоторзьскыи (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 1. № 10), и на-

оборотъ: княжья (Новг. 1. 19, 20), суждальскій (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 1. № 1), покажненъ (Соф. 1. 98), пожне (=зне) (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 1. № 1). Сродство звуковъ *г* и *з*, обнаруживаясь безпрерывно въ формахъ грамматическихъ древняго языка, проявляясь и до-сихъ-поръ въ нарѣчіи Малорусскомъ, въ говорѣ Новгородскомъ выказалось въ первоначальной формѣ, въ замѣнѣ *з* буквою *г*, какъ: польга, нельга (Новг. 1. 5). Только этимъ смѣшеніемъ буквъ *з* и *г*, кажется, и можно объяснить попадающіяся по одному разу: подъвѣгли вмѣсто подвезли (Новг. 1. 43) и пріѣзгя вм. пріѣзжая (Пск. 1. 261). Здѣсь звукъ *жс*, по обыкновенію смѣшивать его съ *з*, перешелъ сначала въ *з*: пріѣззя, а потомъ, черезъ этотъ послѣдній, по сродству его съ *г*, могъ явиться и въ видѣ *г*. Гортанные *г* и *к* подверглись въ говорѣ Новгородскомъ совершенному извращенію сравнительно съ древнимъ ихъ характеромъ оставаться всегда твердыми и не сочетаваться иначе, какъ только съ гласными широкими. Въ Новгородскомъ нарѣчіи не только издавна было потеряно это свойство, а напротивъ, *г* и *к* постоянно требовали послѣ себя однихъ гласныхъ узкихъ, между которыми самымъ любимымъ является *я* вмѣсто *а*. Такъ уже въ первой Новгородской лѣтописи читаемъ: Декабря (стр. 44), рекя, Гюргя (ibid. 22, 40), въ позднѣйшихъ памятникахъ еще болѣе: небрега, Гюргя (Пск. 1. 229), повьргя (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1. № 10; Дополн. къ Акт. Истор. Т. 1. № 7). Въ слѣдствіе потери твердости гортаннаго *к* исчезла давно и переходная его смягчаемость, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда *к* соединено съ *с*: Ламскѣмь, Новогородьскѣи, Полотьскѣ, Кулаціьскѣ, заморскѣи (Новг. 1). Исключеніе принадлежитъ однимъ позднѣйшимъ лѣтописямъ, смягчавшимъ *к* въ *ц* и *т*, послѣ *с*, изъ одной подражательности языку церковному. Звукъ *г* въ нѣкоторыхъ словахъ вовсе выбрасывался, въ другихъ, наоборотъ, вставлялся безъ всякой причины: оспожинъ вм. госпожинъ (Новг. 1. 84), княнии (вм. княгини, Новг. 4. 154); усѣгли на конь вм. усѣли=въсѣли (Пск. 1. 240). *К*, по своему сродству съ *х*, замѣнялось нерѣдко послѣднимъ: хрестъ вм. крестъ, хто вм. кто (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1. №№ 1, 18). Такой переходъ звучныхъ въ отзвучные принадлежалъ и другимъ

согласнымъ, такъ: сторови вм. здорови, постоянно въ первыхъ двухъ почеркахъ Синодальнаго списка первой Новгородской лѣтописи, *сдѣ—здѣ* (ibid. 44). Правда, образованіе этого нарѣчія оправдываетъ подобное правописаніе; но въ нарѣчіи Новгородскомъ и въ другихъ словахъ отзвучныя легко соединялись съ звучными, напр. сдорови, сдрави (Новг. 1. 32). Звукъ *д* передъ *м* и *н* нерѣдко выбрасывался; какъ: семой вм. седмой (Новг. 2. 160), свобонъ вм. свободынъ (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 2. № 1. стр. 4). Къ числу переходныхъ звуковъ по сродству принадлежатъ *н* и *в*. Первый весьма часто замѣняется звукомъ *м*; примѣры таковой замѣны встрѣчаются уже и въ Синодальн. спискѣ первой Новгородской лѣтописи: Микола, Микита, Микифоръ (Новг. 1. 23, 25); послѣдній обыкновенно смѣшивался съ сродною гласною *у*, такимъ образомъ уторникъ, устрѣтеніе (Новг. 1. 44; Новг. 2. 150), у гридницю (Новг. 3. 209), усѣли (Пск. 1. 209), у двѣ недѣли (Пск. 2. 22), усходити (ibid. 44), у Вильни (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I. № 19). Взаимный переходъ *у* и *в* не есть принадлежность одного нарѣчія Новгородскаго; въ одинаковой степени онъ принадлежитъ говору Бѣлорусскому и нарѣчію Малорусскому. Звукъ *в*, находясь послѣ предлога *об*, при сложеніи его съ другими словами, постоянно опускается: обечеревшися вм. обвечеревшися (Новг. 1. 85), обадити (ibid. 71), обидуче (ibid. 46, 64). Эта особенность общая для всего языка Русскаго: мы пишемъ и говоримъ—обладать вм. обвладать, обычай вм. обвычай, облако вм. обвлако и т. п.[90]) Звукъ *н*, подобный Греческому ν εὐφωνικόν, вставляемый въ обыкновенномъ нашемъ языкѣ передъ мѣстоименіемъ *онъ*, въ косвенныхъ падежахъ, когда онъ употребляется какъ личное, а не указательное, равно передъ глаголомъ *яти*, сложеннымъ съ предлогами, въ Новгородскомъ говорѣ зачастую опускался: около его, передъ имъ, отяша, пріятъ (=припятъ), выяся (Новг. 1. 6, 44, 45). Тоже происходило и въ другихъ случаяхъ: Костянтинъ, въиде, съиде (ibid. 36, 39). Къ взаимно-переходнымъ буквамъ принадлежатъ *р* и *л*. Замѣна *р* посредствомъ *л* весьма обыкновенна въ языкѣ отечественномъ,

90) Ibid. Ч. 2. стр. 27—28.

въ словахъ иностранныхъ; народъ Русскій постоянно говоритъ: дилехтуръ, калидоръ, сиклетарь, по тому же закону говоримъ и пишемъ и мы Февраль вм. Феврарь. Это свойство отразилось и на древнихъ памятникахъ редакціи Новгородской: Феуларь (Новг. 1. 27), и наоборотъ: серегеръ вм. селигеръ (ib. 45). Но самую характеристическую черту нарѣчія Новгородскаго составляютъ, безъ сомнѣнія, звуки *ч* и *ц*, во всѣхъ произведеніяхъ письменности Новгородской постоянно мѣняющіяся другъ на друга. Такимъ образомъ и въ лѣтописяхъ, и въ грамотахъ и договорахъ читаемъ: рчи, Новогородчемъ, пятница, черкы, или: цьстьный, церезъ, цюдный и т. д. Взаимная мѣна *ч* и *ц* до того была сильна въ области Новгородской, что переписчикъ Новгородецъ не всегда могъ воздержаться отъ нея и при переписываніи книгъ церковныхъ, религіознаго содержанія, даже Евангелій (см. Опис. Рукоп. Рум. Муз. №№ CIV, CV, стр. 171, 172). Эти же звуки, будучи мягкими въ древности для всего языка Русскаго, оставались ими въ Новгородскомъ нарѣчіи и послѣ потери этой мягкости и въ другихъ говорахъ Русскихъ, остаются ими и до-сихъ-поръ: мѣсяця, отцю, солнцю, чюдный, отъя, докончялѣ и т. д. Между особенностями въ употребленіи звуковъ нельзя не упомянуть и объ отсутствіи смягченія *с* въ *ш*, въ глаголѣ *прислать*: прислетъ, прислите (Новг. 1. 38, 48), о замѣнѣ *ф* посредствомъ *хв* въ словахъ: Тъхверь, Тьхверьця (Новг. 1. 17, 33) и о перестановкѣ нѣкоторыхъ буквъ, между которыми чаще всего попадается звукъ *р*: хракнетъ, хракати, бервна, Селеверстъ (Новг. 1. 85; 167, 89), бервно, беревно (Новг. 4. 97, 121; Пск. 1. 233). Перестановка звука *р*, равно какъ и *л*, составляла въ бо́льшей или меньшей степени принадлежность и нарѣчія старо-Славянскаго [91]), продолжаетъ употребляться и въ другихъ говорахъ Русскихъ (срв. Греч. κράτος и κάρτος, ἔδαρκον и ἔδρακον, θάρσος и θράσύς и т. д.). Перестановка гласной *е* въ словахъ: лестьця (Новг. 4. 12), четци (ibid. 88) и др. объясняется самымъ естественнымъ образомъ неопредѣленностью глухой гласной *ь*: льстьць, чьтць; сюда же, безъ сомнѣнія, должно отнести и слова: бервно, равное старо-Славянскому брьвно.

91) Miklosich. Lautlehre. d. Alt. Slow. Sprach. Стр. 41.

Представляя съ давнихъ-поръ отличіе въ употребленіи нѣкоторыхъ звуковъ, Новгор. нарѣчіе отличалось не менѣе особеннымъ употребленіемъ окончаній, преимущественно въ именахъ собственныхъ. Нелюбовь оканчивать слова звуками согласными отразилась на замѣнѣ ихъ различными гласными, иногда гласною *о*: Гаврило, Данило, Влъхово (Нов. 1, 77), Смоленьско, Изборьско, Витепьско (Нов. 1, 53, 111); иногда *ъ* обращался въ *ей*, подобно словамъ на *ій*: Мироней, Спиридоней, еще чаще въ *е*: Варламе (Доп. къ Акт. Ист. Т. 1, № 5), Павле, Иване, Дмитре, Игнате (Опис. рук. Румянц. муз. № LXVIII). Имена: Михаилъ, Василій, Николай превратились въ Михаль, Василь, Микола (Нов. 1, 45, 70), Алексѣй въ Олькса (ib. 12), что продолжается и до-сихъ-поръ въ Торжкѣ, пригородѣ Новгородскомъ. Замѣчательно употребленіе слова *дъжгъ* вм. дождь, *дъжгево* вм. дождево (Нов. 1, 9, 10; Нов. 4, 125; Иск. 1, 216, 217; Иск. 2, 44).

Что касается до формъ грамматическихъ, то отличія въ нихъ въ Новгор. нарѣчіи въ древнее время рѣшительно не видно. Оно касается ихъ лишь на столько, на сколько зависѣло это отъ особенностей фонетическихъ. Такъ, въ слѣдствіе потери твердости и переходной смягчаемости гортанныхъ, звуки *г*, *к* являются и въ такихъ формахъ, гдѣ бы они должны были замѣняться звуками *з* и *ц*, и передъ такими гласными, которыя никогда не были терпимы въ древности послѣ гортанныхъ. Точно также, отъ смѣшенія *ѣ* съ *и*, предложный, напр., падежъ оканчивался весьма часто на *и* вмѣсто перваго: въ Кіеви, Новѣгороди и т. п., а отъ перехода *ы* въ *ъ* (= е) родительный женскаго рода словъ на *а* почти постоянно принимаетъ въ концѣ *ъ*: отъ папѣ, съ стѣнѣ и т. д. Особенностей другихъ, тѣмъ болѣе, которыя бы касались исключительно однѣхъ формъ, независимо отъ фонетики, не видно вовсе. Предложный множеств. на *охъ* вмѣсто древняго *ѣхъ* развился уже въ болѣе позднюю пору и не въ однихъ памятникахъ Новгородскихъ: мещанохъ, городищанохъ (Нов. 1, 45), Грекохъ (Иск. 2). — Гораздо замѣчательнѣе синтаксическая особенность, употребленіе причастія, а послѣ и дѣепричастія, вмѣсто глагола опредѣленнаго: князь же Юрьи пришедъ изъ Выборга *и* поиде (Нов. 1, 72), или: князь же

Иванъ пришедши въ Новгородъ, *но* не поидяше къ Новгородцемъ въ Ладогу (ib. 84).

Опредѣлить въ точности время, когда появились первоначально упомянутыя особенности въ нарѣчіи Новгородскомъ, отдѣлившія его отъ другихъ нарѣчій языка Русскаго, какъ говоръ мѣстный, областной—невозможно. Съ одной стороны, довольно-поздніе списки, съ другой, желаніе писцовъ и переписчиковъ устранять какъ можно болѣе мѣстные оттѣнки въ языкѣ и сближать его съ языкомъ обще-Русскимъ, а потомъ церковнымъ, отнимаютъ у филолога всякое притязаніе на отчетливость въ рѣшеніи подобнаго вопроса. При всемъ томъ, руководясь и тѣми немногими данными, которыя послужили намъ матеріаломъ для отдѣленія отличительныхъ чертъ говора Новгородскаго, мы можемъ по-крайней-мѣрѣ опредѣлить эпоху позже которой не могли образоваться эти черты. Эта эпоха для однихъ признаковъ совпадаетъ съ самыми древнѣйшими списками памятниковъ сѣверныхъ, для другихъ съ списками болѣе-поздними. Такъ смѣшеніе звуковъ *ч* и *ц*, потеря твердости *г* и *к*, переходъ *е* и *а* въ *о*, смѣшеніе *ѣ* съ *е* и *и*, равно *ы* съ *ѣ*(=е) встрѣчаются весьма часто въ произведеніяхъ письменности уже XII—XIII столѣтія, въ началѣ первой Новгород. лѣтописи, въ Собр. Госуд. Грам. и Договоровъ (№№ 1, 2, 3 перваго тома), въ Дополн. къ Акт. Истор. (Т. 1, №№ 5, 6, 7). Значитъ, эти свойства были въ употребленіи въ области Новгородской не только въ XIII в., но и въ XII; судя же по многочисленности нѣкоторыхъ изъ нихъ въ приведенныхъ памятникахъ, какъ, напр., взаимная замѣна *ч*—*ц*, надобно полагать, что начало появленія ихъ восходитъ выше и XII столѣтія. Образованіе другихъ несомнѣнно принадлежитъ, сравнительно съ первыми, къ позднѣйшему періоду; такъ переходъ *е* въ *о* послѣ шипящихъ *ж*, *ш*, *щ*, *ч* и *ц* попадается только въ лѣтописяхъ и грамотахъ XIV—XV вѣковъ, особенно послѣдняго, въ Новгород. 2, 3, 4, Псков. 2. Древнее происхожденіе особенностей въ говорѣ Новгородскомъ нисколько не покажется намъ и удивительнымъ, когда мы обратимъ вниманіе на особенную жизнь Новгородцевъ, заключенную въ опредѣленныхъ границахъ, гдѣ являлся распорядителемъ всего входящаго въ нихъ народонаселенія

одинъ великій Новгородъ, приносившій вмѣстѣ съ своимъ господствомъ свой образъ правленія, свои занятія, свой взглядъ на жизнь. Стараясь какъ можно тѣснѣе связать всѣ свои волости, образовать изъ нихъ одно цѣлое, Новгородъ постоянно заботился объ удаленіи всякаго посторонняго вмѣшательства въ свои распоряженія со стороны другихъ князей; вопреки общему обыкновенію въ древней Руси пользоваться свободой перехода жителей изъ одного княжества въ другое, онъ уничтожилъ это право выхода изъ своей области; и если допускалъ его иногда, то только по принужденію, или въ видѣ изъятія. Отсюда, въ сношеніяхъ съ удѣльными князьями XIII—XIV в., мы постоянно встрѣчаемъ выраженія: «а людей ти княже изъ Новгородской волости не выводити, ни грамотъ имъ даяти», или: «а кто живетъ въ Торжку на Новоторзьской землѣ, а къ Св. Спасу не тягнетъ къ Торжку, княземъ отъемся, и тіи идуть изъ Торжку, куда имъ годно». (Собр. Госуд. Гр. и Дог. Т. 1, №№ 1, 2, 6, 8, 12, 14, 27) [92]). При такомъ стремленіи къ отдѣльности въ жизни вообще, не могло не развиться и отличій въ говорѣ. Эта отдѣльность глубоко вкоренилась въ тѣхъ мѣстахъ, которыя составляли нѣкогда пригороды Новгородскіе; Торжокъ, Руса, Старица, Бѣжецкъ. Начиная съ одежды, во всѣхъ ея старинныхъ видахъ, и оканчивая языкомъ, во всѣхъ его частяхъ: въ подборѣ словъ, въ измѣненіяхъ звуковъ, въ самомъ произношеніи, все носитъ на себѣ въ упомянутыхъ городахъ особенный отпечатокъ. Но не здѣсь только сосредоточивалось господство Новгорода.

Предѣлы обширной области Новгородской простирались далеко на сѣверъ, востокъ и с.-востокъ, занимая Вологду, Заволочье, Пермь, Югру и др. (Собр. Гос. Гр. Т. 1., №№ 1, 2 и слѣдующіе). Вмѣстѣ съ господствомъ и первѣйшею колонизаціею необходимо должно было проникать въ эти мѣста и первѣе Новгородское. Оно проникло и въ Псковскую область и утвердилось въ ней какъ родное, потому-что и Псковъ былъ связанъ братскими узами съ Новгородомъ, подчинялся нерѣдко его суду и рас-

92) Bulletin de l'Académ. Imp. des Sciences de St. Pétersb. class. hist. philolog. T. 2. 1845, pag. 51.

правѣ, называлъ его братомъ, иногда и господою (Нов. 1, 43) (ib. 81), принималъ отъ него посадниковъ и зависѣлъ долго отъ тамошняго архіепископа въ дѣлахъ церковнаго управленія. Оттѣнки Новгородскаго нарѣчія не могли не обнаружиться и въ Суздальской области, находившейся въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ съ Новгородскою, частію дружелюбныхъ, частію враждебныхъ; въ ней постоянно разсѣяны были торговые люди, гости Новгородскіе, нестѣсняемые въ своихъ оборотахъ никакими границами, о чемъ такъ много хлопоталъ Новгородъ (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. 1, №№ 1, 3, 6, 7, 8. 9). Въ самомъ Смоленскѣ должны были отразиться черты Новгородскаго говора, по частымъ съ нимъ взаимнымъ сношеніямъ: Смоленскъ служилъ посредствующимъ пунктомъ при столкновеніяхъ Новгорода съ Черниговомъ; нерѣдко самъ отпускалъ въ Новгородъ князей (Нов. 1. подъ 6692, 6693. 6647 гг.) и принималъ вмѣстѣ участіе въ военныхъ походахъ на Полоцкъ, Суздаль и др. города. Во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ, въ языкѣ, дѣйствительно остались и очевидные слѣды вліянія и тѣсныхъ связей съ областью Новгородскою; слѣды эти отчасти уцѣлѣли въ древней письменности, отчасти сохраняются донынѣ въ народномъ говорѣ; къ первымъ принадлежатъ лѣтописи Псковскія, грамоты Смоленскія и лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго.

Что касается до того, какъ и въ какой степени отразилось нарѣчіе Новгородское на лѣтописяхъ Псковскихъ, то считаю вопросъ этотъ рѣшеннымъ выше, при обозрѣніи отличительныхъ чертъ нарѣчія Новгородскаго, гдѣ, при каждой особенности, представлены примѣры и изъ лѣтописей Псковскихъ. Тамъ, между прочимъ, весьма ясно видно, что всѣ уклоненія отъ чертъ общаго языка Русскаго въ древнюю пору, попадающіяся въ лѣтописяхъ и грамотахъ Новгородскихъ, въ одинаковой степени принадлежатъ и Псковскимъ. Къ тому же почти результату приводитъ насъ и разсмотрѣніе древнѣйшихъ грамотъ Смоленскихъ; и въ нихъ, хотя и не въ столь огромномъ количествѣ, несомнѣнно присутствіе особенностей нарѣчія Новгородскаго. Такимъ образомъ, измѣненіе *ц* въ *ч*: купчемъ, Гочкый вм. Гоцкый, гдѣ *ц* въ произношеніи замѣнило *тс*, подобно тому, какъ въ лѣтописяхъ Новгородскихъ пишется: Нов-

горочкый вм. Новгороцкый изъ Новгородскыи (Собр. Гос. Гр. Т. 2, № 1), звуки *ж*, *ц* и *ч* требуютъ послѣ себя гласныхъ узкихъ: нѣмчицю, чюдныи, платежя (ib. № 1), также вмѣсто *въ* употребляется *у:* у ризѣ, у погребъ, узяти, унукъ, усхочетъ, уздумалъ (ib. №№ 1, 8); взаимная мѣна *ж* и *з*: кажненъ, Ризкый (ib. № 1, 12); переходъ *ѣ* въ *и*, *и* въ *ѣ* (= е) и *я* въ *е* = je): чимъ, въ торговцихъ, страдалѣ (= ле) (ib. №№ 1, 3, 5), кзвѣка (ib. № 1); *ы* и *о* замѣнялись звуками *ѣ* и *у:* инѣхъ, самѣхъ, Микула (№ 1, 3); выпускъ *и* и *д* передъ *н* обнаружился въ словахъ: напсати и свобонъ (ib. № 1); замѣна *е* посредствомъ *о* послѣ *ж*, *ш*, *ц* явилась также въ послѣднихъ годахъ XIII столѣтія: вашому, нашому, купцомъ (ib. № 3). Въ лѣтоп. Переяслав. Сузд. встрѣчаемъ то же самое, кромѣ одной особенности, развившейся въ нарѣчіи Новгородскомъ, замѣны *ѣ* посредствомъ *и*: вь лѣтописи Переяслав. нѣтъ на это ни одного примѣра. Между-тѣмъ, довольно-часто читаемъ: чепи вм. цѣпи (Временникъ, № 9, лѣтоп. Пер. стр. 58), царичина (ib. 29); постоянно смѣшивается *въ* съ *у:* невпредиве, въ него, въмиривъся (ib. 45, 49, 69), или: узялъ еси, уринуша, у Кіевъ, у темници, узя, у малѣ дружинѣ (ib. 10, 11, 12, 33, 45, 75); вмѣсто когда, тогда, читаемъ: когды, тогды, какъ и въ лѣтописяхъ Новгородскихъ (ib. 71); точно также *ы* въ родительномъ и винительномъ множественнаго, въ мѣстоименіяхъ: *самъ*, *онъ*, *инъ*, переходитъ въ *ѣ:* инѣхь, онѣхъ, самѣхъ (ib. 80, 81, 92); *у* въ *о*, въ словѣ литоргія, и *е* въ *ь*, въ существительномъ *шья* (49, 75); смѣшеніе *з* съ *ж* замѣтно въ названіи города Суждаль (59); *е* послѣ шипящихъ и здѣсь нерѣдко превращается въ *о:* богатѣйшому, нашому (84); наконецъ, попадается и перестановка буквъ, подобно той, о какой упомянули мы при обозрѣніи особенности говора Новгородскаго: лестьць, истерти (76, 91). Большая часть изъ этихъ особенностей, въ этихъ же мѣстностяхъ, живетъ и доселѣ въ языкѣ простаго народа.

Сравнивая черты современнаго Новгородскаго нарѣчія, представленныя Шафарикомъ въ его «Славянской Народописи» съ тѣми, которыя изложены были нами выше, для древняго языка, не найдемъ въ нихъ почти ни малѣйшаго различія. Черты эти[93]):

93) Slowansky Národopis. P. J. Šafařik. изд. 3. 1849., стр. 19—20.

1) *и* вмѣсто *ѣ*: хлибъ, мисто; 2) *о* безъ ударенія не измѣняется въ *а*; 3) послѣ мягкихъ, *е* произносится какъ *о*: його, йому; 4) *у* вмѣсто *в*, и 5) *в* вмѣсто *у*: у мисто, у городи, вжели, въ мене; 6) и 7) *ч* вм. *ц* и *ц* вм. *ч*: часто, черезъ, чепь, горшчя; 8) мѣстоименіе третьяго лица, послѣ предлоговъ, не принимаетъ *н*: отъ його, въ його; 9) отбрасывается *и* въ говорит. множ. числа женскаго рода: своимъ рукамъ, вм. своими руками; 10) равно отбрасывается *ть* въ третьемъ лицѣ обоихъ чиселъ настоящаго времени: буде, иде, буду, иду; 11) употребленіе причастій вмѣсто прошедшаго времени: я пришедши, вмѣсто я пришелъ; наконецъ 12) нельзя не привести и послѣдней особенности, опущенной Шафарикомъ, но замѣтной въ памятникахъ Новгородскихъ уже издавна, господствующей и донынѣ, особенно въ Устюжскомъ говорѣ, какъ въ вѣтви нарѣчія Новгородскаго, именно, опущеніе *д* передъ *н*, причемъ послѣднее произносится какъ двойное *н*: ланно, стынно и т. п.[94]). Изъ всѣхъ этихъ признаковъ, только 9 и 10 отдѣляютъ нынѣшній говоръ Новгородскій отъ древняго, только ихъ однихъ не видно въ приведенной выше характеристикѣ. Но эти признаки, особенно послѣдній, несомнѣнно, новѣйшаго происхожденія; они только еще распространяются, господствуя далеко не на всемъ пространствѣ сѣверной Россіи. Въ самой Новгородской губерніи, въ уѣздахъ, прилежащихъ къ губерніи Смоленской, равно и въ смежной съ нею губерніи, Псковской, продолжаетъ еще слышаться въ 3 лицѣ древнее мягкое *ть*: будеть, будуть[95]). Тотъ же почти результатъ получаемъ и изъ сравненія области современнаго нарѣчія Новгородскаго съ ея областью въ древности, сколько даютъ права судить объ этой древней области непрерывныя связи и населенія Новгорода въ Архангельской губерніи, памятники Псковскіе, Смоленскіе и лѣтописецъ Переяславскій. По мнѣнію того же Шафарика, область Новгородскаго нарѣчія занимаетъ всю губернію Псковскую, Новгородскую, С. Петербургскую, бо́льшую часть Тверской и незначительный кусокъ Смоленской[96]). Въ этомъ мнѣніи, правда, нѣтъ противорѣчія нашимъ словамъ, но нельзя

94) Поѣздка въ Кирил. Бѣлозер. монастырь, Ст. Шевырева. Ч. I., стр. 115.
95) Ibidem.
96) Slow. Národ. Ibidem.

не замѣтить выпуска губерніи Архангельской, включенной нами также въ число мѣстностей, входящихъ въ составъ обширной области нарѣчія Новгородскаго. И тѣсная историческая и этнографическая связь обѣихъ губерній съ самыхъ давнихъ временъ, и удержаніе общихъ чертъ въ говорѣ народа позволяютъ присоединить и Архангельскую губернію къ области, очерченной Шафарикомъ. И въ ней, по-крайней-мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ, живо еще сохраняются многіе изъ признаковъ, принадлежащихъ нарѣчію Новгородскому. Такъ, напримѣръ, въ Шенкурскомъ уѣздѣ, въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ восточныхъ уѣздовъ, постоянно мѣняется *ч* на *ц*: Иваньцю, рунькы, крупцупушка, вецера, напракуцила и т. д.; неменѣе постоянно соблюдается сочетаніе *ч* и *ц* съ гласными узкими *ь, и, я, ю*: сестрицямъ, дѣвицю, разполицьный, дѣвця, цюжу, потцивати; тотъ же переходъ *е* въ йо: йонъ, його, йона, плацетъ, будётъ[97]).

Говоря о нарѣчіи Новгородскомъ, о его отличительныхъ свойствахъ, нельзя не коснуться и замѣчаній г. Шевырева, представившаго въ своей «Поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» небольшой сборникъ пѣсенъ и словъ, превосходный по отчетливости и вѣрности, съ какою почтенный авторъ старался сохранить всѣ оттѣнки говора народнаго. Эти замѣчанія относятся къ жителямъ города Кириллова и близлежащаго села Талицъ, которыхъ г. Шевыревъ, на основаніи нѣкоторыхъ признаковъ ихъ нарѣчія, считаетъ переселенцами изъ южной Россіи[98]). Не думая прямо противорѣчить ученому путешественнику, я не могу, однако, не позволить себѣ высказать нѣсколько замѣчаній, тѣмъ болѣе, что это дастъ мнѣ поводъ собрать въ одно цѣлое всѣ отличительныя черты языка изъ пѣсенъ сѣверо-восточной части Новгородской губерніи.

Всѣ особенности говора горожанъ Кириллова и села Талицъ, принимая во вниманіе напечатанныя въ «Поѣздкѣ» г. Шевырева пѣсни, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) взаимная мѣна *ц* и *ч*:

---

97) См. Свадебныя пѣсни въ Шенкурскомъ уѣздѣ, П. Борисова. Моск. Вѣд. 1832. № 49. Нельзя не пожалѣть, что у насъ такъ мало еще обнародовано пѣсенъ въ томъ же видѣ, въ какомъ произносятся онѣ въ различныхъ губерніяхъ и уѣздахъ нашего отечества. Тогда и безъ особенныхъ путешествій можно бы было легко и вѣрно судить о различныхъ оттѣнкахъ языка Русскаго.

98) Поѣздка въ Кир. Бѣлоз. Монастырь. Ч. 2, стр. 106.

заплацю, скобоцьки, наноцька, крилецько, синничю, молодьчя; 2) переходъ *ѣ* въ *и*: къ пинью, билеюшка, билиться, синничя; 3) *лъ* въ *въ* и *у*: постривъ, пзнырявъ, куряука, тобоука; 4) *въ* въ *у*: дѣука, пѣучій; 5) *о* въ *ё* въ мѣстоименіи онъ: ёнъ, ёна; 6) *о* въ *ё* и послѣ гортанной *к*: крилецькё, колецькё, словецькё; 7) послѣ *к* всегда *я* вмѣсто *а*: преницькя, тропинькя, дѣтинушкя; 8) *я* въ *е*: преницекъ, петниця; 9) переходъ *ц* въ *к* въ словѣ *пиука* (=пивца); 10) *х* и *хв* въ *ф*: фоцю, фодить, форошій, сфатилъ, фисталъ. (Слово: *фисталъ* не объясняется ли изъ древняго *гвиздать*, гдѣ *г* легко могло произноситься какъ *х*, а *хв*, подобно глаголу *сфатить*, вм. схватить, перешло въ *ф*? По-крайней-мѣрѣ нѣтъ примѣровъ на переходъ *св* въ *ф*); наконецъ 11) произношеніе *що* вмѣсто *што*, и употребленіе формъ 2-го лица настоящаго времени на *си* въ глаголахъ: поѣси, недаси, продаси; здѣсь же можно упомянуть и о перестановкѣ буквъ въ словѣ *куравиця* вм. *рукавиця*. Всматриваясь внимательно въ эти особенности и сравнивая ихъ съ нарѣчіемъ Малорусскимъ, мы находимъ въ нихъ только три общихъ признака, именно: переходъ *лъ* въ *въ*, замѣна *ѣ* посредствомъ *и* и произношеніе *що* вм. што. Что же касается до измѣненія *хв* въ *ф*, то оно необыкновенно въ нарѣчіи Малороссійскомъ, въ которомъ, напротивъ, *ф* (=θ) переходитъ въ хф=хв: хфунтъ, хфедосья и т. под., а о замѣнѣ одного *х* посредствомъ *ф* нѣтъ въ немъ и помину. Между-тѣмъ, какъ на сѣверѣ она повторяется и въ Переяславскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, и въ Ярославской губерніи, что видно изъ наблюденій самого же г. Шевырева[99]). Достаточны ли же эти признаки, чтобъ, на основаніи ихъ однихъ, народонаселеніе Кириллова съ его окрестностями выводить съ юга на сѣверъ? Конечно, если они исключительно принадлежатъ одному Малороссійскому нарѣчію, не повторяясь ни въ одномъ изъ остальныхъ говоровъ Великорусскихъ, и тѣмъ скорѣе принуждены будемъ согласиться съ г. Шевыревымъ, если и остальные признаки говора Кирилловцевъ не противорѣчатъ его положенію.

99) Ibidem. Ч. I, стр, 49. Да и вообще, взаимная мѣна *хв* посредствомъ *ф* и *ф* посредствомъ *хв* (=хф) составляетъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ сѣвернаго нарѣчія. См. Предисловіе къ Опыту Областнаго. Великорус. Словаря, стр. III.

Но, вопервыхъ, изъ приведенныхъ выше трехъ особенностей нарѣчія Малорусскаго, переходъ *лъ* въ *въ* и *ѣ* въ *и* принадлежитъ значительной части и Великой Россіи. Такъ, отчасти въ Смоленской губерніи, еще болѣе въ Калужской и во всей Бѣлоруссіи замѣна *лъ* въ окончаніяхъ именъ и глаголовъ посредствомъ *въ* не представляетъ никакой рѣдкости; произношеніе же *ѣ* какъ *и* издавна было, продолжаетъ существовать и теперь въ нарѣчіи Новгородскомъ. Слѣдовательно остается одно *що* вм. што; но и оно довольно обыкновенно, сколько мнѣ извѣстно, въ говорахъ сѣверной Россіи, хотя и обыкновеннѣе въ Малороссіи. Но одинъ признакъ слишкомъ-слабъ, что по немъ одномъ судить о южной колонизаціи жителей Кириллова. Въ такомъ случаѣ и переписчика Синодальнаго списка первой Новгородской лѣтописи, оставившаго на своемъ спискѣ несомнѣнные слѣды своего Новгородскаго происхожденія, придется считать также Малороссіянином, потому-что и онъ постоянно писалъ Тьхверь (=Тьхферь) вмѣсто Тферь, гдѣ *ф*, совершенно согласно съ духомъ нарѣчія Малорусскаго, замѣнено посредствомъ *хв* (=въ отзвукѣ *хф*). Кромѣ того, другіе признаки, гораздо въ большемъ количествѣ, несравненно положительнѣе свидѣтельствуютъ о коренномъ сѣверномъ происхожденіи народонаселенія Кириллова; такъ, смѣшеніе звуковъ *ч* и *ц*, переходъ *въ* въ *у* (дѣука), *о* въ *ё* суть отличительныя черты говоровъ сѣверной Россіи и преимущественно Новгородскаго; а замѣна *а* посредствомъ *я* послѣ гортанныхъ *г* и *к* только ему и принадлежитъ, и обнаружилось въ немъ уже въ первыхъ произведеніяхъ письменности Новгородской, какія только уцѣлѣли до нашего времени. Наконецъ, если бы дѣйствительно обитатели упомянутаго города принадлежали по своему происхожденію южной Россіи, то трудно предположить, чтобъ въ ихъ языкѣ не осталось никакихъ слѣдовъ переходной смягчаемости гортанныхъ, столь обыкновенной въ нарѣчіи Малорусскомъ. Это было бы тѣмъ страннѣе, что стремленіе къ смягчаемости очевидно; оно отразилось и на буквѣ *к*, требующей послѣ себя *я* вм. *а*, и на соединеніи *ц* и *ч* только съ *я*, *ю*, *и*, *ь* и никогда съ *а*, *у*, *ы*, *ъ*; и несмотря на это читаемъ: на рынкѣ, трепицьки. Этого мало: въ языкѣ Кирилловскихъ поселянъ есть примѣръ совершенно обратнаго явленія — переходъ

свистящей въ гортанную, въ словѣ пиука вм. пиуца. Соображая такимъ образомъ сказанное, едва ли не справедливѣе будетъ въ приведенныхъ особенностяхъ нарѣчія Кирилловскаго видѣть только разнообразіе того же нарѣчія Новгородскаго, а вмѣстѣ и народонаселеніе считать исконнымъ сѣвернымъ, непредставляющимъ въ говорѣ своемъ никакихъ положительныхъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить о его южномъ происхожденіи и допускать необходимымъ колонизацію на сѣверъ. Это подтверждаетъ и самъ авторъ «Поѣздки», говоря [100]), что «Череповецкое нарѣчіе похоже на Кирилловское, и все это вѣтви одного и того же Новгородскаго».

Что сказать о мнѣніи г. Мацѣёвскаго, будто Новгородское нарѣчіе искони было подвержено вліянію Польскаго языка и приняло въ себя съ незапамятныхъ временъ много полонизмовъ [101])? При всей внимательности, съ какою пересматривали мы древніе памятники сѣвера, не нашли ни въ чемъ подтвержденія этой мысли; а г. Мацѣёвскій не привелъ ни одного доказательства въ подтвержденіе словъ своихъ, чтобы опроверженіемъ ихъ показать ложный взглядъ автора на происхожденіе того или другаго слова, той или другой формы. Вотъ собственныя слова автора» Pierwotnych Dziejów Polski i Litwy»: większe slady mowy Polskiej pokazują się między ludem ruskem na północy. U starożitnych Nowogrodzan, tudzież w krajach, które siedzib dawnych Wiatyczów i Radymiczan dotykały, czyli w dzisiejszych gubernijach wiatskiej, archangelskiej, orelskiej, znajdujemy silne zabytki języka Polskiego. Wswieżo bowiem wydanej Ewangelii Ostromirskiej znachodzimy wiele polonizmów, tudzież w mowie ludu, rzeczone gubernije zamieszkującego, dziś jeszcze zawadzają polskie wyrazy. Что касается до Вятичей и Радимичей, то ляшское происхожденіе ихъ подтверждается и самимъ Несторомъ [102]); но по какому случаю въ одинъ разрядъ съ ними попались губерніи Новогородская и Архангельская, еще болѣе Остромирово Евангеліе—это остается необъяснимымъ; знакомому же съ языкомъ Остромир. Евангелія, какъ

100) Ibidem, стр. 113.
101) Pierwotne Dzieje Polski i Litwy. Warszasa 1836. стр. 487—188.
102) Лаврент. лѣт. стр. 5.

древнѣйшаго памятника нарѣчія старо-Славянскаго, и вмѣстѣ знающаго характеристическія черты Польскаго нарѣчія покажется подобная мысль даже странною, и тѣмъ болѣе, что онъ не встрѣтитъ въ сочиненіи г. Мацѣёвскаго ни одного намека на положительное доказательство изъ самаго языка. Его мнѣніе объ удареніяхъ въ словахъ Русскихъ въ упомянутыхъ мѣстностяхъ, будто противорѣчащихъ языку Русскому и согласныхъ съ духомъ языка Польскаго, и объ употребленіи шепелеватыхъ звуковъ на манеръ Польскій, если бы и могло быть доказательствомъ, то единственно лишь для современнаго говора, и ни въ какомъ случаѣ для языка Новгородцевъ за 500, 600 или 700 лѣтъ впередъ. Вмѣсто изслѣдованія древнихъ памятниковъ сѣверной Россіи, съ цѣлію найти въ нихъ оправданіе своего положенія, г. Мацѣёвскій, положивъ за несомнѣнное присутствіе полонизмовъ искони въ Новгородѣ, обращается къ вопросу: откуда и какимъ образомъ могли они попасть туда? Z nad Laby wzięło się tu, jak sądzę; odwiecznie bowiem znosili się Nowogrodzanie z Słowianami nad tą rzeką mieszkającymi, вотъ отвѣтъ. Но, вопервыхъ, надобно доказать фактически, дѣйствительно ли были въ столь отдаленное время сношенія Новгородцевъ съ Славянами Эльбскими; вовторыхъ, если онѣ и были, то дѣйствительно ли надъ-эльбскіе Славяне то же самое, что̀ Польскіе, и втретьихъ, наконецъ, были ли эти сношенія столь часты и всесторонни, чтобы слѣды ихъ могли остаться надолго въ нарѣчіи Новгородскомъ? Послѣдній вопросъ особенно важенъ потому, что сношенія одной области съ другою, одного народа съ другимъ не всегда сопровождаются заимствованіемъ языка. Новгородъ очень долгое время имѣлъ связи съ Нѣмцами и, между-тѣмъ, слѣдовъ германизма на памятникахъ сѣверныхъ не видно. Что же сказать о вліяніи на Новгородцевъ Эльбскаго нарѣчія, когда не уяснена еще и степень сношеній ихъ съ Славянами Эльбскими? За неимѣніемъ филологическихъ доказательствъ со стороны г. Мацѣёвскаго на вліяніе Польскаго языка на Новгород. нарѣчіе, обратимъ вниманіе на его доказательство полонизмовъ въ памятникахъ южной Россіи, въ словѣ о Полку Игоревомъ и лѣтописи Ипатьевской, и посмотримъ: на основаніи какихъ данныхъ почтенный ученый

рѣшается дѣлать заключеніе о вліяніи и заимствованіяхъ. Эти данныя для насъ тѣмъ болѣе важны, что онѣ встрѣчаются и въ сѣвери. древнихъ памятникахъ, хотя и не были замѣчены г. Мацѣёвскимъ.

Всѣ доказательства Польскаго происхожденія Слова о П. Игор. и лѣтописи Ипатьевской ограничиваются тремя словами, въ нихъ находящимися: *кметь*, *снемъ* и *дѣдина*. По мнѣнію г. Мацѣёвскаго, слова эти никакъ не могутъ быть Русскаго происхожденія, а заимствованы отъ Поляковъ (kmieć, snem, dziedzina), почему? Отвѣта опять нѣтъ. Но а) слово *кметь* принадлежитъ не одному Польскому нарѣчію и въ настоящее время: оно столь же обыкновенно, хоть иногда и съ другимъ значеніемъ, у Чеховъ, Сербовъ, Хорватовъ, Хорутанъ; составляло ихъ собственность и въ древнее время, и, какъ обще-Славянское, почему же не могло входить въ лексиконъ и Славянъ Русскихъ; и если оно встрѣчается въ памятникахъ, то почему же непремѣнно должно быть заимствовано отъ Поляковъ, а не отъ Сербовъ, напр., или отъ другихъ Славянъ? Слово *кметь* столь же могло быть въ древности Русскимъ, какъ оно было и есть Польскимъ, Чешскимъ и т. д., и такъ же могло быть забыто впослѣдствіи, какъ многое изъ древняго забыто въ Польшѣ, Чехіи и у другихъ Славянъ. Это, между прочимъ, оправдывается и тѣмъ, что *кметь* попадается не въ одномъ словѣ о Пол. Игор., а и въ лѣтописяхъ Новгородскихъ: въ то же время избьени быша Печерьскѣи даньникы и Югърьскіи въ Печерѣ, а друзіи за Волокомъ, и паде головъ о стѣ *кьметьства*[103]). b). Слово *снемъ* читается въ лѣтописи Ипатьевской и, по увѣренію г. Мацѣёвскаго, попалось туда также чрезъ вліяніе Польское, потому-что форма чисто-Польская вмѣсто Русской *соймъ*. Замѣтимъ прежде всего, что не одна Ипат. лѣтоп. имѣетъ это слово; оно нерѣдко встрѣчается и въ Новгород. лѣтописяхъ: въ недѣлю бысть снемъ на Москвѣ[104]); еще чаще у лѣтописца Переяславскаго[105]). Неужели и здѣсь полонизмъ? Въ такомъ случаѣ не останется ни одного уголка

103) Новгор. 1. лѣтоп. 19, Новгор. 4. 17.
104) Новгор. 4. 60.
105) Временникъ *№*. 9. стр. 57, 71, 72, 78.

въ Россіи, который былъ бы чуждъ вліянія языка Польскаго. Кромѣ того, не видимъ причины, почему Русская форма непремѣнно должна быть *сойм*ъ, а не *снем*ъ; правда, мы имѣемъ глаголъ *соимать:* ты соймай мою бѣлу грудь [106]), но въ то же время нисколько не рѣже говоримъ и снимать, снятье; отсюда понятна и двойная форма: *сойм*ъ и *снем*ъ. Наконецъ, еще менѣе убѣждены въ томъ, будто *снем*ъ есть форма чисто-Польская. Если уже не считать ее обще-Славянскою, и отыскивать происхожденіе ея въ одномъ изъ существующихъ Слав. нарѣчій, то скорѣе всего должно признать родиною *снема* Чехію, гдѣ встрѣчается это слово въ памятникѣ IX — X столѣтія, и съ характеромъ нарѣчія которой совершенно согласно по своему образованію; тогда-какъ въ Польшѣ должно было бы ожидать znem, а не snem. Наконецъ с) и слово *дѣдина* съ прилагательнымъ *дѣдній* отнесем о также къ признакамъ нарѣчія Польскаго: уже бо выскочиста изъ *дѣдней* славѣ [107]). Подобно существительному *снем*ъ, и *дѣдина* весьма часто попадается въ лѣтописяхъ сѣверныхъ: даша ему Ладогу въ отчину и въ *дѣдину* [108]); отъ него образовались прилагательныя *дѣдинъ* и *дѣдичинъ*: Ярополкъ сѣдѣ въ Кіевѣ на столѣ отчи и *дѣдинѣ* [109]); и пришедшу (=ши) еи т. е. царевнѣ Аннѣ) къ граду изидоша крьсунци, поклонишася *дѣдичинѣ* своей [110]). Трудно представить, чтобы слово, общеупотребительное съ древнихъ поръ на югѣ и сѣверѣ, было не родное, а заимствованное изъ чужаго источника; да и къ чему было его заимствовать? Корень существительнаго *дѣдина* — дѣдъ, также и отецъ, дядя и т. п., вѣроятно ужъ не Польскаго происхожденія, а обще-Славянскаго, слѣдов. въ одинаковой степени и Русскаго. Почему же Славяне Русскіе, образовавъ изъ отецъ — отчина (даша ему Ладогу въ *отчину* и дѣдину), изъ дядя — дядина (не спросилъ ни *дядины* ни отчины [111]), для точно такого же образованія изъ дѣдъ — *дѣдина* должны

106) Сказан. Рус. Народа Сахар. Т. 1. Пѣсн. Свадеб. стр. 139.
107) Рус. Достопамятност. Ч. III. стр. 184.
108) Нов. 1. 77, 98; Новог. 3. 224; лѣтоп. Переяслав. 78, 104.
109) Нов. 3. 210; Лѣт. Пер. 31.
110) Лѣт. Пер. 29.
111) Древн. Рус. Стихотв. стр. 211.

были непремѣнно идти въ Польшу? Нѣтъ; какъ первыя, такъ и послѣдняя форма есть столь же исконная Русская, сколько dziedzina Польская. Таковы доказательства о вліяніи Польскаго языка на южно-Русскій, представленныя г. Мацѣёвскимъ. Что же послѣ этого сказать о мнѣніи его относительно полонизмовъ въ Новгородскомъ нарѣчіи, когда въ числѣ этихъ полонизмовъ не выставлено даже и такихъ, каковы: кметь, снемъ, дѣдина. Не находя такимъ образомъ данныхъ, которыя могли бы убѣдить насъ въ основательности взгляда г. Мацѣёвскаго, и не замѣчая сами въ нарѣчіи Новгородскомъ древнемъ слѣдовъ вліянія Польскаго, мы съ несравнено-большимъ притязаніемъ на основательность рѣшаемся утверждать, что этого вліянія и не было, а ежели и было во времена доисторическія (odwiecznie), то не оставило никакихъ видимыхъ слѣдовъ въ памятникахъ письменности древней. Совсѣмъ другое въ лѣтописяхъ Псковскихъ, и притомъ не ранѣе XV — XVI столѣтія; тамъ полонизмы несомнѣнны, какъ, напр., жолнырь (Пск. 2. 44), перши (Иск. 1. 194), шкота (szkoda, Псков. 1. 219, 237). Но Псковъ не Новгородъ, а XV — XVI столѣтія не время переписки Евангелія Остромирова *).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Знакомство съ характеристическими чертами языка древняго, съ его постепеннымъ измѣненіемъ и замѣною новыми формами и оборотами, наконецъ, знаніе эпохи, въ которую по преимуществу происходили перевороты въ языкѣ отечественномъ, даютъ намъ поводъ и возможность, на основаніи открытыхъ данныхъ, воспользоваться тѣмъ и другимъ для опредѣленія

*) Г. Мацѣёвскій могъ бы указать въ Новогор. лѣтописяхъ на два слова, отзывающихся чѣмъ-то Польскимъ; это: *едно* (Нов. 2. 139) и *попелъ* (Нов. 4. 88). Но а) слова эти попадаются при описаніи событій XV в.; b) пересмотрѣвшіи вышеизложенныя черты нарѣчія Новог. и сравнившіи ихъ съ приведенными двумя примѣрами, легко увидитъ, что въ словѣ *попелъ* *е* измѣнилось на *о* точно такъ же, какъ и въ сотняхъ др. словъ, а пропускъ *и* въ *едный* объясняется подобнымъ же пропускомъ въ словахъ: псати, пхати и др.

свойствъ матеріаловъ, служившихъ при рѣшеніи главнаго нашего вопроса. Два предмета, которыхъ коснуться, въ настоящемъ случаѣ, имѣетъ право филологія, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Эти предметы: 1) древность списковъ лѣтописей сѣверныхъ и особенно списковъ первой Новгородской лѣтописи, послужившей оригиналомъ для трехъ остальныхъ; 2) постепенное измѣненіе языка въ народѣ не отразилось ли на лѣтописяхъ, и если отразилось, то какой характеръ сообщился разсказу лѣтописному?

1) Обращаясь къ первому вопросу, перебирая, для удовлетворительнаго на него отвѣта, всѣ филологическія особенности лѣтописей Новгородскихъ, невольно и прежде всего останавливаешься на Синодальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи. И внѣшній видъ этого списка, сколько можно судить по описанію его г. редакторомъ «Полн. Собранія Рус. Лѣтописей»[1]), постоянство и рѣдкость древнихъ чертъ языка, и ему только свойственный характеръ изложенія—заставляютъ навремя устранить всѣ остальные и сосредоточить пока все вниманіе на немъ одномъ. Списокъ этотъ, доведенный до 1333 года, представляетъ три различные почерка: одинъ изъ нихъ оканчивается 1200 годомъ, другой 1234, третій идетъ до конца (1333). Уже это одно обстоятельство даетъ превосходное побужденіе филологу прослѣдить сравнительно во всѣхъ почеркахъ формы языка и, сообразно съ этимъ, рѣшить вопросъ: принадлежатъ ли они одному времени и одной рукѣ, или они появились разновременно, согласно съ тѣми годами, которые служатъ чертами ихъ раздѣла, и слѣдов. подъ перомъ различныхъ писцевъ? Изслѣдованіе языка прямо приводитъ къ заключенію въ пользу послѣдняго предположенія. Пересматривая фонетическія и формальныя особенности въ первомъ почеркѣ, мы встрѣчаемъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ можемъ встрѣтить не позже конца или половины XIII в., слѣдовательно, когда, по послѣднему разультату нашего филологич. разсмотрѣнія языка отечественнаго, въ немъ сохранялось въ цѣлости почти все древнее, когда только-что стали обнаруживаться въ немъ превращенія, касаясь лишь изрѣдка и весьма немногихъ чертъ, не уничтожая еще, однако, со-

1) Полн. Собран. Рус. лѣтописей Т. 3. Предислов. стр. V—VI.

вершенно сознанія и о нихъ въ народѣ. Такимъ дѣйствительно и представляется языкъ Синодальнаго списка до 1200 года. Сохраняя въ себѣ, въ полной силѣ и жизни, всѣ свойства, общія съ нарѣчіемъ старо-Славянскимъ, онъ нисколько не менѣе неуклонно выдерживаетъ и тѣ особенности, которыя исключительно принадлежатъ языку Русскому, появившись въ немъ съ незапамятныхъ временъ, какъ полногласіе, *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *шт* (=щ), *о* въ началѣ словъ вмѣсто старо-Славянскаго *е*, *ь* передъ гласными вмѣсто *и*. Этого мало, какъ языкъ жизни а не книги, въ Синодальномъ спискѣ отразилъ онъ въ полнотѣ и тѣ областные оттѣнки, которые ярко характеризуютъ мѣстность его первоначальнаго появленія: мѣна взаимная *ц* и *ч* и другіе признаки нарѣчія Новгородскаго встрѣчаются постоянно въ первомъ почеркѣ списка Синодальнаго. Самыя характеристическія свойства древняго языка, прежде всѣхъ начавшія гибнуть въ народѣ, господствуютъ неизмѣнно на всемъ пространствѣ списка до 1200 года. Такъ, строгое и правильное употребленіе глухихъ гласныхъ *ъ* и *ь*, постоянное удержаніе характера звуковъ гортанныхъ быть всегда твердыми, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда противился тому мѣстный говоръ Новгородскій, какъ передъ *я*; вѣрность и неуклонность смягченія ихъ въ свистящія и шипящія, умѣстное господство двойственнаго числа, и въ склоненіи и въ спряженіи, соблюденіе прошедшихъ простыхъ, и притомъ съ отдѣленіемъ совершеннаго отъ несовершеннаго во 2 и 3 лицахъ единственнаго въ 3 множественнаго чиселъ, употребленіе причастій неопредѣленныхъ, неуспѣвшихъ еще ни въ одномъ примѣрѣ обнаружить превращенія своего въ дѣепричастіе, правильность формъ достигательнаго вида, рѣшительно исчезнувшаго вмѣстѣ съ послѣдними годами XIII и первыми годами XIV столѣтія, и ни разу незабытаго въ первомъ почеркѣ списка Синодальнаго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ долженъ онъ быть, равно сохраненіе въ точности и другихъ менѣе замѣчательныхъ и долѣе державшихся особенностей древняго языка—все это прямо и убѣдительно указываетъ на то, что подобной стройности, вѣрности, постоянства не могло быть въ то время, когда произошло уже сильное потрясеніе въ формахъ древнихъ, какъ въ XIII—XIV столѣтіяхъ, и что первый

почеркъ по тому самому не можетъ принадлежать одному и тому же переписчику, отъ котораго дошелъ до насъ послѣдній, оконченный около 1334 года. Сравнительное же филологическое разсмотрѣніе и третьяго почерка подтвердитъ это еще болѣе положительными фактами. О подражательности языку церковному не можетъ быть здѣсь и рѣчи. Языкъ подражательный терпитъ одни только обмолвки, въ угоду обыкновенному говору, и никогда не потерпитъ постояннаго и повсюднаго сохраненія всѣхъ отличительныхъ чертъ, со всѣми мельчайшими оттѣнками, которыя такъ выпукло выдаются передъ взоромъ читателя первыхъ страницъ списка Синодальнаго. И въ третьемъ почеркѣ древнія формы довольно еще свѣжи, и въ немъ онѣ въ большей части случаевъ правильны и умѣстны; но далеко уже не въ такой степени, какъ въ первомъ. Глухіе звуки (*ъ*—*ь*) подверглись уже значительнымъ потерямъ; они ставятся не тамъ, гдѣ, по требованію древней фонетики, необходимо должны быть, но гдѣ успѣла еще удержать ихъ память переписчика, или, всего вѣроятнѣе, навыкъ, пріобрѣтенный отъ чтенія древнихъ рукописей; но не обмолвиться, не употребить вмѣсто *ъ* и *ь* о или *е* писецъ не могъ, потому-что это согласовалось съ его постояннымъ разговорнымъ языкомъ. Вотъ почему въ то время, какъ въ первомъ почеркѣ неизмѣнно читаемъ: испьрва, мьртвый, пълкъ, Българскый и т. под., въ третьемъ зачастую: исперва, мертвый, полкъ, Болгарскый. Здѣсь болѣе замѣтно уклоненіи и отъ особенностей чисто-Русскаго языка въ пользу церковно-Славянскаго; вмѣсто *ж* и *ч* нерѣдко употребляются *жд* и *щ*, и не только въ причастіяхъ, но и въ существительныхъ, напримѣръ: помощь, нощь, почти необыкновенныя въ спискѣ до 1200 года. Признаки мѣстнаго нарѣчія попадаются еще рѣже — несомнѣнное свидѣтельство желанія писца не уклоняться отъ свойствъ языка книжнаго, церковнаго. Въ формахъ столь же рѣзкое различіе: въ двойственномъ числѣ очевидны погрѣшности, смѣшеніе падежей, какъ напр., на *дву тысячю* винительный падежъ въ формѣ родительнаго; причастія неопредѣленныя замѣтно также стали терять свою способность къ измѣненію по числамъ и падежамъ, начали приходить въ окаменѣніе, обращаться въ дѣепричастія; въ первомъ почеркѣ не встрѣ-

тимъ уже примѣровъ, подобныхъ слѣдующему: а *вы* розратилися съ Нѣмци, *хотя* ихъ лишити волости (Нов. 1, 61). Достигательный видъ, являющійся прежде всегда съ древнимъ окончаніемъ *тъ*, здѣсь оканчивается иногда и на *ть:* воевать (стр. 55). Въ самомъ синтаксисѣ не видно болѣе употребленія падежей безпредложныхъ, для выраженія мѣста и времени, столь обычныхъ на первыхъ листахъ списка. Словомъ, всѣ черты языка древняго, такъ твердо выдержанныя въ первомъ почеркѣ, въ третьемъ представляются уже потрясенными, хотя и не столь еще сильно, какъ въ лѣтописяхъ послѣдующихъ, или даже въ двухъ остальныхъ спискахъ той же первой Новгородской, Академическомъ и Толстовскомъ. Наконецъ, самое рѣшительное свидѣтельство того, что первый и третій почерки принадлежатъ не одному писцу, заключается въ правописаніи нѣкоторыхъ словъ, которыя въ одномъ являются въ такомъ видѣ, въ другомъ совершенно иначе. Такъ, слова: дождь, Тферь, Февраль, постоянно удерживающія эту форму въ третьемъ почеркѣ, въ первомъ иначе не встрѣчаются, какъ въ видѣ: дъжгь, Тьхверь, Феврарь. Невозможно предположить, чтобы одинъ и тотъ же писецъ, произнося или изображая слова на письмѣ при описаніи событій до 1200 года въ такомъ видѣ, вдругъ, безъ всякой причины, съ перемѣною почерка, разомъ измѣнилъ и ихъ правописаніе, и уже никогда не возвращался къ нему. Такимъ образомъ всѣ данныя, и различный почеркъ, и разнообразіе въ произношеніи и правописаніи словъ, и сравнительная новость языка, и бо́льшее удаленіе отъ особенностей народнаго говора, и сближеніе съ языкомъ церковнымъ — все это довольноположительно говоритъ въ пользу различныхъ переписчиковъ обоихъ почерковъ и вмѣстѣ въ пользу бо́льшей древности почерка перваго. Но какова эта древность? возможно ли, хотя приблизительно, опредѣлить ее по даннымъ языка? Выше уже замѣтили мы, что черты языка древняго въ первомъ почеркѣ сохранились въ такой полнотѣ, съ такимъ постоянствомъ и съ такою вѣрностью, что безпристрастный судья не усомнится отнести ихъ къ той эпохѣ, когда или вовсе не обнаружилось еще колебаній въ формахъ, или онѣ лишь только коснулись ихъ, не изгладивъ, однако, ихъ не только изъ памяти, но и изъ со-

знанія народнаго. Первый почеркъ, какъ видѣли мы, оканчивается 1200 годомъ; приблизительно только до этого времени держалось въ чистотѣ все древнее въ языкѣ. Что же противорѣчитъ считать это время дѣйствительнымъ временемъ переписки первыхъ событій Синодальнаго списка до 1200 года? Но не вмѣстѣ ли съ событіями въ первомъ почеркѣ изложены и событія втораго, оканчивающагося 1237 годомъ; другими словами, не одинъ ли писецъ писалъ Синодальный списокъ до указаннаго года; или второй почеркъ принадлежитъ скорѣе писцу третьяго почерка, слѣдовательно жившему и писавшему не прежде 30-хъ годовъ XIV вѣка? Данныя филологическія во второмъ почеркѣ такого рода, что съ перваго взгляда даютъ право филологу рѣшительно отдѣлять ихъ отъ данныхъ конца Синодальнаго списка, какъ позднѣйшихъ по-крайней-мѣрѣ цѣлымъ полустолѣтіемъ. Какъ въ послѣднемъ несомнѣнны признаки упадка древнихъ формъ, такъ въ первомъ, напротивъ, обнаруживаются во всѣхъ видахъ слѣды древности, далекой еще отъ той порчи, которая успѣла уже отразиться на языкѣ почерка третьяго. Особенности языка въ Синодальномъ спискѣ, отъ 1200 до 1234 года, гораздо скорѣе могутъ и должны быть сравниваемы съ особенностями перваго почерка. И въ самомъ дѣлѣ, черты языка обоихъ почерковъ такъ сходны, такъ близки другъ къ другу, что нѣтъ никакой возможности предполагать значительнаго промежутка между появленіемъ того и другаго. Но какъ нельзя предполагать въ перепискѣ ихъ значительнаго разстоянія во времени, такъ, съ другой стороны, трудно, не противорѣча очевиднымъ свидѣтельствамъ языка, считать эту переписку одновременною, подъ перомъ одного и того же писца. Хотя не рѣзкое, однако различіе между ними существуетъ, и существуетъ притомъ въ такой степени, что прямо указываетъ на большую древность одного и новость другаго. Въ формахъ во второмъ почеркѣ не измѣнилось ничего: тѣ же характерическія черты древняго языка, господствующія въ первомъ почеркѣ, повторяются въ томъ же правильномъ видѣ и здѣсь; но въ фонетикѣ попадаются уже и отступленія, которыя тѣмъ рѣшительнѣе говорятъ въ пользу сравнительной новости этого почерка, что въ первомъ ихъ или нѣтъ вовсе, или

они чрезвычайно рѣдки. Такъ, частое употребленіе краткихъ церковно-Славянскихъ формъ: градъ, смрадъ, мразъ, глава и т. п.; замѣна *ъ* и *ь* посредствомъ *о* и *е:* Тържекъ, мохъ, верхъ, держати; *щ* вмѣсто *ч:* помощь, нощь. Правда, эти отступленія ничтожны и не такъ многочисленны, какъ, напр., въ концѣ Синодальнаго списка, при всемъ томъ они очевидны, и, при перемѣнѣ почерка, не могутъ не привести къ заключенію о позднемъ ихъ происхожденіи. Такимъ образомъ, результатомъ всего этого разсмотрѣнія выходитъ то, что всѣ три почерка Синодальнаго списка писаны въ разное время и притомъ различными писцами; а послѣдовательность въ измѣненіи языка ихъ, измѣненіи постепенномъ, лишь мало-по-малу принимавшемъ въ себя новизны, какъ слѣдствіе упадка формъ и оборотовъ древнихъ, рѣшительно убѣждаетъ въ незначительныхъ промежуткахъ между появленіемъ того, другаго и третьяго. Но невозможно ли болѣе точно опредѣлить время ихъ переписки?

Относительно перваго почерка позволяю считать вопросъ рѣшеннымъ. Съ одной стороны, строгость и послѣдовательность въ соблюденіи всѣхъ древнихъ чертъ языка, начавшихъ замѣтно колебаться въ первой уже половинѣ XIII вѣка, положительно указываютъ на 1200 годъ, когда совершился перерывъ въ письмѣ, какъ на годъ переписки Синодальнаго списка перваго почерка; съ другой, сравненіе этого языка съ языкомъ памятниковъ половины и конца XIII вѣка отрицательно убѣждаетъ въ невозможности появленія перваго почерка позже первыхъ годовъ XIII столѣтія. Значитъ, событія перваго почерка и писаны тогда, когда прекратился первый почеркъ, т. е. около 1200 года. Не писалъ ли его тотъ лѣтописецъ, который въ 1144 году поставленъ былъ въ попы архіепископомъ Нифонтомъ? [2] Что касается до втораго почерка, то, сообразно съ сдѣланнымъ нами

2) Новог. первая лѣтоп. подъ 1144 годомъ. Но попъ Іоаннъ скончался еще 1188 г., подъ именемъ Германа (Воята, см. Новг. 1, подъ 6696 год.). Наполнить такимъ образ. пространство времени между 1188 и 1200 г. естественнѣе всего простымъ предположеніемъ, что лѣтопись, доведенная Іоанномъ до 1188 г., была потомъ переписана кѣмъ-нибудь другимъ и продолжена до 1200 года. Не могу не выразить удовольствія на подтвержденіе моего мнѣнія, выведеннаго филологически, мыслями Г. Прозоровскаго, дошедшаго до того же результата путемъ историческимъ. Ж. М. Н. Пр. 1852. Іюль. Отд. II, стр. 1 — 28.

замѣчаніемъ выше о близости его языка къ первому почерку и о появленіи только слабыхъ фонетическихъ отступленій, должно признать и его произведеніемъ никакъ не позже первой половины того же вѣка, когда превращенія въ языкѣ почти только-что обнаружились, не успѣвъ далеко еще проникнуть во всѣ его формы. Въ концѣ XIII, еще болѣе въ XIV вѣкѣ подобнаго языка мы не встрѣчаемъ въ другихъ отечественныхъ памятникахъ. Согласить такимъ образомъ два эти предѣла — близость къ первому почерку и потерю въ значительной массѣ формъ языка, находимыхъ во второмъ почеркѣ, въ концѣ XIII столѣтія — всего легче естественнымъ положеніемъ, что и онъ переписанъ былъ около того времени, когда прервался третьимъ почеркомъ, слѣдовательно около 1234 года. И если относительно ставленника въ попы архіепископомъ Нифонтомъ можно говорить гадательно, какъ о писцѣ начала Синодальнаго списка до 1200 года, то едва ли не положительно должно утверждать о *пономарѣ Тимовеѣ*, какъ о несомнѣнномъ писцѣ втораго почерка. Подъ 1230 годомъ, слѣдовательно за четыре года до окончанія этого почерка, говоря о кончинѣ св. Саввы, писецъ взываетъ: а дай Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѳею пономарю [3]). Въ Академическомъ спискѣ, произведеніи XV столѣтія, вмѣсто этого читаемъ уже: Іоанну попови. Третій почеркъ, и по особенностямъ фонетическимъ и грамматическимъ, нами разсмотрѣннымъ и сравненнымъ съ языкомъ перваго, и потому, что оканчивается не ранѣе тридцатыхъ годовъ XIV столѣтія, никакъ не могъ появиться ранѣе этого времени; не могъ появиться онъ и позже: очевиднымъ свидѣтельствомъ тому можетъ служить сравненіе его съ списками XIV—XV вѣковъ, гдѣ встрѣчаемъ потерю древнихъ формъ еще въ большемъ развитіи и гдѣ, вслѣдствіе того, подражательность церковно-Славянскому языку обнаружилась гораздо въ сильнѣйшей степени, чѣмъ въ какой находимъ ее въ третьемъ почеркѣ. Въ послѣднемъ замѣчаемъ превращеніе въ развитіи, правда, довольно сильномъ, въ первыхъ, напротивъ, въ окончаніи, когда новыя формы укоренились и стали господствующими на мѣстѣ разрушенныхъ ста-

3) Ibid.

рыхъ. Основываясь на сказанномъ, я рѣшаюсь сдѣлать такое заключеніе о Синодальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи: списокъ этотъ есть самый древній изъ всѣхъ обнародованныхъ списковъ лѣтописей отечественныхъ; онъ не представляется писаннымъ однимъ лицемъ и въ одно время; древнѣйшія событія до 1200 года писаны никакъ не позже первыхъ годовъ XIII вѣка; продолженіе ихъ до 1234 года описано другимъ лицемъ, не позже первой половины того же столѣтія; послѣдующія событія до 1333 года описаны третьимъ лицемъ, въ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ XIV вѣка. Такимъ образомъ мы не можемъ согласиться съ г. Погодинымъ, который, говоря о спискахъ Русскихъ лѣтописей: Лаврентьевскомъ, Троицкомъ, Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ, заключаетъ мнѣніе свое о древности ихъ слѣдующими словами: прочіе списки младшіе, какъ-то Новгородскіе съ приписками лицъ XI столѣтія[4]).

Относительно двухъ другихъ списковъ первой Новгородской лѣтописи, Академическомъ и Толстовскомъ, изъ которыхъ первый оканчивается 1441 годомъ, послѣдній 1444-мъ, можно сказать то же, что и объ остальныхъ лѣтописяхъ Новгородскихъ, второй, третьей и четвертой, т. е., что всѣ онѣ, будучи переписаны не ранѣе XV столѣтія, представляютъ совершенную испорченность древняго языка, и не только въ описаніяхъ позднѣйшихъ событій, гдѣ писцы должны уже были писать языкомъ современнымъ, но и древнѣйшихъ. Желая подражать фонетикѣ и формамъ древнихъ оригиналовъ и не находя поддержки въ говорѣ своего времени, принявшемъ другой характеръ, они невольно принуждены были сбиваться, ошибаться, нерѣдко замѣнять старое новымъ. Отсюда неправильность, а большею частію и совершенное опущеніе глухихъ звуковъ, непослѣдовательность въ сочетаніи гортанныхъ съ гласными широкими и узкими, забвеніе переходной смягчаемости ихъ или удержаніе тамъ, гдѣ она не могла имѣть мѣста въ древности (наприм.: *мнози полцы* винит. множ.); въ формахъ тѣ же погрѣшности и то же смѣшеніе; болѣе всего пострадалъ глаголъ: въ немъ сохранились и въ позднѣйшихъ спискахъ почти всѣ характеристическія

4) Изслѣд., Замѣчан. и Лекціи М. Погодина о Рус. Истор. Т. I, стр. 80.

черты древнія, но уже безсознательно, а потому и съ множествомъ ошибокъ; наприм., окончанія *ша* и *ху*, принадлежавшія только третьему лицу множеств. числа, стали соединяться съ третьимъ лицемъ единственнаго; причастіе неопредѣленное погибло рѣшительно, принявъ безъ различія родовъ и падежей окончанія: *а*, *въ*, *ъ*, *ше*, *ще* (=че).

2) По мѣрѣ того, какъ забывались черты древняго языка, и характеръ разсказа лѣтописнаго измѣнялся все болѣе и болѣе, образовался книжный языкъ, становившійся тѣмъ отдаленнѣе отъ обыкновеннаго говора Русскаго, чѣмъ быстрѣе развивался послѣдній и чѣмъ далѣе уклонялся отъ древняго своего вида. Этотъ книжный языкъ всего сильнѣе отразился на лѣтописяхъ отечественныхъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобъ характеръ изложенія въ лѣтописяхъ былъ вполнѣ народнымъ и въ древнее время, чтобъ и тогда лѣтописецъ ни на сколько не отступалъ въ описаніи событій отъ языка разговорнаго; при всемъ этомъ, отступленія касались въ то время лишь одного слога, ограничиваясь только иными условіями словосочетанія, построенія предложеній и періодовъ, между-тѣмъ, какъ строй и составъ языка, фонетика и формы его оставались тѣмъ же, чѣмъ были онѣ въ народѣ, и какими представляются въ произведеніяхъ письменности правительственной, въ актахъ и грамотахъ, гдѣ не было нужды, не было и возможности вводить иной языкъ, кромѣ народнаго. Нельзя не замѣтить, правда, и того, что въ лѣтописяхъ XII—XIII вѣка нѣкоторыя и изъ формъ древнихъ употреблялись гораздо чаще, чѣмъ, напримѣръ, въ современныхъ имъ актахъ, какъ прошедшія простыя; но уже потому, что онѣ хоть изрѣдка встрѣчаются, и притомъ совершенно правильно, и въ послѣднихъ, можно рѣшительно заключать, что эти формы извѣстны были народу, сознавались еще имъ, хотя и начали уже терять прежнюю свою распространенность, уступая мѣсто прочимъ формамъ. Такихъ же формъ, которыя были бы вполнѣ обыкновенны въ лѣтописяхъ и рѣшительно не повторялись бы въ памятникахъ правительственныхъ, слѣдовательно не были бы извѣстны народу, мы не встрѣтимъ ни одной. Такъ и современный нашъ языкъ литературный не заключаетъ же въ себѣ ни одной черты изъ своего строя, которая могла бы казаться чуждою народу, а между-тѣмъ

какое огромное различіе въ теченіи рѣчи, сравнительно съ устройствомъ рѣчи народной? И, однако, никто не рѣшится назвать нашъ литературный языкъ подражательнымъ. Не рѣшимся никогда называть и мы такимъ языкъ древнѣйшихъ Русскихъ лѣтописей, образцемъ народности которыхъ смѣло можемъ считать извѣстный намъ Синодальный списокъ, куда вошли не только всѣ особенности Русскаго языка, но во всей полнотѣ отразились и оттѣнки мѣстнаго говора Новгородскаго. Яснѣе всего оправдывается мысль эта тѣми мѣстами, гдѣ лѣтописецъ приводитъ разговоръ самихъ дѣйствующихъ лицъ: здѣсь языкъ чисто уже народный и, однако, формы остаются тѣ же, какія распространены по всей лѣтописи; все различіе ограничивается одними пріемами выраженія, подобно тѣмъ произведеніямъ нашей литературы, въ которыхъ писатель, среди собственныхъ разсужденій, вставляетъ иногда мѣста изъ разговора простонароднаго. Не такъ было съ-тѣхъ-поръ, какъ совершился переворотъ въ формахъ древнихъ. Лѣтописецъ конца XIV или XV вѣка, списывая съ древнихъ оригиналовъ событія отдаленнаго времени, чрезъ то самое свыкался съ ихъ языкомъ, усвоивалъ себѣ характеръ ихъ изложенія, и несмотря на то, что этотъ языкъ былъ далеко уже не тотъ, какой находился въ употребленіи между его современниками, что этотъ характеръ никакъ не согласовался съ его роднымъ говоромъ, успѣвшимъ уже измѣнить древнія черты на новыя, старался поддерживать тотъ и другой въ описаніи событій и позднѣйшихъ, даже своего времени. Само-собой понятно, что, при такомъ направленіи, можно ожидать правильности древняго языка въ лѣтописяхъ новыхъ только тогда, когда бы составилъ онъ предметъ особеннаго изученія; но какъ этого не было, такъ-какъ древній языкъ, мертвый для поздняго потомства, знакомъ былъ послѣднему лишь по частому чтенію и переписыванію древнихъ памятниковъ, болѣе — менѣе механическому, то и не мудрено, что древнія формы, иногда древняя фонетика, древній складъ рѣчи хоть и продолжали господствовать въ письменности въ періодъ забвенія народомъ древнихъ чертъ языка, но употреблялись уже со множествомъ ошибокъ, совершенно чуждыхъ памятникамъ древнимъ. Кромѣ того, замѣчая огромное сходство въ языкѣ лѣтописей — оригиналовъ съ язы-

комъ книгъ церковныхъ, переписчикъ и лѣтописецъ XV вѣка легко могъ считать оба языка за тожественные; слѣдовательно признавать и древнія лѣтописи писанными языкомъ церковнымъ, не думая и не предполагая вовсе, чтобы за три, четыре столѣтія этотъ лѣтописный языкъ былъ столь же народнымъ, сколько народенъ и тотъ языкъ, которымъ говорили его современники. Подобный взглядъ давалъ ему и поводъ и право пользоваться своими познаніями церковнаго языка, какъ лицу духовному, при описаніи и современныхъ происшествій. Такъ постепенно начала проникать въ разсказъ лѣтописный подражательность, усиливавшаяся въ той мѣрѣ, въ какой отдѣлялся Русскій языкъ отъ древняго своего характера. Начало этой подражательности восходитъ къ тому времени, когда впервые обнаружились признаки упадка формъ древнихъ, и достигли полнаго развитія своего въ эпоху ихъ окончательнаго забвенія, въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ. Съ-тѣхъ-поръ церковно-Славянскій языкъ сдѣлался языкомъ книжнымъ, удерживалъ свои исключительныя права на литературу отечественную до позднѣйшихъ временъ. Еще въ концѣ XVII столѣтія, по замѣчанію иностранца Лудольфа, «Москвитяне говорили, что разговаривать должно по-Русски, а писать по Словенски.» [5]) Вотъ почему въ спискахъ XIV—XV столѣтіи мы находимъ такъ много неправильностей, несообразностей, могшихъ появиться единственно вслѣдствіе желанія писать языкомъ уже мертвымъ для своего времени, языкомъ подражательнымъ, книжнымъ. Отсюда, постоянное смѣшеніе стараго съ новымъ, отчего не могъ освободиться лѣтописецъ, такъ точно, какъ не въ силахъ онъ былъ изгладить однажды навсегда изъ своей памяти мысли о своемъ происхожденіи Русскомъ. Возьмемъ для примѣра Академич. списокъ первой Новгородской лѣтописи. Вмѣстѣ съ удержаніемъ глухихъ гласныхъ и правильнаго сочетанія звуковъ гортанныхъ, равно и переходной смягчаемости ихъ въ свистящія и шипящія, читаемъ весьма часто: *четвертокъ*, *Болгарскій*, *полкъ*, *верхъ*; *плотническій*, *намѣстники*, *въскинуша*, *влѣгъ*, *Устюгъ*, *городкъ* и т. под.; въ формахъ двойственное число переполнено ошибками: *съ обѣ стороны* (96, 103), сту-

5) Вѣстникъ Европы. 1807. № 16, стр. 292.

пившимъся обльма полкома (101), *съ обою странъ* (108), *двѣ грамоты сгорѣша* (97), *руцѣ исцѣлѣша* (105), *съвръшена бысть 2 церкви* (106); прошедшія простыя потеряли различіе и смѣшались въ лицахъ и числахъ: *ходиша Ягелло и Витовтъ* (104), *ѣздита и взяша миръ Климентей* (101); *бяше послали* (89); прошедшее сложное зачастую употребляется безъ вспомогательнаго глагола; достигательный видъ ни одного раза не попадается съ окончаніемъ *ть*, а постоянно съ *ть*, или еще чаще въ формѣ неопредѣленнаго: идоша ставити (89); вмѣсто причастій являются уже одни дѣепричастія: пріиде архіепископъ въ Новгородъ, *пріимъши* санъ святительства (76), и присла въ Новгородъ (Наримонтъ) *хотяще* поклонитися св. Софіи (77), слышавши Новогородци, Новогородци слышавъ грамоту и даша имъ отвѣтъ (91) и т. п. То же повторяется во второй, третьей и четвертой Новгородскихъ лѣтописяхъ. Въ слѣдъ за потерею правильности и стройности языка лѣтописнаго, стали обнаруживаться въ немъ слова и обороты, несвойственные языку отечественному; такъ: дондеже, идѣже, дщерь, внутрьуду, внѣуду, успе, никтоже можетъ познати своего мертвеца (Новг. 2. 14); причемъ, вопреки характера обще-Славянскаго языка, вмѣсто двухъ отрицаній удержано одно, по образцу Греческому, принятому въ болѣе-позднее время въ переводы съ Греческаго на Славянскій. Также должно считать и мѣстоименіе *иже*, являющееся какъ членъ въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, и вовсе почти неизвѣстное въ древнихъ; оно получило даже въ первыхъ характеръ какой-то неизмѣнности, употребляясь въ одномъ видѣ для всѣхъ родовъ и чиселъ. Подражательность выказалась и въ самомъ правописаніи, въ употребленіи *а* вмѣсто *я* послѣ гласныхъ: *моа, твоа* и т. п. Это обыкновеніе вошло изъ Болгаріи, и въ концѣ XIII столѣтія попадается уже одинъ такой случай въ грамотѣ: княгини моа (Собр. Госуд. Грам. и Дог. Т. 2. № 5. 1286 г.). Чаще всего встрѣчается это правописаніе въ Академ. спискѣ первой Новгородской лѣтописи. Понятно, что при такомъ настроеніи языка лѣтописнаго, далекаго отъ языка жизни, не могло уже быть той простоты въ изложеніи, какая представляется неотъемлемымъ достоинствомъ лѣтописей древнихъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИСТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

ОПЕЧАТКИ.

стр.	строки.	*Напечатано.*	*Должно читать.*
28	35	ихъ	нихъ
33	18	занимаетъ буква *ъ—ь*	занимаютъ буквы *ъ—ь*
39	14	*ьи*	*ьи*
45	9	одна *ѣ*	одно *ѣ*
—	10	являются	является
—	36	оесиь	осень
48	32	одна	одно
52	5	измѣнились	измѣнялись
75	22	неизмѣненными	неизмѣнными
76	5	въ Русу *чи*	въ Русу *ти*
77	20	средняго	древняго
79	11	полу*шести*, полъ*пяти*	полу*шеста*, полъ*пята*
91	6	mowit	mówił
92	11—12	ежедневно	естественно
101	16	Бога	Богѣ
106	11	опредѣлительнѣе	опредѣлительное
107	31	ключицы	ключицы
112	2	Вежь	Водь